Необыкновенное путешествие в безумие и обратно (Операторы и вещи)

Барбара О'Брайен

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Душевнобольной пугает. Вызывает желание отвернуться, не знать — и одновременно острое, невыносимое любопытство. И совершенно непонятно: что — вот жил себе человек, жил и вдруг — сошел с ума? Об этом и повествует уникальная книга Барбары О'Брайен. С той разницей, что «это» произошло с ней самой, а после тяжелейшего психотического эпизода она смогла этот опыт описать. Но как! Блестящий язык, тонкая ирония, яркие зарисовки американской психиатрической системы 50-х годов, интереснейшие размышления о статусе душевнобольных как одного из меньшинств, о психоанализе, о природе шизофрении… Да, и это тоже — с тем же юмором и блеском! Для психиатра и психолога эта работа должна войти в "обязательную программу" как почти беспрецедентное свидетельство живой и талантливой души, побывавшей на "той стороне Луны" и вернувшейся в мир обычных людей с необычным знанием. Для всех остальных это — первоклассное, захватывающее чтение, которое дает куда более сложное и человечное представление о безумии, чем это свойственно обыденному сознанию. Эта книга не только о «них», но и о том, чем «они» являются для «нас». А еще она о том, что совсем-совсем близко происходят события, перед которыми бледнеют мистика, фантастика и приключенческие романы вместе взятые.

- ○ От издателей — вместо предисловия
  - ○ Вступление
  - ○ Предисловие
- ОПЕРАТОРЫ И ВЕЩИ
  - ○ ШИЗОФРЕНИЯ: ВЛАСТЬ ДЕМОНА
  - ○ ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
  - ○ ЧАСТЬ ВТОРАЯ
  - ○ ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
  - ○ ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

От издателей — вместо предисловия

"Изумиться (устаревш., церковн.) — сходить с ума, лишаться рассудка, обезумливать, выживать из ума".

Вл. Даль

Толковый словарь живого великорусского языка

Странная, странная книга. Что и с чем в ней только не встретилось… Описание атмосферы интриг в американской «конторе» — ядовитая сатира на все конторы мира. "Остросюжетная психопатология" болезни рассказчицы временами заставляет забыть, что это такое, и читать-почитывать, как фантастику. Исповедь борющейся за себя души, которую несет по волнам безумия, заставляет вспомнить и пережить разные чувства — от ужаса до восхищения — как при чтении дневников отважных путешественников-одиночек: "На шестой день на горизонте показался… " Сделанные «путешественницей» ироничные зарисовки ученых мужей-психиатров, психоаналитиков, сидящих со своими нормами да прогнозами на берегу неукротимой стихии, изящны и, пожалуй, сочувственны. Размышления о причинах и механике случившегося тянут на крепкий, сдержанный в оценках «научпоп». И так далее.

Совершенно очевидно — откройте на любой странице — что это хорошая книга. Замечательная ее переводчица, правда, дважды сказала: "Нет, не возьмусь". (Потом была рада, что взялась). Все из-за темы: "про это". Ведь переводчик — это тоже "с берега на берег", не окунуться в ту самую стихию невозможно. Вот и страшно было, хотя потом оказалось, что книга — веселая, как ни странно. (Было еще такое советское словцо «жизнеутверждающая», которое теперь всерьез не употребишь — а так бы подошло!) Право, есть в этой "истории скорбного разума" что-то в высшей степени здравое, ясное и даже озорное. Читателю уже нечего бояться: все по-настоящему страшное рассказчица пережила сама, ему же оставлено только захватывающее повествование с хорошим концом.

Что же касается издателей… Мы понимаем, что как независимое и специализированное издательство мы принимаем на себя ответственность за этот выбор, за судьбу русского перевода "Операторов и Вещей" и за то, как "странная книга" впишется в основанную нами серию "Библиотека психологии и психотерапии". И считаем, что впишется. «Наши» авторы, в отличие от Барбары О'Брайен, — блестящие профессионалы в сфере заботы о душевном здоровье, и именно они высказывали на

сей счет довольно неортодоксальные суждения. Некоторые, страшно сказать, близки к выводам, выстраданным автором этой книги.

Вот мудрецы-патриархи серии — впервые переведенные нами на русский Милтон Эриксон и Дональд Вудс Винникотт. Классики. Ведь, если вдуматься, один учил, что доктор должен каждый раз угадывать, как больному самому себя вылечить. Другой советовал родителям младенцев больше доверять своей интуитивной мудрости и меньше полагаться на науку, светилом коей сам влялся. А одна из первых книг серии (Дж. Грэхэм) вообще называется "Счастливый невротик". И все без исключения авторы согласились бы с тем, что могучие силы «Океана» — бессознательного — способны порождать и озарения, и монстров. И ни один бы не заявил, что умеет укрощать эти силы — уж скорее, улавливать и использовать в интересах дела их колебания, пытаться вступить в диалог. И никого из изданных нами профессионалов — мы уверены! — не шокировало бы соседство в одной серии с книгой, написанной пациенткой, — они-то как раз оценили бы и то, что это "голос с другой стороны", и то, что она абсолютно самостоятельна и вневедомственна.

Что вневедомственна, мы поняли, когда думали, кто бы написал к ней предисловие. Психолог: до психологии ли в остром психозе? Психиатр: галлюцинации и бред еще и не такие бывают; спонтанные ремиссии при шизофрении — да, случаются, это известно; а зачем и кому это нужно читать? (И ведь будет прав…)

Кто еще? Антрополог? Философ? Собиратель курьезов и редкостей? Литературовед, специалист по «фэнтэзи»? Кому рекомендовать эту книгу как «свою» и кто не скажет "чур меня"?

Со времени, когда происходили события «ничьей» книги, прошло много лет. Во всем мире психиатрия изменилась — как и сам мир — а тайна безумия все равно есть. Грозная, мрачная, но не только. Об этом, кстати, Барбара О'Брайен написала через двадцать с лишним лет после «событий» прекрасную статью «Постскриптум», любезно присланную нам литературным агентством "Марк Патерсон энд Ассошиэйтс". Ничего «такого» с ней больше не случалось, а почему — с ней, почему — это, почему — с таким исходом… никто никогда не объяснил. "Такие дела", — как говорили на планете Тральфамадор.

А между тем появление у нас книги Барбары О'Брайен кажется странно логичным. Именно здесь, именно теперь… И "двунадесять языков" смешавшихся в ней жанров, и беспредельное одиночество героини, отчаянно пытающейся все время заново себя определить, вынырнуть, сориентироваться — чтобы в конце концов сказать миру «да», посмотреть ему в глаза и дать ему

принять себя обратно… Чем это задевает, что отзывается? В каком-то смысле — одном из многих — эта книга о том, как невозможное случилось (к чему никто и никогда не бывает готов), осозналось и было принято. (В рекламе одного психологического тренинга говорится: "Мы раздвигаем Ваши стены". Участница вечерком написала в дневнике: "Когда раздвигаются стены, едет крыша").

… Когда все смешалось в бывшей Стране Советов и многие стали заниматься не своими делами, о которых даже и не догадались бы раньше, — невозможное стало возможным. А одним из наших дел стало издавать книги. Эта — одиннадцатая.

Леонид Кроль, Екатерина Михайлова

Вступление

"По сути дела, в психологии все зиждется на опыте, — утверждал К. Г. Юнг. — Вся теория, даже когда она воспаряет в самые абстрактные сферы, вляется прямым результатом чьих-то переживаний".

В этой книге конкретный человек рассказывает о своих фантастических переживаниях, которые с трудом вписываются в абстрактные теории, включая и разработанные мною. Хотя на сознательном уровне мы общаемся на одном зыке, выработанном одним социумом и одной общечеловеческой культурой, все же общение с собственным подсознанием — задача не из легких. Для психологии любой личностный опыт представляет интерес, ибо чтобы стать действенной теорией, а не надуманной систематизированной схемой, психология должна постоянно изучать непосредственный опыт.

В идеальном варианте стоило бы попытаться интерпретировать содержание шизофренического мира Барбары с помощью какой-нибудь из моделей подсознательных процессов, независимо от степени ее разработанности.

В этом отношении особый интерес в рассказе Барбары представляют два момента. Первое: ощущение того, что разыгранная ее подсознанием драма задумана с целью спасти ее от чего-то невыносимого, а это подтверждает гипотезу Фрейда, что механизм галлюцинации является не болезнью как таковой, а попыткой вернуться в нормальное, здоровое состояние. В своих галлюцинациях Барбара не перемещается в век богов и демонов, ее преследуют ужасы Человека Организованного. Так она реагирует на действия сил, подавляющих творческое начало в работе, и пытается установить отношения доверия с другими силами, что сделало бы ее жизнь более радостной.

В мире Барбары творческих людей насаживают на крючок, а доверчивых устраняют. Для большинства из нас проблемы творчества и душевного взаимопонимания так же понятны, как разница между содержательной и гармоничной жизнью и затаенным отчаянием. Для Барбары же это вопросы жизни и смерти, и в этом заключается разница в отношении к проблеме нормального человека и шизофреника. Как признает сама Барбара, ее проблемы нельзя считать разрешенными, и выздоровление пока еще не является полным. Галлюцинации кончились, и сознание вполне справляется с работой, но все так же невыносимо думать о крючколовах, и вряд ли она сможет доверять людям в такой степени, чтобы человеческое общение

приносило ей радость. Мир остается таким же враждебным для Барбары, а ее главной задачей остается выживание. Однако незаурядный ум и стремление к творчеству, подтолкнувшие Барбару к созданию этой книги, вселяют надежду и оптимизм.

Психология мало что может сказать по поводу творчества. На основе своего анализа Фрейд объявил Достоевского невротиком, но добавил: "Сталкиваясь с художником, творцом, анализ, увы, вынужден сложить оружие". Барбара владеет пером, и причем отлично; для нее творчество стало тем терапевтическим средством, которое помогло ей подняться над рутинным миром психиатров с их копанием в чужих душах и однообразным бумагомаранием. Барбара вносит систему и порядок в хаос, облекая язык подсознания в приемлемую для сознания форму, к чему лишь приблизились самые лучшие из лечебных методик.

Второй интересный момент в работе Барбары касается весьма перспективных исследований относительно связи между душевной болезнью и физиологическими расстройствами. Она понимает, что в разыгранной подсознанием драме ей ясно по крайней мере одно: пусть работают адреналиновые железы, надо разозлиться, иначе пропадешь. Согласно новейшим исследованиям, у больных депрессивным психозом и у части шизофреников (а иногда и у обычных невротиков) физиологические реакции на стресс отличаются от физиологических изменений у тех пациентов, которые в стрессовых ситуациях проявляют агрессивность или изворотливость. Например, у поддавшихся страху выделяется меньше норадреналина. Возможно, страх — это физиологический яд, угрожающий жизни человека, потому что пугает его даже самой возможностью испытать состояние гнева.

Вполне вероятно, что реакция гнева вызывает необходимую для психологического равновесия физиологическую перестройку организма. Не исключено, что опасение проявить гнев перерастает в боязнь активных действий и поступков, что в итоге кончается желанием забиться в свою нору. Отчаянный бросок Барбары через всю страну был, по моему мнению, первым шагом к активному излечению, тем более, что раньше нее привычные места покинул ее разум.

И мне, и читателям, видимо, хотелось бы знать больше о Барбаре: как она выглядит, как прошло ее детство, чем она занимается сейчас, кто сыграл важную роль в ее жизни, помимо начальства? Но мы знаем лишь, что это творческая и независимая натура, с глубоким интеллектом, сильной нравственной опорой и живым характером.

Именно веселость и юмор больше всего поражают меня в

Барбаре. Занятое решением вопроса жизни и смерти, что оказалось не минутным делом, а потребовало месяцы, ее подсознание породило образы, достойные Кафки и Эдварда Дж. Робинсона, и одновременно такое милое и трогательное существо, как Ники. Сама книга напоминает голливудский сценарий, с той разницей, что этот сценарий свидетельствует о бесценном человеческом свойстве: способности перевести внутреннюю тревогу, страхи касательно понятий добра и зла в отвлеченную пьесу с героями и злодеями, пьесу трогательную и забавную.

Психология, если она хочет быть наукой, а не догмой, должна учиться у таких людей, как Барбара, чтобы понять, что подсознание вряд ли вписывается в те механистические шаблоны человеческого поведения, на которые мы так безусловно полагаемся.

Майкл Маккоби,

Гарвардский университет

Предисловие

В этой книге умная, наблюдательная и талантливая женщина возвращается из мира воображаемых образов к терапевтам и исследователям, чтобы помочь им в их усилиях установить причины шизофрении.

В своем стремлении понять, как она внезапно оказалась в мире галлюцинаций, который покинула полгода спустя, автор раскрывает потрясающе ясную картину современного знания и неведения относительно шизофрении. Ее подробный и систематизированный отчет и толкование болезни и выздоровления служат ценным и богатым источником фактов и гипотез для исследователей душевных болезней. За это они навсегда останутся в долгу у Барбары.

Я уверен, что не только профессионалы, для которых книга является выдающимся вкладом в понимание этиологии, лечения и социальных аспектов душевных заболеваний, но и широкий круг читателей признают появление нового художника и по достоинству оценят это литературное произведение.

Л. Дж. Рейна,
научный консультант Бедфордской
центральной больницы, Массачусетс,
адъюнкт-профессор психологии,
Бостонский университет

ОПЕРАТОРЫ И ВЕЩИ

ШИЗОФРЕНИЯ: ВЛАСТЬ ДЕМОНА

Представьте, что, проснувшись поутру, вы обнаруживаете стоящее у постели существо в пурпурную чешуйку, которое утверждает, что явилось к вам прямехонько с Марса. Оно, видите ли, изучает род человеческий, а ваш ум как раз подходит для полевых исследований, которые оно намеревается провести.

Не в силах вымолвить и слова, вы только изумленно таращитесь на незваного гостя, который тем временем вальяжно располагается в вашем любимом кресле, непринужденно перекинув хвост через подлокотник, и сообщает, что только вы можете видеть и слышать его. Сурово уставившись на вас своими тремя глазами, гость предупреждает, что никто не должен знать о его существовании, в противном случае он немедленно вас уничтожит.

Возможно, вы сразу подумаете, все ли у вас в порядке с головой. Но вы отчетливо видите этого красочного марсианина и слышите его громкую и внятную речь. Основываясь на информации, полученной с помощью зрения и слуха, вы, невзирая на предельную несуразность факта, вынуждены согласиться, что все сказанное незнакомцем соответствует действительности.

Если особенности вашего характера не позволяют вам верить в марсиан, запросто наведывающихся в ваш дом, тогда визитером может оказаться сам всемогущий Господь. А то и вовсе черт, либо какая-нибудь иная неординарная фигура. Во всяком случае, независимо от облика, пришельцу свойственны три основные характеристики: он имеет властные полномочия, обладает сверхчеловеческими способностями, и каким-то непонятным образом его сверхъестественность воспринимается вами как нечто вполне приемлемое и правдоподобное.

Остановимся на варианте с марсианином, тем более что растущая, как снежный ком, информация о летающих тарелках придает всей ситуации некоторую степень вероятности. Охваченные смятением, вы все же стараетесь вести обычный образ жизни, свято сохраняя свою великую тайну. Вы беседуете с друзьями, выполняете свою работу, вовремя садитесь за обеденный стол, не показывая виду, что рядом с вами находится Некто. Марсианин предупреждает, что он легко читает ваши мысли и отвечать на его вопросы надо лишь мысленно, не говоря ничего вслух. Вы быстро убеждаетесь, что это не пустая похвальба, ваш новый знакомец подтверждает слово делом.

Если вы умеете достаточно владеть собой, какое-то время вам

удается сохранять свою тайну, пока с вами не происходит нечто необычное. Вдруг кто-то из друзей замечает, что с вами творится что-то не то и предлагает излить душу. Это вовсе не входит в ваши намерения, ведь, стоит вам открыть рот, как и вы, и ваш доброжелатель тотчас распрощаетесь с жизнью. Вместо этого вы еще тщательнее следите за собой, держите себя в руках что есть мочи и отчаянно умоляете марсианина поскорее закончить свои исследования и убыть восвояси.

Случается, что марсианин и вправду исчезает на несколько дней или недели. Но вероятность такого поворота дел не более пяти сотых процента. После того как ваш знакомец вернулся на Марс, вы испытываете невероятную физическую усталость, а ваш мозг, работавший на третьей космической скорости в присутствии марсианина, постепенно замирает и чуть ли не перестает работать совсем. День проходит за днем, и вы постепенно приходите в норму. Со временем вы даже, возможно, поделитесь своим невероятным переживанием с кем-нибудь из близких.

Однако с вероятностью в 99.95 % можно утверждать, что, появившись в вашей жизни однажды, марсианин устроится в ней на долгие месяцы. Скорее всего, дело кончится тем, что вы окажетесь в психиатрической клинике и вас будут периодически лечить электрическим и инсулиновым шоком. Есть шанс, что после нескольких сеансов пришелец исчезнет.

Гораздо больше вероятность того, что и после сотого шока марсианин будет благополучно пребывать рядом с вами. К этому времени вы настолько падете духом, что вам будет ровным счетом наплевать, убьет ли вас ваш мучитель или нет. А, может, еще до этого доктора сумеют развязать вам язык с помощью соответствующих уколов, и вы без удержу станете рассказывать и докторам, и всем, кто только подвернется под руку, о своем визитере и о том, почему он преследует вас.

Естественно, вам не поверят. Да это и не особенно вас удивит. Ведь марсианин настроен только на вашу волну, поэтому другие не видят его и не слышат. Узнав о ваших разоблачениях, марсианин скорее всего подстроит вам какую-нибудь пакость, а вы, вконец разозлившись, врежете ему как следует поперек живота, испытывая ликование от собственной отваги. Пока вы радуетесь, что наконец так удачно сумели дать выход своему многомесячному напряжению, ваши белы рученьки затолкают в смирительную рубашку, а вас накачают мощными транквилизаторами или используют еще более интенсивную шоковую терапию, чтобы впредь неповадно было руки распускать.

Врачи потрудились не зря, и ваш воинственный пыл в

отношении марсианина заметно поубавился. Вы взвешиваете сложившуюся ситуацию и обреченно отдаетесь на волю событий, понимая, что ни одна живая душа не в силах вам помочь. С усталой покорностью вы ждете, когда марсианин соизволит отбыть на Марс. Возможно, ждать вам этого придется всю оставшуюся жизнь, обретаясь в заведении определенного типа.

У вас заурядная разновидность душевного заболевания — шизофрения, распространенная в Америке, пожалуй, более, чем где-либо еще, и темпы роста которой особенно поражают в последние годы. Ваш разум «раздвоился», и его подсознательная часть больше не подчиняется вашему сознанию. Подсознание приготовило для вас премьеру собственного спектакля. Его содержание зависит от того, что накопилось в подсознании и от тех отношений, что сложились между ним и сознанием в былые времена единения. Есть вероятность того, что с каждым днем ваша личность будет все больше распадаться. С другой стороны, не исключено, что терпеливым трудом вам удастся воссоздать ее из тех осколков, в которые она превратилась.

Одно можно сказать с полной определенностью: когда вы сидите на своей больничной койке, уставившись в стенку, изучая то, что от вас осталось, и уныло заключаете, что помощи ждать неоткуда, ваш вывод не оставляет сомнений в его разумности и здравости. Если вы заболели шизофренией и с ней не удалось справиться с помощью нескольких сеансов шоковой терапии и психотропных препаратов, никто на свете не сможет вам помочь. В этот момент, когда власть захватил демон, единственным помощником может оказаться подсознание.

Нет никакого объяснения тому, что так много американцев попадают в ловушку шизофрении и зависит ли это от особенностей их темперамента. И вообще неизвестно, лежит ли в основе заболевания эмоциональная сфера. Или это результат невыносимого стрессового воздействия окружающей среды. Кто знает, может, главную роль играют эндокринные нарушения. А может, в питании не хватает каких-то аминокислот или других веществ. Над всеми этими теориями ломает свои мудрые головы не очень большая группа ученых в надежде определить причину заболевания и выправить менее мудрые головы пациентов.

К настоящему времени достаточно определенно установлены три момента относительно шизофрении: никто не знает ее причин, никто не знает, как ее лечить; количество исследователей в этой области столь мизерно, что вряд ли стоит надеяться на решающий прорыв в ближайшем будущем.

Просто удивительно, насколько рядовая публика невежественна относительно шизофрении и ее последствий для

больного. Наиболее распространенное представление сводится к тому, что при шизофрении нарушается целостность личности, в больном как бы живут два, а то и больше разных людей; что восставшее подсознание сбрасывает оковы, выходит из повиновения сознанию и объявляет ему гражданскую войну, и что в результате этого раскола периодически возникает новая личность, состоящая из тех частей прежней личности, которые сознание упорно и намеренно подавляло.

Довольно часто так оно и бывает. Но в большинстве случаев подсознание выбирает себе не роль актера, а роль режиссера. Оно не старается создать новую личность, но ставит целую пьесу. В этом варианте разница заключается в том, что сознанию разрешается присутствовать на представлении. Итак, публика в лице одиноко сидящего в зале сознания смотрит пьесу и не имеет права покинуть зал.

Когда вы сидите и наблюдаете за своим марсианином, вы видите картинку, нарисованную вашим подсознанием, это его голос вещает голосом пришельца. Более того, оно окутывает гипнотическим туманом ваше сознание до такой степени, что вы верите в реальность происходящего, в реальность ваших галлюцинаций.

Если марсианин привидится здоровому человеку, тот сразу поймет, что это галлюцинация. Когда алкоголику в белой горячке мерещатся разгуливающие по комнате тигры, он осознает, что это бред и даже понимает его причину. При шизофрении мыслительный механизм находится под дурманящим воздействием подсознания, которое в нормальном состоянии является самым верным помощником сознания. Ваше подсознание, этот захвативший власть демон, становится для вас последней судебной инстанцией. И по тому, с какой энергией этот демон берется за дело, можно легко догадаться, что пощады ждать нечего. Не успели вы перевести дух, как на сцене появляется марсианин или еще что-нибудь в этом роде. Ваше сознание быстренько препровождают в ложу, усаживают с удобствами, и представление начинается. Демон подсознания, он же режиссер, направляет в сторону сознания легкий ветерок внушения, словно подсказывая: "Верь тому, что слышишь; верь тому, что видишь. Все это так и есть, иначе ничего бы не было".

Возникающая перед вашими глазами фигура может быть расплывчатой, как привидение, или вполне четкой и даже многоцветной. Рассказы шизофреников поражают разнообразием видений, в зависимости от одаренности подсознания. Но голоса всегда звучат громко и отчетливо, видимо, для этого подсознанию не нужен особый талант. Итак, должным образом

обставив свое появление, подсознание приступает к тому, для чего оно, собственно, и затеяло весь спектакль — оно начинает давать вам указания.

Даже когда шизофрения достигает полной силы, сознанию все же удается сохранить кое-какие из своих привилегий. Невзирая на всю свою бутафорию и маскарад, подсознание все же понимает: чтобы добиться своего, сознание нужно уговаривать, улещивать, запугивать. Ясно как день, что сознанию было начертано командовать и руководить, и подсознание ни на минуту не забывает об этом. Дорвавшись до власти, чего оно только не изобретает, чтобы заморочить вам мозги.

К чему же сводятся его указания? Здесь многое зависит от того, чем вы наполнили свое подсознание в течение сознательной жизни. Согласно статистике, шизофренией заболевают самые разные люди: мужчины и женщины, молодежь и старики, гении и тупицы, богатые и бедные, люди с устойчивой и неустойчивой нервной системой. В этом одна из загадок болезни. Ваш пришелец может проявить чудеса изобретательности, когда становится вашим советником. А может действовать напролом, разрушая все на своем пути, включая вас самих. Самоизлечение от шизофрении — явление не такое уж редкое, точно так же, как самоубийства и убийства. По иронии судьбы шизофрения несет в себе элемент некоей жестокой справедливости. Впервые в жизни вы оказываетесь полностью во власти самого себя, такого, какой вы есть на самом деле.

Кто же эти люди, ставшие жертвами шизофрении? Кого только здесь нет. Вполне можно предположить, что среди них была Жанна д'Арк. Возможно, именно на уровне подсознания она увидела свою разоренную, униженную родину и с крестьянской проницательностью и смекалкой поняла, как можно ее залечить и возродить. Вот тут-то подсознанию удалось обвести и Жанну, и весь народ. Жанна увидела и услышала традиционные фигуры святых и последовала их указаниям. Отчаявшийся народ обрел себя под ее развевающимся знаменем, ведомый ее образами. (Мы не будем касаться вопроса о том, являлась ли Жанна орудием в руках Божьих. Вполне допустимо, что шизофрения ничуть не умаляла ее святости. Безмерна воля Господа и пути Его неисповедимы.)

С другой стороны, нет сомнений, что шизофреником был человек, несколько лет назад убивший свою тещу якобы по "велению голосов". Понять его в определенном смысле легче, чем Жанну. Он сделал то, о чем многие другие только мечтают. Бедняжка Жанна увидела все горе своей родины, и это прозрение раскололо ее сознание, но из этого раскола родилось нечто

цельное — желание отдать себя служению своему народу.

У меня шизофрения развилась внезапно, что сейчас считается удачей, так как обещает оптимистический прогноз.

Проснувшись поутру, я увидела у своей постели три серые и довольно туманные фигуры. Надо сказать, что в это время у меня были большие неприятности в личной жизни, что сопровождалось стрессом и глубоким внутренним конфликтом. Естественно, что все мои проблемы мигом вылетели из головы, и загадочные гости всецело овладели моим вниманием. Это были не марсиане, а Операторы, в определенной степени явление еще более странное, чем марсиане. Я выслушала их, взвесила все их доводы и решила, что стоит последовать их указаниям. Быстро собрав чемодан, я села на автобус компании Грейхаунд (по их рекомендации) и последовала за ними. Укатив на автобусе, я благополучно оставила позади массу проблем, справиться с которыми у меня не было никаких сил.

Но то, от чего я пыталась уйти в здравом уме, настигло меня в болезни. Со временем я поняла, что изложенная Операторами проблема была как раз той проблемой, которую я надеялась оставить позади. Погрузившись в новый мир ирреальности и почти потеряв представление о мире здравого рассудка, я обнаружила сходство между этими двумя мирами только через полгода, когда, по совету моих голосов, я вошла в кабинет психоаналитика и сообщила ему то, что мне велено было передать.

Натренированный глаз врача заметил признаки приближающегося самопроизвольного выздоровления. Он бился со мной четыре дня в ожидании события и почти было потерял всякую надежду, когда голоса (главный симптом) внезапно исчезли.

До болезни я отличалась наблюдательностью и отличной памятью, эти качества сохранились у меня и во время болезни. Теперь, когда ко мне вернулся здравый рассудок, я смогла вспомнить все происки моего демона, все, что он мне нашептывал, находясь у власти. Во время болезни я вполне безмятежно и даже с интересом наблюдала из своей ложи за действием пьесы, и до меня в конце концов дошел ее смысл. К тому моменту, когда я вошла в кабинет аналитика, мне было известно, на чьей стороне победа.

Особую ценность рассказу об Операторах придает тот факт, что я оказалась среди счастливчиков, которым удалось спонтанно излечиться. Как ни странно, эта компания гангстеров была занята конструктивным делом, они заделывали трещину в моем мыслительном аппарате. Породившее их подсознание

преследовало несколько целей и не последней среди них было желание удержать внимание зрителя в ложе.

Главы этой книги являются достоверным, хотя и несколько сокращенным рассказом о шизофрении. Это образчик того, что происходит в голове шизофреника. Главы, относящиеся к периоду, непосредственно следовавшему за выздоровлением (избавлением от основных симптомов), содержат материал не менее, а даже, может быть, более странный, чем беседы Операторов. Некоторые события и впрямь выглядят удивительными, но в совокупности они вполне объяснимы. Ремонт мыслительного аппарата все еще продолжался, и сознание не могло принять на себя полное управление всей системой. Пока ремонтные работы не завершились, к ним время от времени подключалось подсознание, если чувствовало в этом необходимость, с тем чтобы дать руководящие указания и убрать возникающие затруднения. Возможно, это происходило потому, что в силу своей стихийной одаренности подсознание лучше справлялось с экстремальными ситуациями. Когда ремонт закончился, и сознание встало за пульт, все странности в поведении прекратились.

В рассказе о двух фирмах, где мне пришлось работать, я прибегла к некоторому камуфляжу, поскольку мне не хочется ставить в неловкое положение тех людей и те фирмы, с которыми мне пришлось иметь дело. Между прочим, описанная мною атмосфера типична и актуальна для любого офиса.

Итак, знакомьтесь — шизофрения.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ОПЕРАТОРЫ УХОДЯТ

Как и во время предыдущих визитов к психоаналитику, Операторы оставили меня у двери его кабинета.

Доктор Доннер направился мне навстречу. Кабинет, словно плотным туманом, был наполнен тревогой. Он улыбнулся и пригласил меня сесть на кушетку. Присев, я ждала, пока он объяснит, чем вызвана его тревога.

— Я обсуждал ваш случай с одним из моих коллег. — Доктор неопределенно повел рукой и посмотрел куда-то в стену. Обычное, словно приклеенное, приветливое выражение сползло с его лица. Оно как-то сразу стало измученным и усталым, и даже слегка испуганным. Он чем-то напуган, подумала я и наклонилась вперед, чтобы получше разглядеть его лицо.

— После такого длительного периода шизофрения редко проходит без шоковой терапии. — Он подошел к столу и заглянул в лежавший на нем открытый блокнот.

— Вы точно помните день, когда все это началось? Да, еще как помнила.

— Ведь шесть месяцев прошло. — Доктор уныло уставился в стену. — Не хотелось бы шоковой терапии. В большинстве случаев от нее мало проку, а иногда последствия бывают… нежелательными.

На его лице ясно читался страх.

Тут я поняла, почему так пристально изучаю его лицо. К моему мозгу подключился Хинтон и изучал аналитика моими глазами.

— Боюсь, что все-таки придется лечь в больницу. — Словно что-то вспомнив, доктор отвел глаза от стены и внимательно посмотрел на меня. — Я так надеялся, ведь все признаки были налицо…

Он замолк, словно ожидая от меня хоть каких-нибудь слов.

Давай, действуй, подсказывали Операторы. Действуй, что бы там ни было.

— Когда мне ложиться? — спросила я.

Доктор Доннер вздохнул. Перевернув страничку блокнота, он записал имена и адреса ближайших родственников. Да, все они живут в тысячах миль от меня. Нет, в городе у меня никого из близких нет. Мне надо прийти к нему на следующий день в это же время, и он отвезет меня в больницу.

Я вышла из больницы и минут пять простояла у подъезда, но

ни Хинтон, ни Кареглазая не появились. Не было смысла говорить доктору, что окончательное решение о больнице примут Хинтон и Кареглазая. Они проспорили всю предыдущую ночь, решая, как отремонтировать мою голову. Уже засыпая, я все еще слышала их недовольные голоса.

Кареглазая предлагала заложить мне голову камнями, чтобы Операторы не могли подключаться к моему мозгу. Хинтон возражал против камней.

— Чем тебе не нравятся камни? — возмущалась Кареглазая. — Толстый слой камней — самое надежное дело. Под ним прорастет новая решетка и не надо будет опасаться, что этому помешает какой-нибудь проныра Оператор.

— Вот об этом я и толкую, — огрызнулся Хинтон. — Мне нужно наблюдать, как образуется новая решетка, чтобы убедиться, что она растет правильно. Я против камней. Нужна доска с отверстием.

Лично я предпочла бы камни. Я знаю, что такое решетка. На языке Операторов это устойчивые поведенческие навыки. Моя решетка была повреждена и теперь должна была вырасти заново. Еще не хватало, чтобы этот чокнутый Хинтон руководил восстановлением моих навыков.

Я взглянула на ручные часы. Обычно они подхватывали меня прямо на выдохе. Вернувшись в гостиницу, я открыла дверь номера и прислушалась. Тишина. Я вошла, села и стала ждать. Стемнело, пора было ложиться спать. Проснувшись, я взглянула на часы и поняла, что они так и не появились. Операторы никогда не давали мне поспать больше шести часов. Я проспала пятнадцать.

На следующий день, войдя в кабинет доктора Доннера, я увидела на его лице все то же тревожное выражение. Он ничего не знает, подумала я. Его Оператор, вероятно, знает, но сам он еще в неведении.

— Они исчезли, — сообщила я. — Голоса. Они исчезли и не вернулись.

У доктора отвисла челюсть, но тут же рот растянулся в широкой улыбке. Он вздохнул с облегчением и снова улыбнулся. Предложив мне сесть, он попросил рассказать все поподробнее. Слушая мой рассказ, он радостно кивал головой.

— Они вернутся? — спросила я.

Он посмотрел на меня настороженно-острым взглядом, словно подозревая, что я хочу его о чем-то предупредить. Затем он решил, что пора брать ситуацию в свои руки. До этого он только наблюдал за действиями Операторов. Он выпрямился во весь свой рост, и в его облике появилась уверенность.

— Нет. Нет. Они не вернутся. И в больницу не надо ложиться. Никакой шоковой терапии. Теперь с вами все будет в порядке. — Он бросил на меня еще один острый взгляд, чтобы убедиться, что я чувствую его уверенность. Вернувшись к столу, доктор пошелестел бумагами, всем своим видом показывая, что теперь командовать парадом будет он.

— Никакой больницы, — твердо повторил он. Никаких камней, подумала я, никаких камней.

— Займемся психоанализом, — произнес доктор Доннер. Значит, доска с отверстием, подумала я, и поняла, что Хинтон настоял на своем.

Доктор Доннер удивил меня. Мне всегда казалось, что психоаналитик должен держаться перед пациентом спокойным и невозмутимым, как скала, на которой волны эмоций не оставляют и следа. Доктор Доннер был нетерпеливым, нервным, беспокойным. Его состояние не передалось мне, я только наблюдала. С тех пор как исчезли голоса Операторов, мне казалось, что все опустело и иссохло у меня внутри. Я стала каким-то роботом без чувств и мыслей. После многих месяцев творимого Операторами бедлама наступил долгожданный покой и песчаный берег моего разума отдыхал после бури.

— Вы увлекались фантастикой? — спросил доктор Доннер. — Ваши образы словно вышли из сборника фантастических рассказов.

С трудом пробираясь через свое разумное прошлое, я не сразу ответила.

— Обычно я читала «Время» (Time). Пыталась читать на ночь вечерний выпуск «Времени», да все времени не хватало. На «Время» не было времени.

Меня позабавило повторение слова "время".

— Можно сказать, что у меня не было времени с пользой использовать время.

Доктор подступил с другого боку.

— Вы проявили удивительное самообладание, путешествуя по всей стране в течение полугода, учитывая ваше состояние здоровья.

Я с трудом удержалась от того, чтобы не назвать его слова нелепостью. Ведь я же не управляла собой. Управляли мною. Чтобы у него не оставалось сомнений, я добавила:

— Поймите, весь этот кавардак прекратился. Я в совершенном порядке.

За исключением того, что голова кажется ужасно пустой и высохшей, подумала я про себя.

— Да, вы избавились от основных симптомов. Вы поняли, что

не существует никаких Операторов, что это просто шизофреническая галлюцинация. Между прочим, а почему вы это назвали "кавардак"?

Я тупо уставилась на него. И в самом деле, почему?

— Подумайте минутку, — сказал он с раздражением. — Не говорите, что у вас нет ничего в голове. Вы это без конца повторяете. В голове всегда идет мыслительный процесс.

Я попыталась подумать, но мне стало больно, и я отказалась от попытки. На иссохший берег моего разума набежала легкая волна: мой разум сейчас нуждается в отдыхе гораздо больше, чем в аналитике. Только я собралась перевести эту волну в слова, как набежала еще одна, более полная: пожалуй, лучше ни о чем не говорить. Я молча уставилась на доктора Доннера.

Аналитик посмотрел на часы, полистал свой блокнот и назначил время следующего приема, подождав, пока я старательно записывала все на листок бумаги.

Выйдя на улицу, я сразу отправилась в парк, где теперь проводила значительную часть времени. Это был обширный тихий парк с озером посередине. Там обитали утки, чайки, какие-то болотные птички и один величественный лебедь. Я всегда любила птичий мир, да как-то все не доводилось понаблюдать за его повседневной жизнью. Чего-чего, а времени теперь у меня было более чем с избытком.

По воде скользил лебедь, а у него на спине виднелась длинная черная палка. Сидевшая на одной скамейке со мной женщина с любопытством наклонилась вперед.

— Посмотрите вон на того лебедя, — обратилась она ко мне. — У него на спине какая-то палка, видите?

Я внимательно пригляделась. На высохший песок моего разума набежала очередная волна. Он впитал ее и перевел в слова.

— Да это нога. Возможно, она повреждена и сильнее болит в воде. А, может, лебедь просто отдыхает.

Женщина вглядывалась, прищурив глаза.

— И верно, теперь я вижу, — сообщила она.

Какой это был восторг ощущать, как мягкие, ласковые волны наполняли иссохшую пустоту моего черепа полезной информацией. Ведь я никогда в жизни не видела, какая у лебедя нога, да и самого лебедя тоже. Чтобы получше разглядеть, я приблизилась к самой воде. Нога и впрямь выглядела как черная палка. Я даже засомневалась, нога ли это, но доверилась моим волнам. Пока что они мудрее иссохшего берега.

Часами я наблюдала за птицами. Мне казалось, что они помогают удержать Операторов вдали от меня. Набегающие

волны подсказывали: ты должна вспомнить шизофрению, а не кавардак; не Операторов, а свое подсознание; все, что нашептывали Операторы — это то, что подсознание подсказывало сознанию. Так я наблюдала за птицами, пока не ощутила, что на иссохшем берегу моего сознания, помимо волн, зашевелилось еще что-то. Как странно, подумала я, что мое подсознание называет себя Оператором, а мое сознание считает Вещью.

До появления Операторов

Когда я думаю об Операторах-крючколовах, мне видится человек с крюком в спине. Привязанная к крюку веревка проходит через укрепленный на потолке блок. Подвешенный на крюке, не доставая ногами до полу, болтается человек. Его лицо искажено от невыносимой боли, он судорожно дергает руками и ногами.

Рядом стоит крючколов. Успешно загнав крюк, он готовит другие инструменты: нож и топор. Глядя на бьющегося в агонии человека, он прикидывает, то ли перерезать жертве горло, то ли рассечь череп. Крючколов сам делает свои инструменты и, если он в этом деле собаку съел, то ему и одного крюка достаточно. Чем отчаяннее дергается жертва, тем разрушительнее действие крюка. Оператору остается только смотреть да ждать, когда дело будет сделано самой жертвой. Всегда остается загадкой, как поведет себя человек, попав на крючок. Конечно, есть вероятность, что человек извернется и соскочит с крючка, вот тут-то крючколов и берется за другие орудия.

Не исключено, что жертва сделает даже больше задуманного крючколовом: переломает позвоночник или вообще разорвется пополам, сделав особенно отчаянный рывок. Случись такое, крючколов, как и всякий другой в подобной ситуации, грустно задумается, созерцая руины, которых он не желал, не испытывая при этом ни малейших угрызений совести. Вгоняя крюк, работая ножом и топором, он вовсе не стремится к разрушению, а лишь к ограничению или устранению. Конкуренция, а не личная неприязнь заставляют крючколова браться за свои орудия. Человек на крючке не враг, а всего лишь препятствие. Если придется перерезать конкуренту горло, крючколов сделает это как раз в меру, и череп расколет культурно, ничего лишнего не разнесет. Из всех орудий крюк считается самым гуманным, он требует большого искусства и вызовет меньше всего нареканий.

Цель крюка — поймать и вывести из равновесия, и ничего больше. Если повреждения оказались больше предусмотренных, человек сам виноват. Не надо было упрямствовать и пытаться встать на ноги; не впадай в буйство, собери силенки и терпи. Когда случается трагедия, зрители тоже не склонны осуждать

Оператора. В кругах, где он работает, крючок — нормальное орудие, это должно быть ясно и жертве, как только она попала ему в руки.

Если посмотреть, какой размах крючколовство приняло в деловом мире, просто диву даешься, как мало об этом знает начинающая свою карьеру молодежь. Мне казалось, что я была основательно подготовлена к работе, но выяснилось, что мне недоставало образования по предмету "Как распознать Оператора-крючколова". Помогла бы даже коротенькая лекция. Это заострило бы на предмете мое внимание, и он отложился бы в памяти. А теперь я пыталась складывать кубики вслепую, даже не представляя, какой должна быть картинка.

Я поступила работать в компанию Ноксов по той же самой причине, что и многие другие. В одночасье компания превратилась в самое разветвленное и процветающее дело. Доходы были баснословными, и над предприятием висел густой, маслянистый запах денег.

Я только делала свои первые трудовые шаги и, как большинство начинающих карьеру молодых женщин, подумывала, как бы мне перебраться в более высокооплачиваемую категорию. Мне казалось, что с моей подготовкой у меня есть реальный шанс ухватить свою долю этого денежного пирога. Почти тут же появилась подсказка, как добиться желаемого.

Прошло всего лишь несколько дней с начала моей работы, как фирма объявила о своих планах открыть новый конструкторский отдел. На должность начальника отдела прочили Кена Раерса, приятного, немногословного молодого человека, сидевшего через несколько столов от меня. Он проработал у Ноксов меньше года.

Самое яркое воспоминание о Кене — это его голова, вечно склоненная над кипой бумаг. Чтобы привлечь его внимание, надо было чуть ли не лечь ему на спину и кричать прямо в ухо. "Он такой сосредоточенный, — говорила о нем его девушка. — Он забывает обо всем, кроме того, чем занят. Наверное, поэтому никто не проворачивает столько работы, сколько он".

Вспоминаю, как, глядя на торчащую из вороха бумаг темноволосую макушку, подумала: "Так вот как это делается. Так мило и просто. Сидишь за столом и вкалываешь. Если приналечь и покорпеть восемь часов вместо шести, как предпочитают все остальные, твое дело в шляпе".

Картинка была предельно ясна, словно взята из типового учебника. Размечтавшись, я уже видела, как через пару лет получаю очень недурную зарплату, провожу отпуск в Европе и

отправляю друзьям открытки из Парижа.

Я частенько поглядывала на Кенову макушку, испытывая чувство благодарности за то, что он направил меня по верному пути. Возможно, именно потому, что мой взгляд так часто останавливался на Кене, я обратила внимание, что на него поглядывает еще кое-кто, а именно — невзрачный паренек с одутловатым лицом, по имени Гордон. Он сидел в другом конце комнаты и очень много курил, но не нервно, а неспешно, раздумчиво, словно оценивающе смакуя каждую сигарету.

Прошло около месяца, и новый отдел начал работу. Я, да и многие другие ходили с вытянутыми лицами и изумленно поднятыми бровями, узнав, что начальником отдела был назначен Гордон. Все, в том числе и я, пытались выяснить, в чем тут дело, пока одна из сотрудниц не сообщила мне таинственным шепотом:

— Кен сказал что-то ужасное про старшего Нокса. Видно, это и вправду ни в какие ворота не лезет, потому что никто так и не может узнать, что же он сказал. Нокс вызвал к себе Кена и устроил ему разборку. Кен взбесился и сказал, что только сумасшедший может поверить в такой бред. Слово за слово, и Кен словно с цепи сорвался. Теперь ему конец.

Скорее в силу какого-то подсознательного зуда, чем по объективным причинам, мне не давал покоя вопрос, знает ли Гордон обо всей этой истории, что вызвала такой взрыв. Кен молчал как могила. Гордон тоже помалкивал. Сидя за своим начальническим столом в новом отделе, он знай себе покуривал сигаретки, а если замечал на себе чей-нибудь взгляд, впивался в смотревшего своими холодными паучьими глазами.

Пришлось мне полностью пересмотреть свою теорию продвижения по службе. Оказывается, нужно обладать особой способностью, которая отсутствовала у Кена и которую он никогда не смог бы в себе развить. Это — искусство Оператора-крючколова.

Люди приходят в ужас, когда впервые сталкиваются с практикой крючколовства. "Я до этого никогда не дойду" — вот их первая реакция. Если говорить начистоту, то не всякий может стать крючколовом, поскольку это весьма сложное искусство. Это очень умное, хитрое и изобретательное племя, они вкладывают в свое дело весь талант и всю энергию. Чтобы понять Оператора-крючколова, надо следить за ним с того самого мгновения, когда его шустрое, чертячье копыто переступит порог облюбованной им организации.

Крючколов просто чует власть носом, и нюх выводит его на того, от кого исходит самый сильный запах власти. Выйдя на

объект, крючколов обследует его на предмет выяснения слабых мест, и вот он уже досконально знает, где они расположены, и какова слабина. Именно от них зависит карьера Оператора-крючколова.

Оператору случается и промахнуться в том случае, когда человек у власти оказывается без изъянов. Но, как правило, Оператор работает наверняка. Где власть, там и слабое место найдется. Ведь это не что иное, как скрытое чувство неуверенности. Обычно эта слабина делает человека настолько ранимым, что он сходит с ума лишь от одного подозрения, что кто-то догадался о его больном месте. Чтобы определить его, Оператору не требуется много времени, в этом его призвание, так же, как и в том, чтобы помалкивать о своем открытии.

Определив цель, Оператор начинает подготавливать оружие, чтобы поглубже вонзить его в самое уязвимое место. Внимательно оглядевшись, он определяет наиболее перспективного сотрудника, ибо в его руки будет вложено оружие или ему припишут, что удар нанес он.

Техника здесь отличается большим разнообразием. Наиболее предпочтительным и действенным вариантом будет тот, когда «везунчик» наносит удар сам. Для начала крючколов определяет его слабое место. Местечко оказывается небольшое, не слишком выраженное, прямо сказать, довольно размытое, но если покорпеть с микроскопом, то окажется, что это — неопределенное ощущение, что начальство недостаточно его ценит.

Найдя искомое место, Оператор начинает помаленьку его расковыривать, пока оно не превращается в приличных размеров язву. По мере этих трудов сотрудники начинают замечать, что человек на глазах меняется, и не в лучшую сторону. Это не ускользает от глаз начальства, и оно недовольно комментирует факт, который действительно соответствует истине. Над жертвой поработали искусные руки, и крохотное, неосознанное неудовлетворение превращается в смертельную обиду.

Здесь вступает в дело крючколов и направляет эту обиду на начальника. Подающий надежды сотрудник начинает искренне верить, что начальник умышленно его «затирает». Затем крючколов обращает внимание жертвы на слабое место руководителя, на его скрытое чувство неуверенности, пока до жертвы не доходит, чем порождено это чувство. Да ведь начальник просто дурак, да еще и умных людей не ценит.

Когда жертва созрела, крючколов начинает обрабатывать ее отточенными и выверенными словами, косвенно подсказывая, как можно выпустить воздух из этого надутого болвана. Проходит не один день, пока «везунчик» улавливает суть. Ба! Да ведь этого

безмозглого типа можно стереть в порошок парой слов. Когда трудами Оператора жертва доведена до крайней злобы и негодования, она сама выпускает смертельную стрелу в обидчика. И тут «везунчику» конец.

Иногда эта метода не срабатывает. У жертвы оказываются высокие понятия о нравственности, или здоровый уравновешенный характер, или он достаточно проницателен, чтобы разобраться в кознях крючколова. Тогда последний просто обставляет все дело таким образом, словно удар нанес «везунчик», успешно убедив в этом начальника.

В таком случае Оператор в основном обрабатывает начальника, а не кандидата на повышение. Работа тонкая и обычно требует много времени.

Для начала крючколов применяет тоненькую иголочку критического высказывания, якобы сделанного жертвой. Потом иголочки следуют одна за другой, создавая у начальника полную уверенность, что они исходят от "этого выскочки". Оператор любуется результатами своей работы, иногда слегка подправляя то форму, то длину иглы. У начальника все плотнее сжимаются губы, когда он слышит о новом «выпаде», он уже не скрывает своего раздражения при виде жертвы и начинает исподтишка к ней приглядываться.

Наконец наступает время для более серьезного оружия: ножа, кинжала или топора. Вот оно уже погрузилось в больное место, полилась кровь, и жертва приговорена. Многообещающему сотруднику, возможно, цены нет, он может быть отличным работником, но в глазах начальника он только тот тип, что ужалил его в самое больное место, куда сам начальник не осмеливается заглядывать. И теперь это место кровоточит.

Если жертва попалась на крючок таким способом, она мечется вслепую, пытаясь выяснить, почему так резко переменился ветер. Иногда доведенный до бешенства начальник выпаливает предполагаемому обидчику все, что нажужжал ему Оператор. Но обычно, затаив обиду, начальник воздерживается от разговоров о своем уязвимом месте. Но каждая встреча с обидчиком теперь для него что ложка уксуса. Дело неизбежно кончается увольнением «провинившегося», либо начальник делает из него козла отпущения и отводит на нем свою уязвленную душу.

Именно таким способом Гордон разделался с Кеном. Услышав от разъяренного Нокса обвинения в вероломстве, Кен сначала вытаращил глаза от изумления, затем возмутился и, наконец, разозлился. Внешне сдержанный и немногословный Кен привык таить в себе свои огорчения. Тут его словно прорвало и в

считанные минуты два взбешенных человека излили друг на друга поток оскорблений. Зло свершилось, и исправить дело было некому. Думаю, что Кена было легко сломать. Гордону не пришлось долго трудиться над осуществлением своего плана, тщательно продуманного во время бесконечных перекуров.

Если у вас есть склонность к крючколовству, учтите, что это очень трудное дело. Вам понадобятся отточенное искусство, актерский талант, проницательность, умение просчитывать свои ходы, хитроумие, трезвый расчет. Умные Операторы-крючколовы — профессионалы высшего класса. Иначе нельзя. Это их источник существования. Осознав в самом начале игры, что им далеко не уйти со своими деловыми качествами и подытожив свои ресурсы, они обнаруживают в себе таланты ничуть не хуже тех, что нужны для занимаемой должности. А дальше дело только за тем, чтобы оттачивать эти таланты.

Конечно, даже самый виртуозный Оператор не продвинется далеко, если «эго» начальника без изъянов. Но предприятие Ноксов было для Операторов просто находкой. Это была семейная фирма, которую возглавлял Нокс-старший, весьма толковый, смекалистый, хотя и малообразованный старикан. В правление также входили шесть его сыновей, получивших должное образование и удивительно тупоголовых, но однако соображавших, что в любой другой организации им бы не подняться выше курьера. Это и было уязвимым местом каждого из младших Ноксов. А шестикратно умноженная тупость сыновей безмерно удручала старшего Нокса и была его больным местом.

Помню, впервые познакомившись с Операторами-крючколовами, я оценивала их вполне объективно, думая про себя: "Кошмарные люди, но как умны. То, что они делают, очень непросто, здесь нужно искусство и талант. Употребить бы их на благое дело". Но когда на сцене появился Мак-Дермот, меня охватил страх, и я уже не могла относиться к Операторам беспристрастно. Со страху можно натворить Бог знает что, и в результате с вами может приключиться что угодно. Вы можете пуститься наутек, или завопить что есть мочи, или заработать язву желудка. Но хуже всего, если вы загоните страх вглубь, запрете его на замочек и будете делать вид, что источника страха как бы не существует. Именно так поступила я, когда испугалась Мак-Дермота.

Через год Гордона снова повысили в должности, и возглавлять конструкторский отдел стал один из сотрудников фирмы по имени Босвел. А на его место был принят Мак-Дермот. Приглядываясь к нему, я сразу обратила внимание на то, что Мак-Дермот проводит изрядное количество времени у автомата с

газировкой и в буфете. Похоже, наши девушки восприняли его как еще одного дамского угодника, но вскоре стало очевидно, что его интересуют их начальники. Мне он задал наводящий вопрос о Джиме Ноксе, в чьем отделе я работала, но я тут же пресекла его любознательность, ответив, что ничего не знаю. Вопрос был безобидный, но я догадывалась, что за ним последуют другие, поэтому предпочла закончить разговор, прежде чем он выйдет за рамки простой беседы. Вид у меня при этом был вполне дружелюбный, без всякой настороженности, однако мне не забыть то каменное выражение, которое появилось на лице Мак-Дермота. Он впился в меня немигающими глазами и после продолжительной паузы вдруг приветливо и широко улыбнулся и ушел, не задав мне ни тогда, ни потом ни одного вопроса. Однако вскоре мне пришлось два битых часа объясняться с Джимом Ноксом по поводу неприятности, которую подстроил мне Мак-Дермот.

Когда я впервые пришла в компанию Ноксов, меня предупредили, что даже обладая необходимыми деловыми качествами, каждый сотрудник должен в первую очередь заслужить доверие семьи Ноксов. То есть, согласно моему пониманию, если Ноксы доверили тебе какое-то дело, то они должны быть спокойны за его результат, а также за то, что секреты производства не попадут к конкурентам. Мне казалось, что я заслужила доверие Джима Нокса в том смысле, как я его понимала. Но оказалось, что в понятие «доверие» входит ряд вещей, о которых в течение долгого времени я не подозревала. Доверие Джима Нокса подразумевало, что он может не скрывать передо мной своего полного невежества относительно той части дела, которой он руководил, и должен быть абсолютно уверен, что я буду об этом молчать. Подразумевалось также, что, выслушивая Джима, я никогда и виду не подам, что понимаю всю его тупоголовость и полное несоответствие занимаемому месту. Именно это особенно ценилось в доверенном сотруднике. Ибо после каждого разговора со мной, в котором всплывала вся его блистательная дурь, Джиму полагалось оставаться в неведении относительно собственной глупости.

Все это не представляло для меня трудности, хотя я и не понимала, насколько это важно. Просто для меня было ясно как Божий день, что отпрыски Нокса унаследуют все богатство своего папаши, останутся на своих денежных постах, а поэтому в их руках и власть. Я признавала это без всякого возмущения. Возможно, женщинам это дается легче, чем мужчинам. Женщинами скорее движет желание заработать, чем прорваться к власти и высоким постам. Чего не скажешь о мужчинах, которые,

как правило, считают, что у них гораздо больше данных занять кресло соперника.

Мак-Дермот не отличался льстивой вкрадчивостью Гордона, но был намного умнее. У него был блестящий ум, жаль, что он не удовлетворился меньшим, но предпочел стать крючколовом. Ум Оператора-крючколова работает со скоростью, невиданной для обычного человека, но Мак-Дермот, казалось, работал на предельных скоростях. Помню, когда он появился, мне подумалось: "Какой-то он весь извилистый, в нем ни одной прямой линии нет, поэтому он и действовать прямо не может". Говоря такое, вы подходите к человеку типа Мак-Дермота со своей меркой, которая вам кажется единственно верной, потому что она выработана вашим воспитанием и окружением и стала для вас единственным мерилом человеческих взаимоотношений.

Но мерки — вещи производные. Не вы создаете их, вы их просто принимаете. Теперь я вижу, как много таких извилистых людей, как Гордон и Мак-Дермот. В каком-то смысле они великолепно приспособились к определенному типу деловых отношений.

Такие люди идут к намеченной цели кратчайшим путем и не испытывают ни малейших угрызений совести, если позади остаются трупы. "Какие безнравственные личности! "— возмущаются обыватели по адресу крючколовов. Что верно, то верно. Они строят свою жизнь отнюдь не по христианским принципам. И хотя это столь заметно со стороны, сами Операторы редко осознают этот факт. Самое удивительное, что и Гордон, и Мак-Дермот были чрезвычайно набожными людьми. Многие даже посмеивались, что у Гордона крыша не совсем в порядке на почве религии. В каком-то смысле эти люди стараются оправдаться перед собой. Если у них достаточно мозгов, чтобы обманывать других, то можно постараться заморочить мозги и самому себе там, где тебе хочется обмануться.

Еще до того, как он занял место Гордона, Босвел проявил кое-какие задатки крючколова. Его главным достоинством была дотошность в работе. Проработав немного в конструкторском отделе, он сообразил, что мозгов у него побольше, чем у Гордона, и уж если тому удалось продвинуться вверх, то Босвелу и все карты в руки. И он подцепил на крючок Гордона.

Босвел воспользовался выигрышным положением преемника Гордона, от которого он унаследовал дела в полнейшем беспорядке. Работа была ювелирная: с наивным простодушием и несколько озадаченным видом он доложил о состоянии дел Леонарду Ноксу, словно сам не веря тому, что говорит. Подготовительный период занял около месяца. Можно было,

конечно, выложить все свои претензии к Гордону за полчаса. Но, как говорится, капля камень точит, и Босвел регулярно капал Леонарду на Гордона, представляя каждый его промах в форме, рассчитанной именно на ум Леонарда.

Он убедил Леонарда в том, что человек с умом Гордона не мог создать неразбериху в делах просто так, по глупости, а что это скрытый саботаж. При этом Босвел бесхитростно добавил: "Невозможно поверить, но кто знает, может, в этом что-то есть? " — имея в виду шурина Гордона, одного из исполнительных директоров в компании, являвшейся одним из крупнейших конкурентов Нокса.

Леонард был прекрасно осведомлен о том, что Гордон уже лет двадцать не общается со своим родственником, да и конкурирующая фирма находилась совсем в другом городе, но у него был «пунктик» по поводу промышленного шпионажа, и поэтому идея о подрывной деятельности Гордона засела у него в голове. С огромным трудом Гордону удалось доказать, что он вовсе не замышлял никакого саботажа, но пока он оправдывался, наружу во всей красе вылезла дурость начальства, чего последнее простить не могло. Гордона отправили рядовым клерком в отдел делопроизводства, а Мак-Дермоту, к всеобщему удивлению, поручили курировать конструкторский отдел. Особенно беспредельным было изумление Босвела, который теперь оказался в непосредственном подчинении у Мак-Дермота.

Босвелу и в голову не могло прийти, что разыгранное им наивное простодушие, с которым он копал под Гордона, сыграет с ним злую шутку, и его сочтут недостаточно опытным для серьезной должности. Зато такой расклад пришел в голову Мак-Дермоту. Не прошло и двух лет, как последний убедил Леонарда в том, что Босвел слишком простоват для своей работы. Здесь требуется умудренный опытом человек, "вроде тебя, Леонард", чтобы толково вести дело. Леонард, не долго думая, назначает Мак-Дермота единственным руководителем конструкторского отдела. Больше всего в этой истории меня поразил тот факт, что Леонард и Джим Ноксы с умным видом обсуждали все перестановки, ничуть не догадываясь о манипуляциях Мак-Дермота и Босвела.

Возможно, требуется особый вид мышления, чтобы определить крючколова. Ноксы, например, не имели о них ни малейшего представления, зато у Кармоди, управляющего по сбыту, был отличный нюх на крючколовов. Да и наш юный курьер, Сэм Джексон, сходу определял их под любым обличием и видел насквозь. Помню, в тот день, когда Мак-Дермота снова повысили, и он стал личным советником Леонарда, я подумала,

что с такими людьми невозможно справиться, и мне стало страшно. Хорошо, что я не стою на пути у Мак-Дермота, подумала я с чувством облегчения. Но это чувство исчезло, когда Мак-Дермот всадил свой крюк в Кармоди. Теперь меня обуял настоящий страх.

Кармоди проработал у Ноксов двадцать лет и отлично организовал сбыт. Да и своим настоящим процветанием дело Ноксов во многом было обязано Кармоди. До нас доходили слухи, что на заседаниях правления Мак-Дермот постоянно придирался к Кармоди, который отличался вспыльчивостью, самостоятельностью в решениях и нетерпимостью ко всякому постороннему вмешательству в дело сбыта, что свидетельствовало о его пренебрежении к семейству Ноксов. Невзирая на последнее обстоятельство, в течение двадцати лет Кармоди пользовался доверием Ноксов, поскольку его ценность для фирмы перевешивала все прочие соображения. Тонны денег были заработаны для фирмы его руками.

Надо полагать, старшему Ноксу не очень-то нравилось ощущать себя эдаким суетливым придурком в глазах Кармоди, да еще и улыбаться при этом. И все же не думаю, что Нокс захотел бы расстаться с ним, если бы его не убедили, что Кармоди не такой уж незаменимый. Когда Джим Нокс как-то заметил, что Мак-Дермот весьма лестно отзывается о способностях Сори Сандресона, заместителя Кармоди, я поняла, что Мак-Дермот намерен снять с него скальп.

Неожиданно Мак-Дермот предложил новую систему сбыта, которая, как он заранее рассчитал, вызовет протест Кармоди, так как она шла вразрез с его собственной схемой. В один прекрасный день противостояние закончилось тем, что Кармоди взорвался и заявил, что он скорее подаст в отставку, чем согласится с планом Мак-Дермота, добавив несколько выразительных слов в адрес "старого осла Нокса", который еще прислушивается к таким бредовым идеям. Месяц спустя Кармоди ушел, а его место занял Сори.

К этому времени я уже семь лет проработала у Ноксов, получала очень хорошую зарплату и имела все шансы на повышение в недалеком будущем. Все это в определенном смысле держит вас на крючке. Меня зацепило настолько прочно, что я постаралась убедить себя, что, уйдя от Ноксов в другую фирму, я попаду точно в такое же окружение. Хоть это и была чистая правда, все же я поступила неразумно, оставшись. К тому времени обстановка, в которой я так хорошо разбиралась, наполняла меня постоянным и нарастающим страхом. Как я только ни пыталась избавиться от этого чувства, но выхода не было. Если бы я

перешла в другую фирму, мне удалось бы сменить обстановку и избавиться от ужаса, охватывавшего меня каждое утро при входе в контору Ноксов. Но слишком многое удерживало меня там и не хотелось терять заработанное.

Я так извелась, думая о Мак-Дермоте и его интригах, что в конце концов решила выкинуть из головы все мысли о нем, словно бы ничего и никого не было и нет. Когда страх доводит вас до такого состояния, все странным образом искажается в вашем сознании.

Мне кажется, это сравнимо лишь с фантасмагориями, созданными Джорджем Оруэллом в романе "1984 год". Целый штат государственных чиновников занят тем, что переписывает подшивки старых газет и документов, подгоняя факты под каждую новую пропагандистскую программу правительства. То же самое происходило со мной, когда я обдуманно искажала абсолютно ясную картину, а мое подсознание послушно перелопачивало и искажало весь мой прошлый опыт, чтобы привести его в соответствие с моей программой самообмана.

Пользуясь доверием Джима Нокса, я чувствовала себя в некоторой безопасности, и, думаю, это обстоятельство еще долго помогало бы мне держаться на плаву. Но моя опора рухнула в одночасье. Нет, я не потеряла доверие Джима, и не Мак-Дермот, а совсем другой человек, Литтер, погубил Джима. Литтер использовал самого младшего из Ноксов, чтобы поймать Джима на крючок. Осознание того, что даже Ноксы готовы вцепиться друг другу в горло, вырвало меня из состояния тупого неприятия действительности.

Во всем семействе младший Нокс был самого недалекого ума и у него было меньше всего шансов занять престижное кресло даже в папашиной фирме. Вот почему Литтер так легко его обработал. Когда миновала буря, Джима отправили в отдаленный филиал, а его место занял младший Нокс. Литтер стал его правой рукой. Я лишилась чувства относительной безопасности, с ужасом ловя на себе убийственный акулий взгляд Литтера.

Вскоре я ушла от Ноксов. Правда, не так, как рассчитывала. В том, что случилось со мной в последующие месяцы, я не виню никого, кроме себя. Возможно, Литтеру и удалось бы сломать меня, но он не успел. Хотя я ушла от Ноксов с крючком в спине, вогнала я его сама. Когда мне удалось его выдернуть и как следует рассмотреть, я пришла к выводу, что это было делом исключительно моих рук. Единственным утешением послужило то, что я сама его выдернула и разглядела все его изгибы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
Операторы

Утром, когда я открыла глаза, они стояли у моей постели, как призраки. Я пощупала простыню, одеяло: ощущение было абсолютно реальным. Я действительно проснулась и вижу их наяву.

Один из них был очаровательный мальчик лет двенадцати с приятной приветливой улыбкой на лице. Пожилой мужчина всем своим видом внушал уважение: представительный, серьезный джентльмен с устойчивыми нравственными принципами, на которого можно положиться. А третий и вправду был ни дать ни взять настоящее привидение с чересчур длинными, темными прямыми и словно воздушными волосами и с каким-то неестественно удлиненным и невесомым телом. А лицо совсем не вязалось ни с телом, ни с волосами: его черты были тонкими и изящными, а выражение твердое и вызывающее.

Пожилой мужчина неожиданно кашлянул, прочищая горло.

— Для всех нас будет полезно, если ты поближе познакомишься с Хинтоном. — Он кивнул в сторону привидения.

У меня не было ни малейшего сомнения, что лицо Хинтона мне незнакомо. Видимо, прочитав мои мысли, пожилой мужчина заметил:

— Ты его хорошо знаешь, а когда-то знала еще лучше.

— Должно быть, мы встречались, раз вы так говорите. Простите, но я не могу припомнить мистера Хинтона, — поспешно согласилась я.

Глянув в его вызывающее лицо, я осведомилась:

— Как поживаете?

Хинтон едва заметно кивнул головой и напряженно уставился в окно.

— Меня зовут Берт, — представился пожилой джентльмен. Вид у него был озабоченный и в то же время какой-то отрешенный, словно его вырвали из упорядоченного и устоявшегося мира и поручили роль церемонимейстера на светопреставлении.

— А это Ники.

Лицо мальчика озарилось широкой, солнечной улыбкой.

Когда Берт приступил к разъяснениям, я поняла, почему это дело поручили именно ему. Он изъяснялся кратко и четко. Меня выбрали для участия в эксперименте. Он надеется на мое сотрудничество, в противном случае возникнут осложнения и для

них, и для меня. Они все трое — Операторы. Во всем мире работают Операторы, но их никто не слышит и не видит. То, что их вижу и слышу я, к сожалению, является неизбежной частью эксперимента.

У меня мелькнула мысль: я узнала о чем-то, что недоступно остальным людям и очевидно, что это знание грозит опасностью мне, а также тем, кому я попытаюсь открыть его.

— Именно, — с удовлетворением подтвердил Берт. Но ведь я не произнесла ни слова. Я на мгновение задумалась. Однако дело есть дело.

— В чем заключается эксперимент?

Хинтон с кислой улыбкой повернулся к Берту:

— Ну, что, разве я не говорил, что Вещь первым делом задаст этот вопрос?

Вещь?

Берт продолжил. Оказалось, что великий Оператор Гадли давно уже подумывал о подобном эксперименте. Надо было подобрать личность моего типа, сообщить ей о существовании мира Операторов и посмотреть, что будет.

Итак, подопытная свинка в клетке, подумала я. С этим разобрались. Теперь встает вопрос, удастся ли им этот эксперимент. Сомневаться, пожалуй, не стоит. Они читают мои мысли, я вижу это в устремленных на меня глазах, по тому, как меняется выражение их лиц при чтении моих мыслей.

Берт пояснил: каждый Оператор, подключившись к разуму человека, легко считывает любую мысль.

Ситуация требовала некоторого размышления. Может, мне удастся обнаружить в сознании какой-нибудь тайничок для своих мыслей?

Ники улыбнулся весело, а Берт снисходительно.

— Для Операторов не существует никаких тайников, — заметил Берт.

— Разум Вещей для них — открытая книга.

Вещей!

Хинтон вздохнул.

— Именно Вещей. Пусть будет с большой буквы, если тебя так больше устраивает. Это не столь уязвит твое «эго». Все люди для нас Вещи. Мы читаем и направляем их мысли и поступки. Что тут удивительного? Так всегда было. Конечно, им предоставлена определенная, но весьма незначительная свобода. Вещь делает то, что нужно Оператору, хотя ошибочно полагает, что идея принадлежит ей самой. Сказать честно, у тебя сейчас гораздо больше своей воли, чем у кого-либо еще из людского племени. Ты, по крайней мере, понимаешь: то, что мы говорим, исходит от

нас, а не родилось у тебя в голове. Вещь!

— С волей у этой Вещи все в порядке, — заметил Берт. Хинтон бросил на него внимательный взгляд.

— Мы тебя покидаем, — сообщил он.

— Я останусь, — возразил Берт и повернулся к Ники. Мальчик выглядел огорченным.

— Тебе надо кое-что знать, — сказал он, обращаясь ко мне. — Каждая Вещь постоянно находится под воздействием кого-нибудь из Операторов. До недавнего времени тобой управлял Берт.

Весьма вероятно, подумала я. Пожалуй, этим объясняется мое уравновешенное здравомыслие последних лет. Берт показался мне мудрым, логичным, рассудительным и невозмутимым.

— А до Берта был Хинтон, — добавил Ники.

Хинтон? Кто бы мог подумать!

Воздух заметно заколебался, и в комнате появилась новая фигура.

— А это Проныра, — объяснил Ники.

— Он представитель Гадли, — добавил мальчик, обращаясь к Хинтону. Тот недовольно хмыкнул.

Проныра был похож на симпатичного шустрого хорька. За ним нужен глаз да глаз, подумала я, встретившись с его острым взглядом.

Любопытно, — произнес он и придвинулся поближе. Какой-то неясный треск, словно в плохо настроенном радиоприемнике, возник за стеной и наполнил комнату.

— Помехи, — произнес Берт. — Я так и думал. Проныра помрачнел.

— Все не так просто. Неужели не ясно, что если нас накроют, то отстранят на всю оставшуюся жизнь? Это кто-то не из наших пробивается. Перекрой ему доступ.

Хинтон напряженно вслушивался, определяя характер звука.

— Так их не меньше дюжины, — заключил он. — Уж не городской ли это совет?

Постепенно громкий звук помех стал тише, и в комнату ворвались голоса Операторов из городского совета, которые бурно протестовали против затеянного Гадли эксперимента. Я надеялась, что протест в определенной мере вызван опасением за мое здоровье, но его суть оказалась гораздо яснее и проще. Вещи было сообщено то, о чем Вещам вообще не положено знать. Эта конкретная Вещь может все разболтать другим Вещам, что создаст опасную ситуацию.

— Уверяю вас, что эта Вещь умеет держать язык за зубами, — громко заявил Проныра и тихонько шепнул Хинтону: — Я думал, ты откупился от этой братии.

Хинтон отрицательно покачал головой.

— Не успел. Они потребовали, чтобы я немедленно убирался из города.

— Отстранение, — потребовал кто-то из городского совета. — Пожизненное отстранение.

Снова все загомонили. Тем временем Ники подошел поближе и присел на край кровати.

— Тебе надо знать, что отстранение означает для Оператора тюремное заключение. Отстраненный Оператор лишается права работать с Вещами.

Он говорил так, словно ожидал, что я все пойму и каким-то образом помогу.

— Что такое городской совет? — спросила я.

— В любом городе для Операторов совет является высшим юридическим органом. Они пытаются остановить эксперимент, а он должен продолжаться.

Значит, у Операторов, как и у Вещей, существуют законность и власть. Хорошо это для меня или плохо? Голоса продолжали бурную перепалку. Послушав немного, я вдруг вспомнила, что на работе меня ждет незаконченное дело. Я встала, быстро оделась и ушла. Хинтон и Ники вышли на улицу вместе со мной.

С трудом сосредоточившись, я закончила свою работу. Хинтон и Ники болтали без умолку. Я видела, как их серые фигуры проплывали по кабинету, стоило мне оторваться от работы. В полдень я сдала работу секретарю, сказала, когда и куда ее отправить, сообщила начальнику, что заболела, и вернулась домой.

Операторы из совета уже ушли, но Берт и Проныра были дома. Хинтон стал обсуждать моих сотрудников, что вызвало у меня большой интерес. Он перебирал их одного за другим, указывая, кто из них Оператор, а кто Вещь. Мой мысленный вопрос прозвучал достаточно громко.

— Да, — ответил Берт. — Операторы могут быть и во плоти. По внешнему виду они выглядят совсем как Вещи. Только Вещи не умеют различать друг друга, а Оператор делает это без труда. Ему достаточно настроиться на мозг человека, чтобы выяснить, Оператор это или Вещь.

Я изучала мягкие, дымчатые, пушистые очертания моих новых знакомцев.

— У нас тоже есть тела, — сказал Ники. — То, что ты сейчас разглядываешь — это наши изображения. Интересно, где же тела?

— Неподалеку, — усмехнулся Ники. — Впрочем, не пытайся нас разыскивать. Мы отключим тебя прежде, чем ты до нас доберешься.

— Обработаем психологически, — добавил Проныра, изучая свои ногти.

Берт прокашлялся.

— Основное различие между Оператором и Вещью заключается в строении и способности разума. В мозге Оператора находятся особые клетки, называемые зубцами. Это врожденное свойство. С помощью этих клеток Оператор может на расстоянии проникать в ум любой Вещи, прослушивать его и быть в курсе всего, что в нем происходит. Более того, Оператор может подсказывать Вещи ту или иную мысль, чтобы побудить ее к определенному действию. Разница здесь не столько в качестве мышления, сколько в его возможностях. Среди Операторов, точно так же, как и среди Вещей, встречаются и дураки, и умные. Но благодаря особенности, о которой я только что говорил, Операторы могут управлять Вещами.

Информация меня ошеломила. Интересно, почему же Вещи никогда ничего не замечали?

— Среди Вещей есть несколько специалистов, ведущих исследования в этом направлении, — произнес Ники. — Даже если они и установят, что Вещами управляют Операторы, вряд ли это что-либо изменит. Вещи слишком самодовольны, чтобы в это поверить.

Не успела я допить вторую чашку кофе, как в комнату вернулись Операторы из городского совета. Дрожащими от негодования голосами они объявили свой ультиматум. Проныре и его компании дается два часа, чтобы убраться из города, а меня передадут Оператору из совета. С тем они и отбыли.

В наступившей тишине Хинтон и Проныра повернули ко мне свои сероватые лица, остановив на мне пристальные взгляды. Помолчав, Проныра объяснил, что для меня гораздо опаснее оказаться в руках совета, чем остаться с ними. Как только они уйдут, совет вернется и уничтожит меня.

Прямо авантюрный роман какой-то, только плаща и кинжала не хватает, — заметила я.

Хинтон вздохнул.

— Купи, по крайней мере, молоток и гвозди, да забей окна. Потому что ты попытаешься выйти через них. Дождешься, что сюда нагрянут штук двадцать Операторов из совета и начнут обрабатывать тебе мозги. Скажут, прыгай, и прыгнешь как миленькая. Для совета ты — чудовище и источник опасности, а стало быть, тебя надо устранить.

Я вспомнила, с каким ужасом, злобой и негодованием вопили Операторы из совета, и немедленно стала укладывать вещи. Приехав на автовокзал, я купила билет до ближайшего крупного

города.

— Мы с тобой свяжемся, — пообещал Проныра. — Наша машина будет следовать за автобусом.

Интересно, подумала я, в другом городе, наверное, есть свой совет, и он тоже займется мной, и будет ли мне от этого лучше?

— Совет есть в каждом городе, неожиданно произнес Ники. — Повсюду есть Операторы. В стране нет ни одного места, где бы Операторы не управляли Вещами. Сколько ни старайся, от них не скроешься. А потом, твоя хартия находится у Гадли.

Какая еще хартия?

— Это документ на право управлять Вещью. Гадли приобрел ее у твоей компании. И пока он не продаст ее кому-нибудь еще, не сомневайся, эксперимент будет продолжен. Даже если какой-нибудь городской совет конфискует хартию, поверь мне, они тут же тебя уничтожат.

Должен же быть какой-то выход.

— Знаешь, сколько у тебя шансов выпутаться из всей этой истории? — спросил Ники, и сам ответил: — Один из трехсот. Да и то, если повезет.

Я совсем запечалилась, краем уха прислушиваясь к беседе Хинтона и Проныры. Видно, их машина шла совсем рядом, потому что голоса были громкими и отчетливыми. Спать и есть я не могла. Когда автобус прибыл к месту назначения и я вышла, ноги у меня просто подкашивались.

— Не мешкай, — приказал Проныра. — Достань скорее все документы, удостоверяющие твою личность и уничтожь их. На объяснения нет времени. Нам угрожает большая опасность.

Страховка, визитка. Я разорвала их на мелкие клочья, бросила в урну и стала ждать, что будет дальше. Вдруг пол автовокзала как-то странно поплыл мне навстречу.

— Похоже на сердечный приступ, — произнес надо мной чей-то голос.

Затем человек в белом приложил какой-то предмет к моей груди. Потом я оказалась в машине скорой помощи, которая каким-то образом превратилась в больничную палату. Я продиралась сквозь густой туман и говорила, говорила. Склонившаяся надо мной сестра позвала кого-то, и надо мной навис плотный круг голов. Они слушали, задавали вопросы и снова слушали. Бережно поддерживая под руки, меня спустили на лифте вниз и усадили в странного вида автомобиль. Позади меня устроился полицейский. Мы подъехали к какому-то зданию, и полицейский проводил меня внутрь. Здесь мной занялась женщина и провела меня в небольшой кабинет. Вскоре я узнала, что оказалась в психиатрической больнице.

Туман рассеялся, и в голове появилась обостренная ясность. Черт бы побрал этого Проныру. Как быстренько он пристроил меня туда, откуда нет выхода.

Я старалась как можно вразумительнее отвечать на вопросы женщины, хотя мне было довольно трудно сосредоточиться. Сказывались длительная бессонница и голодание. Кто Президент Соединенных Штатов? Не смогла вспомнить. Какой сейчас год? Тысяча девятьсот какой-то. Где я живу? Голос Проныры подсказал:

— В Лос-Анджелесе.

— В Лос-Анджелесе, — повторила я.

Я твердо знала, что живу вовсе не в Лос-Анджелесе, но где же? Появилась санитарка, забрала мою одежду, выдала байковый халат и пару шлепанцев и отвела в палату. Казалось, мои глаза работали независимо от разума, быстро оценивая обстановку: количество кроватей в палате, число больных, число и внешний вид обслуживающего персонала, расположение окон. Не умом, а глазами я осознала, что приблизившаяся ко мне медсестра держит в руках шприц.

— Не давайся, — прошипел Проныра. — Тебе угрожает страшная опасность.

Я стала возражать против укола. Медсестра посмотрела на меня ничего не выражающими глазами и вышла из палаты. Через минуту она возвратилась с другой медсестрой, мускулистой бабищей.

Я снова запротестовала. Глаза бабищи полыхнули лютым огнем. Это была такая нескрываемая ненависть, что ее никак нельзя было спутать с раздражением или возмущением.

Тут заработал мой язык. Как и глаза, он, казалось, действовал совершенно самостоятельно. Я слушала свою мягкую, спокойную и разумную речь. По состоянию здоровья, сообщила я, мне не рекомендовано принимать успокоительное. Мой лечащий врач неоднократно напоминал мне об этом. Если это успокоительное, то у меня может быть аллергический шок. Поэтому лучше посоветоваться с врачом, прежде чем делать укол.

Тупо посмотрев на меня, первая сестра пожала плечами. Поражение ее не раздосадовало. Зато бабища свирепо уставилась на меня, плотно сжав губы. Позволить уложить себя на ковер — ни за что! Первая сестра отступила. Бабища никак не могла оторвать от меня лютых глаз. Наконец ушла и она.

Зачем я все это наговорила, мелькнула у меня мысль. Насколько я помню, у меня никогда не было противопоказаний в отношении успокоительных лекарств. Часы на руке показывали половину третьего ночи. Я снова услышала голоса Проныры,

Хинтона и Ники. Они сообщили новости из родного города. Совет просто озверел, узнав, что я еще жива. Скоро сюда прибудет один из Операторов с тем, чтобы убить меня. Я смекнула, что ему не составит труда пробраться в нашу женскую палату.

— Да он может это сделать и снаружи с помощью направленного излучения, — сказал Ники. — Мы постараемся его задержать, а тем временем поможем тебе выбраться отсюда. Надеюсь, нам это удастся.

Мне не оставалось ничего другого, как тоже надеяться. Всю ночь я не сомкнула глаз в ожидании известий. Наступило утро, а я все ждала.

Моими соседками по палате оказались самые разнообразные представительницы женского пола. Они собирались кучками в коридоре, прикуривая друг у друга. К своему удивлению, я обнаружила в кармане халата пачку своих сигарет. Правда, спички были конфискованы. Женщины как-то дружно двинулись в сторону длинных столов, расположенных в конце коридора. Я последовала за ними. Давали завтрак. К еде я не притронулась, зато выпила столько чашек кофе, сколько удалось достать. Подойдя к курившей на скамейке девушке, я попросила разрешения прикурить. Она подняла на меня глаза и залилась слезами. Снова склонив голову, она стала безутешно рыдать. Тут я как-то сразу вспомнила, где нахожусь. Бедняжка, с головой не все в порядке. Я прикурила у кого-то еще и вернулась в палату. Постели были убраны, доступ к ним преграждала воинственно настроенная санитарка. Я поискала глазами, куда бы присесть, но все скамейки были заняты. Что же мне так и стоять весь день?

Внезапно свет стал меркнуть, а пол медленно и плавно приближаться. Сильные руки ухватили меня за плечи и опустили на кровать, лицом вниз. Повернув набок голову, чтобы можно было дышать, я мгновенно уснула.

— Обед, — шепнул мне в ухо Проныра. — Тебе нужно окрепнуть. Съешь все.

Откуда он узнал, что уже время обеда? Еще не совсем проснувшись, я взглянула в сторону коридора. Женщины снова направились к столам. Я побрела за ними. Ножей и вилок не было. Я съела все, что только можно было подцепить суповой ложкой, вернулась в палату, легла на свою кровать и снова уснула.

У меня никогда не было снов, так что то, что мне привиделось, не могло быть сном.

— Нет, это не сон, раздался звонкий голос Ники. — Это диапозитивы.

Перед моими глазами появлялись цветные портреты

Операторов. Особенно неприятным мне показался портрет Берта: у него на голове были нарисованы рога. Затем невидимая рука крестообразно перечеркнула его портрет видимым черным карандашом. Незаметно я уснула.

Проснулась я с ощущением бодрости и с ожиданием какого-то события. Девушки не подавали никаких признаков, что собираются двинуться к столам. Сев на край кровати, я стала ждать. Дверь в палату распахнулась, и вошла сестра, держа в руках историю болезни. Дойдя до середины палаты, она громко выкликнула мое имя, я встала и последовала за ней. Сон освежил меня. Я вошла в указанный сестрой кабинет, поздоровалась с находившимся там врачом и села. За спиной у доктора внезапно появились фигуры Хинтона, Проныры и Ники. Не обращая на них внимания, я внимательно смотрела в лицо доктору.

На столе лежала стопка анкет и, видимо, доктору полагалось заполнять их.

Тем временем Проныра и Хинтон затеяли спор. Оба, как ни странно, сошлись на том, что нужно убрать из моего разума всю информацию об Операторах. Хинтон считал, что это надо сделать с помощью диапозитивов. Проныра согласился. По его мнению, мне следовало для этого еще задержаться в больнице. Но тут возразил Хинтон, которого поддержал Ники.

Доктор задал мне вопрос, и тут же Проныра подсказал мне ответ. Я повторила, а доктор занес его в анкету.

— Ее семья может узнать, где она, и они забеспокоятся. — заметил Ники.

— Верно, — согласился Хинтон. — Дело и так слишком запуталось, чтобы в него влезла еще куча родственников. Организовать показ диапозитивов можно в любом месте. Главное — как можно скорее выбраться отсюда.

Доктор задал еще вопрос, Проныра тут же подкинул готовый ответ. Мне оставалось только повторять.

Проныра настаивал, что в больнице уж очень хороший проектор для диапозитивов. Хинтон не соглашался. Доктор долго изучал мою историю болезни, задавая по ходу вопросы. Проныра был наготове с ответами. Наконец анкета была заполнена, и доктор приступил к осмотру. Он постучал по коленкам, поцарапал подошвы ног, проверил мое чувство равновесия, измерил давление крови, послушал сердце. Проныра уже не так горячо настаивал на моем дальнейшем пребывании в больнице. Доктор стал расспрашивать меня о семье. С помощью Проныры я навыдумывала целую кучу родственников и адресов, по которым их можно разыскать. Мы поговорили об обмороке, который случился со мной на автовокзале. Проныра окончательно сдался,

и было решено выпустить меня из больницы.

Доктор написал что-то на карточке и попросил передать ее моей палатной сестре, что я и сделала. Затем мне выдали мои вещи, я оделась и покинула больницу. Опасаясь городского совета, Хинтон велел мне немедленно отправляться на другой автовокзал.

Не так уж и трудно было удрать, подумала я. Однако нельзя отрицать, что вряд ли бы мне это удалось без помощи Проныры.

Как выяснилось, любимым средством передвижения у Операторов была автобусная компания "Гончие Псы".

— Она полностью под контролем Операторов, — сообщил мне Ники. — У них там даже своя полиция есть, чего нет ни на авиалиниях, ни на железной дороге, эти виды транспорта не входят в их сферу деятельности. Никогда не знаешь, когда Оператору вздумается пристать к твоей подопечной Вещи. Водители у Гончих все Операторы, всем им выданы лицензии Операторов-полицейских, по-простому Щитов (значок полицейского изображает щит — прим. перев.). Если ты везешь с собой Вещь, ее хартию нужно сдать водителю, чтобы к ней не привязался незнакомый Оператор.

Проныра вдруг недовольным голосом стал сетовать на то, что в автобусах полно мух.

— Да я не о тех мухах говорю, — повернулся он ко мне. — Я о Мухах.

— Это жаргонное словечко для обозначения Оператора, который, в отличие от нас, не принадлежит ни к какой организации, — пояснил Ники. — От этих Мух масса неприятностей, а иногда они просто опасны, когда пристают к твоей Вещи. На автобусе Гончих об этом, пожалуй, не стоит беспокоиться.

— Послушайте, — раздался вдруг незнакомый голос.

— Это водитель, — произнес Проныра.

— Мне все это не нравится, — продолжал водитель. — Вы здорово рискуете, обсуждая все эти дела в присутствии Вещи. Думаю, это не понравится нашей автобусной компании. Проныра рассказал ему про эксперимент.

— Вы ходите по тонкому льду, — неодобрительно заметил водитель. — Вам бы не помешало запастись свидетельством о воскрешении.

Я почувствовала, как Проныра навострил уши.

— Свидетельство о воскрешении, — с удовольствием повторил он, словно смакуя каждое слово. — Это мысль.

— Гениальная, — добавил Ники.

— Безусловно. Ники, ты побудь здесь, а мы с Хинтоном

побеседуем приватно с водителем.

— Свидетельство о воскрешении выдается, когда возникает необходимость оживить Вещь, — пояснил Ники. — Правда, дело это канительное, так что Вещь может и не дождаться воскрешения, но на то он и Проныра, чтобы все обстряпать. С таким свидетельством в кармане ему никакой городской совет не страшен. Он сошлется на то, что эксперимент необходим, чтобы оживить умершую Вещь.

Вскоре вернулся Проныра.

— На следующей остановке водитель отправит телеграмму в управление. Он надеется получить свидетельство. Для нас это будет отличной передышкой. С этим свидетельством мы без помех доберемся до самой Калифорнии.

Вероятно, там находилась штаб-квартира Гадли и его организации. Поэтому мои спутники так спешили доставить меня туда. Без сомнения, самое опасное место для меня именно Калифорния. Когда поздно вечером Проныра доложил, что свидетельство выдано, я приняла свое решение. По прибытии в Чикаго, вопреки бурным протестам Проныры, я отправилась поездом в Новый Орлеан.

В поезде ко мне тут же привязались Мухи. Они отключили Проныру, Хинтона и Ники и начали со мной Большую Игру. Первым делом надо было выбрать тему для игры. Перед моими глазами появился большой фанерный щит со списком тем. Первое, что мне бросилось в глаза, была "внезапная смерть".

— Так дело не пойдет, — возразила одна из Мух. — Давайте придерживаться темы, которая касается непосредственно этой Вещи. Иначе мы получим в высшей степени неестественную реакцию. Эта Вещь на поводке у Операторов. Вот пусть они и станут нашей темой.

Одна из Мух была назначена судьей, и Игра началась. Ко мне обратилась первая Муха. Осознаю ли я, что до конца жизни мне предстоит вот такое существование, что я никогда не вернусь к жизни нормальных Вещей? Что до конца своих дней я буду сидеть и слушать беседы Операторов? Это будет не жизнь, а сплошная операторская говорильня.

Мысль поразила меня как громом. У меня сердце екнуло.

— Ты что, пытаешься ее разогреть? — поинтересовался судья, который вел строгий подсчет очков.

— Да, — ответила первая Муха. — Ведь это разрешается, верно?

— Сердце отреагировало, — объявил судья.

— Сбавь жар на десять пунктов и выше не лезь.

— Да я уже кончила, — буркнула Муха. — Реакция получена.

К делу приступила вторая Муха. Представляю ли я, что со мной будет, когда меня доставят к Гадли? Вероятно, мне приходилось видеть или слышать о подопытных животных, которых медики режут и мучают живьем, чтобы вести наблюдения и изучать их? Вот и со мной будет то же самое, только я ведь не животное.

— Да вы уже это делаете, — выпалила я. — Разве не так?

— Ты недалеко продвинулась, — объявил судья второй Мухе. — Выходишь из Игры.

Теперь за меня взялась третья Муха. Знаю ли я, что Гадли собрал в своей лаборатории целую клетку чокнутых Вещей, на которых проводит свои опыты? О его экспериментах известно по всей стране. У него есть одна женщина, которую убедили, что она проповедник солнца, а та и вправду верит, что каждый вечер обедает с самим солнцем. Свой бред она преподносит Вещам как новую религию, причем неплохо зарабатывает на этом деле. Я тоже могла бы сколотить приличный капитал на том, что меня ожидает, но еще неизвестно, какие чудища будут преследовать меня день и ночь.

Мороз пробежал по коже. Да ведь это сумасшедший ученый, озарило меня, и я рассмеялась. Муха отошла с недовольным ворчаньем.

Наконец, первая партия подошла к финишу. Судья объявил победителя, и тот сгреб все собравшиеся на кону очки, поскольку каждая Муха делала ставку. Смысл Игры был довольно ясен. Каждая Муха запускала в меня капельку яда и наблюдала за реакцией. Победителем оказалась та, которой удалось напугать меня больше всего.

— Вообще-то мы играем иначе, — сообщила мне одна из Мух, когда очки были собраны для следующей Игры. — Обычно Вещи нас не слышат, хотя ощущают те мысли, что мы впрыскиваем. Но у тебя мозг открыт, поэтому ты нас слышишь.

Игра все продолжалась. Я собрала все свои силы, чтобы противостоять словесному напору и хотя бы внешне выглядеть спокойной. Для этого понадобилось немало часов. Игра шла всю ночь. Я готова была броситься в реку к тому времени, когда поезд прибыл в Новый Орлеан. На вокзале, в зале ожидания меня перехватили Хинтон, Проныра и Ники.

— Во имя твоего и нашего блага, пользуйся только автобусами, — взмолился Хинтон.

— У нее сердце сейчас из груди выскочит, так сильно бьется, — произнес Ники. — Скорее в гостиницу.

В номере я разделась и рухнула на кровать.

— Дадим ей снотворного, — сказал Проныра. — Ей надо как

следует выспаться.

Я провалилась в сон и проспала семнадцать часов. У меня было намерение на время задержаться в Новом Орлеане, но за окном уныло моросил дождь, в городе было холодно и сыро. У меня начался страшный кашель, и я решила перебраться поближе к солнышку, на автобусе компании "Гончие Псы", конечно.

Я купила билет в небольшой техасский городок и стала обдумывать план побега. Мне надо как-то оторваться от своих спутников и попробовать найти Оператора, который закроет мой мозг.

— Вы настроились на эту Вещь? — спросил Ники у Проныры и Хинтона. — Мы так заботимся о тебе, — произнес он с укором. — А ты этого не понимаешь.

— Чудовище, — с возмущением пробурчал Хинтон.

— Мы только что отсосали информацию из твоего мозга, объяснил Ники. — Нам надо было знать, о чем говорили Мухи. С помощью отсоса мы получаем полные сведения о том, что ты слышала, думала и видела. Это не Мухи, а стая бешеных псов!

— А на каком предельном расстоянии Оператор может воздействовать на разум Вещи? — спросила я. Эта мысль только что пришла мне в голову.

— Около двух с половиной кварталов. Правда, это удается не каждому Оператору. Для некоторых и метров шесть — предел. Это зависит от размера и качества зубцов у Оператора.

Если мне удастся оторваться от Операторов квартала на три, подумала я, для моего разума наступит покой, и он сам излечится и зарастет. По всей вероятности, Операторы раскрыли мой мозг, чтобы любой из них имел к нему доступ. Для осуществления плана мне требовались деньги. Если я вернусь домой и сниму со своего счета все, что у меня накопилось, я смогу приобрести маленький домик, но с большим участком. Операторам будет до меня не добраться, и мой мозг, возможно, со временем закроется. А потом я смогу лучше узнать себя без вмешательства Операторов. Может, мне удастся понять, почему я так отличалась от самой себя в те годы, когда мной управляли Хинтон и Берт. Люди проживают всю свою жизнь, совершая странные поступки, и даже не подозревают, что ими управляют Операторы. Та Игра в поезде — страшный вид спорта, но, наверное, в отношениях между Операторами к Вещами случаются и более страшные моменты. Вещи можно заставить совершать жестокие, безжалостные поступки.

— Это точно, — неожиданно подтвердил Ники. — Я знал одного Оператора, который велел ей убить другого Оператора, которого ненавидел. Правда, такие вещи не сходят Операторам с

рук. Его приговорили к пожизненному отстранению и больше ни к одной Вещи и близко не подпустили.

Если разобраться, все эти законы установлены для защиты Операторов, но нигде не видно ни капли сострадания к Вещам или ответственности за них.

— Тебя возмущает, что Вещами манипулируют? — спросил Ники. — А разве вы, люди, не извлекаете выгоду из любого живого существа, если представляется такая возможность? Нет ничего безжалостнее Вещи. Так что не вам критиковать.

— Я, по крайней мере, надеялась, — заметила я, — что Операторы относятся к Вещам хотя бы как Вещи к собакам.

— Приблизительно так, — произнес Ники.

— Нет, не так. Природа создала два вида людей. Одни помогают и делают добро окружающим. А другие без сожаления их эксплуатируют.

К разговору подключился Проныра.

— Ты упустила одно обстоятельство: неуемная жажда денег и власти — вот что дает возможность воздействовать на Вещь. Точно так же, как деньги дают Вещи ощущение надежности и самоуважения, то же самое дают Операторам набранные ими очки. У кого много очков, у того и власть. С очками можно основать собственную организацию, скупить хартии сотен Вещей и не опасаться других Операторов. Чем же Оператор хуже Вещи? Если копнуть, то выяснится, что и Операторы, и Вещи действуют из одних и тех же побуждений. Все мы в одном котле варимся.

Хорошо бы снять где-нибудь маленький домик с большим участком, подумала я. Тогда Операторам до меня не добраться. Вернувшись в родной город, я сняла все деньги, что хранились в банке, и вопреки мрачным пророчествам моих компаньонов, купила билет на автобус, направлявшийся в северную часть страны. Добравшись до сравнительно пустынного местечка в одном из самых малолюдных штатов, я связалась с агентом по продаже недвижимости, и тот сразу же предложил посмотреть славный летний домик в горах. Воздух там — чистый бальзам, нахваливал агент. Мы сговорились, он отбыл, а я отправилась знакомиться с окрестностями.

— Индейцы, — недовольно фыркнул Хинтон.

— Ей-богу, настоящие индейцы.

С разочарованием пришлось констатировать, что моя компания никуда не делась. Где бы они могли быть, задумалась я, и решила, что, вероятнее всего, они укрылись в одной из окружавших мой домик хижин, в которых ютились несколько испаноговорящих мексиканских и индейских семей. Как выяснилось, мой домик вовсе не был уединенным, как мне

показалось вначале. Из-за густой листвы я не разглядела, что помимо хижин мой дом окружают с десяток таких же летних строений, одно из которых было совсем рядом.

В надежде избавиться от голосов я уходила на ежедневные прогулки далеко от дома, но они следовали за мной повсюду.

— Проныра пользуется стробоскопом, — наконец объяснил мне Ники. — Это увеличивает наш радиус действия до мили.

Примерно в миле от моего домика находилось заведение, представлявшее собой совмещенную почту, бакалейную лавку и промтоварный магазин. Каждый день я наведывалась туда, чтобы сделать покупки и поболтать с семьей хозяина заведения.

— До чего же здесь воздух хорош, — восхищенно заметил Ники. — Я тут, пожалуй, растолстею. Лучшего места для здоровья не сыскать.

Хинтон и Проныра, напротив, без конца твердили, что надо двигаться дальше.

— Нам только индейцев не хватало, — ворчал Хинтон.

Примерно через месяц моего горного отшельничества я решила наведаться в ближайший городок. Эту мысль подсказал мне владелец почты, заметив, что ему приходится бывать в городе раз в месяц, но, возвращаясь, он каждый раз восторгается, какой же он счастливчик, что живет в горах. (Кстати, как я потом вспомнила, он никогда не отправлялся в путь без револьвера).

Пройдя три мили до шоссе, я дождалась автобуса и приехала в городок до обеда. Погуляв по улицам, я вернулась на автобусную остановку и выяснила, что мой рейс отменен и следующий будет через три часа. Пришлось опять бродить по городу. Хинтон уговорил меня зайти в хозяйственный магазин и купить ручной фонарик. Как мне показалось, совершенно бессмысленная просьба, но покупку я сделала.

Однако я оценила подсказку Хинтона, когда вышла на своей автобусной остановке в горах. Ночь уже спустилась, а мне предстояло пройти три мили густым лесом. Включив фонарик, я отправилась в путь, прислушиваясь к голосам моих спутников и к неясным звукам и шорохам леса.

Дорога близилась к концу, вот уже показался мой дом, стоявший как раз за домом испанской супружеской четы. У них был громадный участок, по которому бегали семь брехливых собак. Мои ребята обсуждали вопрос об индейцах и о возможности их использования Операторами в будущем, когда неожиданно рядом со мной материализовался улыбающийся Ники. Это меня удивило, поскольку Операторы уже давно не появлялись передо мной.

— Быстро направь фонарик на собак, — произнес Ники.

Возможно, я начала бы препираться, скажи это Проныра или Хинтон. Но услышав эти слова от милого, улыбчивого Ники, я подняла руку и стала махать фонариком, пока его луч не упал на собак. Они залились визгливым, яростным лаем.

— А теперь быстро обернись, — приказал Ники, — и посвети в обратную сторону. Я повиновалась и увидела невдалеке на дороге что-то огромное, размером с датского дога, со сверкающими металлическим блеском глазами.

— Направь луч прямо в морду и води рукой вверх и вниз.

Я отчаянно замахала рукой перед горящими глазами. Вдруг глаза словно выключились и что-то огромное свернуло в лес и скрылось в его темноте.

— Теперь опять посвети на собак и беги, — приказал Ники.

Я припустила по дороге не хуже поднятого охотником зайца, не спуская луча с собак. Те прямо задохнулись от лая и готовы были снести забор. Не успела я добежать до них, как во двор выскочил хозяин и затарахтел на своем испанском со скоростью пулемета.

Тут я остановилась, перевела дух и стала извиняться за беспокойство. Испанец укоризненно покачал головой, а собаки все никак не могли уняться. Я вошла в дом, но меня все преследовали горящие желтые глаза. Вдруг Ники напомнил мне, что я собиралась нарвать маленьких белых цветочков, что росли на участке. Собрав небольшой букетик, я поставила его в воду, послушала, как Ники рассказывает о цветах, вскоре позабыла о желтых глазах и улеглась спать.

Наутро Проныра решительно объявил, что нам во что бы то ни стало следует отсюда уезжать. На этот раз его поддержал и Ники, добавив, что из-за плохого снабжения водой я моюсь только раз в неделю и вскоре вся обрасту микробами. Хинтон ядовито заметил, что если я пыталась укрыться в горах от них, то попытка явно провалилась.

Мне пришлось согласиться, что, пожалуй, нет дальше смысла оставаться здесь, и что завтра утром я попрошу кого-нибудь из соседей подбросить меня до города.

За завтраком Ники сообщил, что получил известия от фирмы, где я работала. Они сожалеют, что загнали такую отличную работягу-лошадь.

— Для фирмы каждая Вещь — или ломовая лошадь, или дикий мустанг, в зависимости от темперамента, — объяснил Ники. — Лошади обычно загоняют свои тревоги внутрь и ничего не предпринимают для их разрешения. Для Игры лучшего материала не найти. Совсем другое дело — мустанги. Эти не будут переживать втихомолку. Случись беда, они бьют копытом,

идут напролом и так или иначе устраивают свои дела. Ты была мустангом, пока за тебя не принялся Берт, он-то и превратил тебя в лошадь. Затеянный нами эксперимент задуман в общем-то не ради тебя, но одно точно пойдет тебе на пользу: ты снова станешь мустангом.

Я призадумалась над услышанным, а мои ребята тем временем переключились на Мух.

— Они все время будут тебе докучать, — заметил Проныра. — Даже в автобусах. Надо как можно скорее перебраться в Калифорнию.

— А давайте через Канаду, — предложил Ники. — Там Мухам не очень-то дают разгуляться.

— Умнее не придумаешь, — съязвил Хинтон, — особенно если учесть, что у нас нет лицензий для работы в Канаде.

Решение пришло мгновенно. Дойдя до телефонной будки, я позвонила в аэропорт и узнала, когда будет ближайший рейс в Канаду.

— Этого только не хватало, — ахнул Хинтон.

— Не ты ли нас уверял, что с этой Вещью у нас не будет хлопот? — возмутился Проныра. — Нас трое и мы едва управляемся с нею.

Через несколько часов я летела в Канаду. Неужели удалось избавиться от моего постоянного эскорта?

- У нее голова прямо-таки распахнута настежь, — произнес чей-то голос. — Никакого прикрытия на голове: ни тебе дощечки, ни покрышки, ни шалашика. Похоже, эта Вещь понимает, о чем мы говорим.

— Да, голова у нее раскрыта, и она вырвалась из-под надзора, — подтвердил другой голос. — Я займусь ею. Как говорится, на ловца и зверь бежит.

Перехватишь ее на выходе из самолета, — сказал первый Оператор.

— Так ты полагаешь, что она знает кое-что об Операторах?

— У нее голова просто забита информацией об Операторах, я не успеваю ее отсасывать. И где она только набралась всех этих сведений? — изумился второй Оператор.

— Я немного поработаю с нею, — заявил первый Оператор. — Дамы и господа, в моем распоряжении оказалась весьма необычная Вещь. Думаю, вы таких еще не встречали. Она знает о существовании Операторов.

— Не может быть! — воскликнул женский голос. — Кому же она принадлежит?

— Пока что мы работаем с нею. Можете подходить, подключаться к Вещи и исследовать ее мозг. Только сначала

внесите пятнадцать очков. Работать с Вещью не разрешается.

С десяток голосов возникли один за другим. Уплатив свои очки, они задавали мне вопросы, на которые я демонстративно не отвечала.

— А теперь, — предложил второй Оператор, — кто хочет участвовать в Игре? Ставка — двадцать очков.

Операторы только было собрались делать ставки, как стюардесса неожиданно объявила, что самолет скоро приземлится. Первый Оператор с сожалением вздохнул.

— Как бы то ни было, а мы набрали двести очков. Очень недурно. Эта Вещь — просто золотая жила. Меня теперь от нее и бульдозером не отдерешь.

Однако в аэропорту я быстро нырнула в такси, добралась до автобусной остановки и благополучно улизнула от своих новых знакомцев. Добравшись до одного из городов на севере Канады, я тут же попала в руки канадского ловца, который немного спустя продал меня другому Оператору. Пересаживаясь с автобуса на автобус, я направилась обратно в Штаты и немедленно угодила в зловещие сети Доррейна.

— У него есть свои достоинства, — заверила меня женщина. — Одно плохо: он ненавидит Вещи. Сделаю для вас все, что в моих силах, но боюсь что этого будет маловато. Попытайтесь сбежать, если подвернется случай.

Речь шла о Доррейне, а женщина была его женой. Как только они вошли в мою жизнь, у меня началась дикая головная боль. Стиснув зубы, я вжалась в свое сиденье и приготовилась терпеть. Но вся моя выдержка мгновенно улетучилась, и меня охватил страх, когда я узнала, что головная боль — дело рук Доррейна.

Он хочет разрушить те клетки головного мозга, которыми вы мыслите, — пояснила жена. Повернувшись к мужу, она прикрикнула на него:

— А ну-ка, прекрати это. Ты уже и так выдолбил ей на полсантиметра всю левую сторону. Не остановишься, сделаешь из нее придурка.

Уж этого я не позволю. Я вышла из автобуса на следующей остановке и направилась в ближайшую гостиницу.

— Ложись в постель и вызови врача, — посоветовала миссис Доррейн. — Да не мешкай. Эта долбежка — дело опасное.

В телефонной книге я нашла номер первого попавшегося врача, вызвала его и забралась в постель. Доктор приехал быстро, обследовал меня и велел немедленно собираться в больницу.

— Я отвезу вас в своей машине.

— А что у меня с головой?

— С головой? — он как-то странно глянул на меня. — У вас

воспаление легких. Жду вас внизу.

Час спустя я уже лежала на больничной койке. Надолго погружаясь в сон, изредка просыпалась, слышала, как препирается чета Доррейнов и снова засыпала. Наверное, они засели где-нибудь в гостинице по соседству или припарковались у больницы, решила я.

Через неделю мне стало значительно лучше. Обдумывая свое положение, я пришла к выводу, что, пожалуй, мне будет на руку, если Доррейны затеют свою Игру. Они уже пытались завербовать игроков среди Операторов-больных. Но я выяснила, что Доррейны не всем по душе, и что имеются желающие мне помочь.

— Ты безнадзорная, — заключил один из Операторов, выдававший себя за выздоравливающего после удаления аппендицита. — А для таких есть особые правила. Победивший в Игре получает право владеть безнадзорной Вещью в течение суток. Мы попробуем тебя выиграть и, если нам повезет, дадим тебе передышку.

Победителем в Игре считался тот Оператор, которому удавалось вызвать у Вещи наиболее выраженную эмоциональную реакцию. Это не составило бы труда для Доррейна, которого я до смерти боялась. Но я собрала в кулак всю волю и, контролируя свои эмоции, сама определяла победителя. К глубочайшему возмущению Доррейна, день за днем меня выигрывали другие Операторы. Среди них была и пара работавших на кухне женщин, которые убедили меня написать письма моим друзьям.

— Мы тебе поможем составить текст, — пообещала одна из них. — Если твои друзья являются Операторами, они расшифруют письма и поймут, что с тобой происходит.

Написав под диктовку письма, я внимательно их прочитала, но так и не заметила никаких признаков шифра. Только жизнерадостные описания мест, где побывала, и восторги от полученного удовольствия. Почти в каждом письме повторялась фраза: "Наконец-то мне удалось как следует отдохнуть от однообразия повседневной работы. Об этом каждый мечтает, но я и думать не могла, что для меня это станет реальностью".

Больницу я покидала неохотно. За порогом меня уже поджидала чета Доррейнов. С ними был и Щит, полицейский Оператор из вашингтонского городского совета. По его словам, он должен был охранять меня, пока я не пересеку границу штата. Думаю, это было организовано не без участия моих друзей-Операторов из больницы. У меня мелькнула соблазнительная мысль никогда не покидать штат, а колесить по нему бесконечно, пересаживаясь с автобуса на автобус.

Только мы выехали за пределы Вашингтона, как Доррейны

засуетились и стали вербовать Мух для Игры. Ко мне вновь вернулась мучительная головная боль. Меня не столько тревожила сама боль, сколько разрушения, творимые Доррейном в моей голове.

По прибытии в город Бьютт в штате Монтана Доррейны затеяли Игру с Оператором, назвавшимся Доном и заявившим, что он принадлежит к организации Лесорубов. Мне показалось, что его тронули мои злоключения, а когда он узнал, что эксперимент проводится на основании свидетельства о воскрешении, он как-то сразу заволновался и куда-то исчез. Примерно через час, когда я чистила зубы у себя в номере гостиницы, передо мной вдруг возникла картинка, изображающая пятерых мужчин и двух женщин в красно-черных клетчатых костюмах.

— А это еще кто? — заинтересовалась миссис Доррейн.

— Команда Операторов из организации Дона, — ответил супруг. — Изображение вполне четкое, только почему-то не могу войти с ними в контакт. Ну-ка, используй удлинитель, может, у тебя получится.

Через мгновение раздался голос:

— Мы Лесорубы. Впустите нас.

— Встречу вас в холле. — ответил Доррейн. — Пока воздержусь называть номер своей комнаты, а то не ровен час эта Вещичка подложит мне бомбу.

Вскоре Доррейн вернулся, ведя за собой Лесорубов. Операторы предложили ему за меня выкуп в двести очков, но Доррейн стал рьяно торговаться. Слушала я их, слушала и как-то незаметно уснула. Пробудилась я все под тот же гул голосов.

— Послушайте, она проснулась, — произнес чей-то голос. — Все равно мы не знаем, где будет вынесено окончательное решение — здесь или в Солт-Лейк-Сити. Ясно одно: мы никуда не продвинемся, пока не поднатаскаем эту Вещь, чтобы она понимала что к чему.

— Это свидетельство о воскрешении — чистое мошенничество, — продолжил другой голос. — Такая подлость как раз в духе Гончих. Больно много силы они набрали. Давно пора их укоротить и лучшего случая, чем это свидетельство, не представится. Мы беремся за твое дело и будем его отстаивать.

Ни от одного Оператора я еще не слышала более приятных слов. Выразив свою признательность, я поинтересовалась, чем могу помочь.

— Всему свое время, — продолжил Лесоруб.

— Мы прибегли к отсосу и в основном знаем твою историю. Теперь послушай нас: организация Лесорубов, включающая более

ста Операторов, намерена обратиться в совет штата с требованием судебного разбирательства, на котором они опротестуют выдачу свидетельства, по их мнению, представляющего для меня опасность.

Не могли бы они заодно заявить, попросила я, что я вовсе не нуждаюсь в воскрешении.

— Это рискованно, — возразил Лесоруб. — Свидетельство выдается, только если Вещь находится при смерти. А мы не можем доказать, был такой факт или нет. Если мы сделаем подобное заявление, Гончие станут утверждать, что все было по закону, решение затянется на месяцы, пока судья будет копаться в твоем прошлом.

Из этого я заключила, что в мире Операторов власть и престиж являются мощным оружием, и не так-то просто одолеть Гончих.

— Что верно, то верно, — подтвердил Лесоруб. — Мы и не рассчитываем на легкую победу. Потребуем назначить разбирательство на ближайшее воскресенье, только еще не решили, в каком штате его проводить. Пожалуй, лучше всего подойдет Юта. В Солт-Лейк-Сити законники строгие, они особо и разбираться не станут, просто аннулируют свидетельство сходу.

Меня это более чем устраивало.

— Хотя, конечно, с тобой могут разделаться и Мормоны, — поразмыслив, добавил Лесоруб. — Ну, что делать, придется рискнуть.

Мне было ясно, что эксперимент Гадли вряд ли вызовет одобрение Операторов Мормонов, но такое же неодобрение у них вызовет и Вещь, голова которой забита сведениями об Операторах. Взвесив все «за» и «против» и понимая, насколько сомнительны мои шансы остаться в мире живых, я в итоге решила довериться Лесорубам.

Тьма народу собралась на автовокзале Гончих в Солт-Лейк, когда мы туда прибыли.

— Недостатка в зрителях явно не будет, — заметил руководитель Лесорубов, обращаясь ко мне. — Разбирательство начнется в полдень. Устраивайся в гостинице и возвращайся.

Ровно в двенадцать я была на автовокзале. Заседание началось с выступления защитника от Лесорубов. Он вкратце изложил предысторию всего дела и выдвинул следующий довод: если разрешить этот эксперимент, то нельзя будет отказывать другим в подобных опытах; со временем число Вещей, обладающих информацией об Операторах, возрастет настолько, что все основы мира Операторов и Вещей окажутся под угрозой.

Мне было не по себе. Надо признать, что защитник бил

прямой наводкой, но этот огонь, без сомнения, накроет и меня без малейшей надежды на выживание.

Выступление юриста от Гончих выглядело очень неубедительно. Когда было запрошено свидетельство о воскрешении, заявил он, не были сообщены подробности эксперимента. Предполагалось, что опыт совсем простенький, поэтому Гончие дали ему добро. Я с ужасом ожидала главного вопроса судьи: "Что эта Вещь уже знает об Операторах? " — ибо от него зависела моя дальнейшая судьба. Но он его так и не задал.

— Они подключились к твоему мозгу и отсасывают информацию, — шепнул мне на ухо один из Лесорубов. — Сиди спокойно, расслабься. Все идет как по писаному.

Затем снова выступил юрист от Лесорубов с уничтожающей критикой порядка выдачи Гончими свидетельств и потребовал запретить компании выдачу каких-либо документов, пока не будет проведено официальное расследование ее деятельности и наведен должный порядок.

Слушая его, я засомневалась, не попаду ли я из огня да в полымя, избавившись от Гончих, но попав в руки сурового судьи.

В три часа слушание было прервано до следующего утра, и я вернулась в гостиницу. Лесорубы заказали бутылку шотландского виски, чтобы отпраздновать успех и изрядно напились и разбушевались. Оператор гостиничной обслуги пожаловался было на шум, но один из Лесорубов немедленно его пришиб. Как потом выяснилось, на языке Операторов «пришибить» означает использовать определенный мыслительный прием, с помощью которого один Оператор может временно вывести из строя другого. Тут же на месте происшествия появились несколько гостиничных Операторов и пришибли двух Лесорубов. Эта «пришибаловка» растянулась на долгие часы. К полуночи большинство Лесорубов настолько ослабли от умственной потасовки, что отключились от меня, и я слышала только голоса их руководителя и одного из его помощников.

В наступившей относительной тишине я еще раз обдумала сложившуюся ситуацию и пришла к выводу, что дело принимает скверный оборот. Позвонив на всякий случай в бюро западных авиалиний, я выяснила, когда первый утренний рейс, и легла спать. Утром мне сообщили, что расследование уже закончилось и свидетельство о воскрешении признано недействительным.

— Более того, — продолжал главный Лесоруб, — нам удалось очень ловко вызволить тебя. Судья просто в ужас пришел, когда узнал, что Гадли собрал уже целую коллекцию Вещей с вывихнутыми мозгами. Он опасается, что в ней могут оказаться такие, как ты. Мы обещали отвезти тебя в Калифорнию и

доказать, чего бы нам это ни стоило, что с головой у тебя все в порядке.

В пути меня сопровождали главный Лесоруб и его помощник по имени Плющ. Самолетом мы добрались до Сан-Франциско, а затем автобусом (но не компании Гончих Псов) до города, где находилась штаб-квартира организации Гадли. Я отправилась в гостиницу, а Лесорубы — к Гадли.

Почти сразу же к голосам Лесорубов присоединился голос Ники. Напуганный неожиданным поворотом событий, он поспешил обо всем доложить Гадли. Плющ тоже заторопился, чтобы подать прошение о новом расследовании. Ники отсутствовал недолго.

— Коль скоро тебе придется задержаться здесь на какое-то время, неплохо было бы снять меблированному квартиру, — заметил он. Предложение показалось мне разумным, и я отправилась в подсказанном Ники направлении и вскоре поравнялась с домом, где висели объявления о сдаче квартир в наем. Не успела я толком устроиться в снятой квартире, как выяснилось, что она находится буквально в нескольких шагах от здания, где размещается Гадли и его штаб, а на этой улице в основном проживают странные экземпляры из его коллекции. Лесорубы с трудом уговорили меня подождать и не выезжать сразу после вселения.

Операторы Гадли тут же настроились на меня и просовещались почти всю послеобеденную часть дня. С удивлением отметив их прекрасное расположение духа, я и сама постепенно расслабилась и приняла активное участие в разговоре. Мне удалось узнать, что Проныры и Хинтона в городе не было, они уехали по делам организации, а великий Гадли был в бегах, поскольку совет штата Калифорния грозился отстранить его навечно от операторской деятельности из-за его ненормальной коллекции.

Обстоятельства складывались для меня весьма благоприятным образом. Следующий день тоже принес добрые вести. Гадли, приговоренный к пожизненному отстранению, скрылся, и организацию временно возглавил добродушный Оператор по имени Увалень, не лишенный чувства юмора и симпатии к Вещам.

Как выяснилось, Операторы Гадли были известны в здешних краях как Западные Парни и Операторы из других организаций их заметно побаивались. Несмотря на задиристую репутацию, Западные Парни мне понравились. Они без конца сновали туда-сюда, задавали множество вопросов о моем отношении к миру Операторов и, казалось, мои ответы забавляли их.

Один из них, по имени Пройдоха, называл меня не иначе как "Эта Самая".

— Вы только послушайте, что Эта Самая говорит, — восклицал он, как только заводил со мной беседу. — Она опять выступает. — Пройдоха считал, что мое поведение определяется тем, что я по природе мустанг.

— Лошадь, та обычно изведется до полусмерти, — замечал он философски. — Совсем другое дело мустанг. Попробуй задать ему какую-нибудь головоломку — и вместо того чтобы убиваться над ней, он мигом врежет тебе копытом по зубам.

— Не совсем так, — возразил Ники. — Она и есть мустанг. Просто она возвращается к своей первоначальной личности. Правда, с самого начала эксперимента ее удерживал якорь. Якорь, — пояснил он для меня, — это нечто вроде долго действующего снотворного. Успокаивает нервы. Якорь приглушает все эмоциональные реакции.

Приятное окружение радовало меня, особенно если учесть, что предстояло на какое-то время здесь задержаться. Мне было весело в компании Операторов Гадли, и у меня даже зародилась надежда, что если их уговорить, они помогут Лесорубам освободить меня. Поздно вечером, когда я уже приготовилась ко сну, как-то незаметно исчез последний Оператор, который до этого еще оставался со мной. Прошло несколько мгновений, и женский голос зашептал мне на ухо:

— Я не работаю у Гадли, я живу в этом доме. Можешь звать меня Бабуля, меня все так зовут. Не тревожься, у нас тут живут очень славные люди, они будут приглядывать за тобой, да и я буду проведывать тебя, узнавать, все ли в порядке.

Голос как будто отдалился и затих, а я мирно уснула.

Не прошло и недели, как моих Западных Парней купил некий Оператор по имени Громила.

— Это подонок, — сообщил мне один из Операторов. — Но мы сделаем все возможное, чтобы защитить тебя.

Громила настроился на меня как-то утром, когда я завтракала. Показал он мне и свое изображение, что с его стороны было довольно необдуманно, поскольку его квартира была почти рядом с моей. Думаю, он хотел взять меня на испуг. Эта была настоящая гора с квадратным злобным лицом. Он уставился на меня холодным рыбьим взглядом, я смотрела таким же.

— С этим хлопот не оберешься, — прорычал он.

До меня как-то не сразу дошло, что под «этим» он имел в виду меня. Подобное вступление меня несколько обескуражило, но, собравшись с мыслями, напомнила, что участь «великого»

Гадли может ожидать и его.

— Да у этой Вещи наглости хоть отбавляй, — возмутился Громила. — Оболванить ее!

Изображение и голос сразу пропали.

— Как ты его отбрила, просто чудо! — одобрил меня Оператор по имени Буравчик. — Я и сам об этом мечтал. Однако было бы лучше, если бы ты промолчала. Ничего хорошего тебе не светит, коль речь идет об оболванивании.

Ники совсем приуныл.

— Приказ есть приказ, только выполнять его не хочется. Бог его знает, во что ты превратишься после оболванивания.

Я насторожилась. Что же это такое — оболванивание по-операторски?

— Это определенная процедура, в результате которой у Вещи удаляется структурная решетка мозга и приходится ждать, пока вырастет новая, — объяснил Ники. — В решетке хранятся твои поведенческие навыки, она похожа на те деревянные решетки, по которым вьются растения, отсюда и название. Новая решетка вырастает довольно быстро, но какие в ней будут заложены навыки, зависит от Операторов, которые будут отвечать за это дело.

— Да, компания у Громилы собралась разношерстная, — поддакнул Буравчик.

— Могут сделать из тебя конфетку, а могут набить голову мякиной.

— Давайте удалим только небольшой участок решетки, — предложил Оператор по имени Каток. — Может, Громила успокоится. У Буравчика родилась идея получше.

— Надо связаться с Увальнем.

Увалень пришел в восторг от рассказа о том, как я пообщалась с Громилой.

— Мне Эта Самая нравится такой, какая она есть. Оставьте ее решетку в покое. А Громилу я отговорю от оболванивания. Ники высказал явное облегчение.

— Этот Громила вполне мог сделать из тебя полного болвана. Это на него похоже, — произнес Ники. — А нам тогда хлопот полон рот. Чтобы получился полный болван, надо не только удалить решетку, но и постоянно соскабливать все, что будет вырастать заново. Болван полностью зависит от своего Оператора, ему нужно постоянно обо всем напоминать: когда помыться, почистить зубы, поесть. Чуть ли не дышать за него приходится.

Меня охватил ужас. Какой же смысл в том, чтобы превращать Вещь в болвана?

— Операторы, например, используют их как болванки для

шляп, — объяснил Ники.

— Кстати, большинство знаменитых комиков — болваны. Взять хотя бы Боба Хоупа. Он только повторяет то, что подсказывает Оператор. Управлять им проще простого, никакая решетка не мешает. Для умного Оператора болван просто находка, все равно что собачка на поводке.

Мне все еще было не по себе. Пойму ли я, что со мной происходит, если какой-нибудь Оператор начнет меня оболванивать?

— Нет, — немедленно отреагировал Ники. — Это совсем не больно. Но если в твою голову заглянет другой Оператор, он сразу увидит следы операции. Кое-что ты и сама заметишь. Голова будет словно в тумане. Но не беспокойся, Увалень тебя отстоит.

На следующее утро я проснулась с острой болью в затылке. В панике я позвала Ники и Увальня, уверяя, что меня оболванивают. Оба немедленно подключились.

— Никто тебя не трогал, — успокоил меня Ники. — Думаю, это просто невралгия. Может, стоит купить грелку.

— Или бутылку виски, — хохотнул Увалень. Через минуту их голоса постепенно отдалились, а у меня в ухе послышался шепот Бабули:

— Вот два дурака! Отправляйся-ка к доктору, у тебя с шеей явно что-то неладно.

Еще до обеда у меня уже был адрес доктора. Заявился Буравчик и сообщил, что доктор — Оператор.

— Да не простой, а какой-то начальник. Он тебе может здорово помочь.

К моему удивлению, доктор оказался приятным, жизнерадостным человеком. Он определил у меня воспаление височного нерва в направлении к уху и шее.

— Хорошо, что вы вовремя обратились ко мне, — сказал доктор. — Если болезнь запустить, то могут быть очень неприятные осложнения.

Я вернулась домой с чувством благодарности Бабуле за ее хлопоты и сострадание.

Западные Парни часто оставляли меня одну, и у домашних Операторов вошло в привычку заглядывать ко мне в такие моменты. От них я узнала подробности о Рите, богине храма солнца, самом выдающемся экспонате в коллекции Гадли. А однажды я даже присутствовала на проработке, которую устроили для Риты.

— Рита всегда была прелестной Вещицей, — с симпатией заметила Смуглянка, одна из соседок. — Да вот беда — любит

выпить. Муж у нее Оператор. Понадеялся, что Гадли выправит Риту, да и отдал ему Ритину хартию. Гадли, конечно, стал объяснять, что он затеял все это дело с солнечными картинками, чтобы напугать Риту и тем самым отвадить ее от бутылки. Такого проходимца, как Гадли, никогда не прищучишь, он всегда найдет отговорку, почему у него получился еще один придурок.

Как выяснилось из рассказов соседок, увидев изображение бога солнца, Рита бухнулась перед ним на колени, а потом соорудила в своей комнате алтарь. Через короткое время вместе с Ритой у этого алтаря отбивали лбы еще с десяток женщин. Солнцепоклонницы все прибывали, и в комнате стало тесновато, пришлось вместе с алтарем перебраться в гараж. Муж Риты готов был живьем съесть Гадли за его терапию, однако хартию тот так и не вернул.

Тут в рассказ вклинился чей-то голос:

— Смуглянка, ты с Этой Самой?

— Это ты, Салли? Заходи. Здесь только мы с Верой.

— Вы знаете? — начала Салли. — Камерон, Водила и Паук собираются в четыре часа устроить Рите проработку. Здесь где-то есть щеколда из квартиры Громилы в комнаты Этой Самой. Вот бы нам найти ее, мы могли бы настроиться и все послушать.

— Это я устрою, — пообещала Смуглянка. — Эта Самая, садись в гостиной на диван. Там как раз и находится щеколда. Тебя настроят на квартиру Громилы, а мы настроимся на тебя и будем в курсе всех событий.

Я попросила объяснить, о какой щеколде идет речь.

— Это подслушивающий луч, — объяснила Вера. — Делается это мысленно. Большинство Операторов запирают свои Вещи на щеколду, когда те засыпают. А ребята Громилы орудуют отмычками. Вот почему они всегда во время бесед усаживают тебя на диван: тогда им не нужен удлинитель.

Ровно в четыре я расположилась на диване. Перед моими глазами появилось изображение трех незнакомых лиц. Одно было смуглое и хищное.

— Это Паук, — пояснила Смуглянка.

Под подбородком у Паука виднелся галстук-бабочка кричащего оттенка.

— Интересно, почему они собираются ее прорабатывать? — спросила Вера.

— Да у Риты опять появились сомнения, — откликнулась Салли. — Какая подлость все-таки! Если бы они оставили Риту в покое, она давно бросила бы все эти солнечные глупости. Но как только у нее появляются сомнения, они тут же берут ее в оборот.

Способность видеть и слышать у женщин оказалась выше, чем

у меня. Но они мне рассказывали то, что я не смогла уловить. Лица мне были видны хорошо, я заметила, что Операторы стоят у окна.

Смуглянка объяснила:

— Рита живет в доме как раз напротив квартиры Громилы, поэтому они работают через окно. По существующим правилам, если у Вещи появились сомнения относительно той мании, которая была успешно внушена ей Операторами, Вещи дается шанс избавиться от этой мании. Устраивается проработка, и Вещь начинают по очереди убеждать те, кто за, и те, кто против мании.

Сегодня Паук попытается доказать Рите, что бог солнца на самом деле существует, а Камерон попытается уверить Риту в том, что весь этот бред про солнце не что иное, как мания. А какая роль у Водилы, я не знаю.

— Он будет вести счет, — сказала Салли. — Наверное, Ритин муж пожаловался в городской совет, и те затребовали официальный протокол подсчета очков.

— А Ритиного мужа видишь? — спросила Вера.

— Нет, — ответила Салли. — Бьюсь об заклад, что он сидит у какой-нибудь другой щеколды. Тихо, тихо! Хочу изучить их приемы. До чего же головастый мужик этот Паук!

Я слышала комментарии Смуглянки и ее подружек, но не уловила ни одного слова из проработки. Смуглянка подытожила:

— Дело обстоит так. Камерон пытался убедить Риту в нелепости самой мысли о том, что бог солнца выберет для общения какую-то жалкую Вещь. Рита совсем сникла, и Камерон был на грани победы. Но тут за Риту взялся Паук и сказал, что даже солнцу нужно поклонение смертных, чтобы утвердиться в своей божественности, и что Рита должна исполниться благодарности и смирения за то, что она стала избранной. Вот по этому руслу он и направил Ритино ощущение собственной ничтожности. Какая ни есть, а все перемена. Раньше Рита слишком воображала насчет своего храма, а теперь станет смирная, как овечка.

— Бедняжка, — вздохнула Салли. — Когда же ее мужу удастся получить хартию обратно?

— Не раньше чем через полгода, — ответила Вера. — Боюсь, что как только он вылечит ее от этого бреда, она снова запьет. И охота ему столько возиться с этой Вещью, не понимаю.

— Но ведь у них дети, — возразила Салли. — Я вообще считаю, что Операторам не следует жениться на Вещах. Никогда не знаешь, что от этого брака родится. Даже если получатся Вещи, все равно их жалко, ведь они свои.

Я заметила, что подслушивающий луч доходит до самой

середины моей кровати. Значит, они могут следить за мной ночью, если я не сплю. Наверное, на луче всю ночь кто-то дежурит, чтобы я не сбежала.

Мое отношение к богине солнца было довольно неопределенным, но остальные опыты Гадли приводили меня в бешенство.

Взять хотя бы Костелло, девочку лет пятнадцати. Ярко выраженный интраверт. Гадли выиграл ее хартию и превратил девчонку в еще одну уродину для своей коллекции. И самое обидное, что орудием ему послужил английский язык. Девочка поглощала книгу за книгой.

— Гадли убедил девчушку в том, что земная жизнь лишь чистилище, — рассказывала Смуглянка, — а земля населена душами, ищущими путь на небеса. Все людские невзгоды только очищают человека и делают его совершеннее. Настроив ее на такой лад, он уверил девочку в том, что во всех книгах и газетах содержатся зашифрованные послания одних дьяволов другим. Так они общаются друг с другом. Он совсем запутал ей мозги, объяснив этот код. Например, для обозначения душ используются слова «маленький», "малыш", «зверюшка». А слова «рыбак», "рыболов" — закодированное слово «черт». Звукосочетание «ай» указывает на муки, насылаемые дьяволом, например: «майка», "каравай".

— Мне кажется, сам Гадли комплексует на почве религии, — заметила я.

— Да нет, — возразила Смуглянка. — Просто это такая тема, где Гадли легче всего развернуться. Что ни говори, а девчушка-то совсем свихнулась. Миссис Костелло просто в отчаянии. Она уже обращалась в городской совет, но Гадли, как всегда, выкрутился.

У многих подростков бывают проблемы с нервами. Как правило, с возрастом все проходит. Надо же было этому негодяю так искалечить девочке жизнь.

Смуглянка сочувственно закивала.

— После того как Гадли смылся, миссис Костелло все время держит девочку на лекарствах и оберегает от всяких треволнений. Малышка и вправду на грани помешательства.

Я решила расспросить Ники о девочке Костелло.

— Откуда ты это узнала? — насторожился он. — Небось от этих квочек, соседок твоих? Хочу тебя предостеречь. На этом участке работает Щит по имени Вышибала. Он в хороших отношениях с миссис Костелло и пытается уговорить Громилу вернуть ей дочкину хартию. Кроме того, он подал прошение о расследовании, чтобы заполучить эту хартию. Как мы предполагаем, он приведет в пример тебя, чтобы показать, что в

конце концов может сделать с девочкой Громила. Поостерегись, если здесь появится Вышибала и начнет вынюхивать.

Как-то вечером ко мне заглянула миссис Костелло и привела с собой Вышибалу. С кулаками у этого человека все в порядке, подумалось мне. Такого лучше иметь в друзьях. Сама миссис Костелло произвела на меня весьма приятное впечатление. В ней была какая-то утонченная чувствительность, что редко встречается у Операторов, а ее горе тронуло меня до глубины сердца. Я почти все рассказала Вышибале о себе, правда, полностью умолчав о Лесорубах. Мне хотелось, чтобы до него дошло, что моя собственная жизнь в опасности и мое заветное желание — выйти из эксперимента. Однако меня совсем не устраивает перспектива быть уничтоженной только потому, что я узнала о существовании Операторов.

— Что за глупости! — возмутился Вышибала. — Да любой Оператор в любое время может использовать амнезию, чтобы отбить тебе память. Не позволяй Западным Парням морочить тебе голову. Твоя жизнь их совсем не волнует. Они за себя беспокоятся. А потом, тебе только кажется, что ты много знаешь об Операторах. На самом деле, это капля в море. Главное, что примет во внимание совет — это то, что ты не проронила ни слова ни одной из Вещей о том, что знаешь.

Вечером ко мне пришел Плющ, Оператор от Лесорубов, и сообщил, что слушание моего дела откладывается. Совет запросил все подробности обо мне, и Лесорубы сильно подозревают, что на это потребуется не меньше месяца.

— Откуда же они возьмут эти сведения?

— От Операторов, что были с тобой знакомы, и от фирмы, где ты работала, — ответил Плюш. — Наш адвокат советует тебе немедля отправить в фирму заявление об уходе. Твое руководство само окажется на крючке, и если тебя к моменту запроса уже не будет в штате, характеристика, скорее всего, окажется положительной. Ведь твое участие в эксперименте ложится малоприятной тенью и на них.

Тем же вечером я отправила телеграфом свое заявление об уходе. Сделала я это с сожалением, поскольку предполагала вернуться на работу спустя какое-то время. Дома меня встретил голос Хинтона:

— Слава Богу, наконец-то ты навсегда разделалась с этим заведением.

Мне на мгновение вспомнился Берт, и я пожалела, что не вижу голову Хинтона. С удовольствием запустила бы в нее чем-нибудь.

— Возвращается Мудрец, — сообщил мне Ники. — Его ждут

сегодня вечером. Он тебе понравится. Когда-то он входил в нашу организацию и отлично ладил с Гадли. Паук его просто боготворит, это он попросил Мудреца вернуться, как только Гадли сбежал.

Скажи мне кто твой друг… А если друг — Паук, то это уже вызывает сомнения, у меня во всяком случае. Но я все-таки решила не настраивать себя заранее против Мудреца. На деле он оказался такой обаятельной личностью, что сразу покорил меня.

Сразу же по прибытии Мудрец заявился ко мне в сопровождении почти всех знакомых Операторов. В нашей беседе я описала ему свое состояние подопытной морской свинки в клетке и посетовала на то, что мои финансы тают, как мартовский снег, и несправедливо возлагать на меня все расходы по проведению эксперимента.

— Дело еще больше осложняется тем, — продолжала я, — что я живу не просто в клетке, а в кривой клетке. Операторы даже не представляют в полной мере, как я страдаю от этого эксперимента. Я живу в двойном мире. Это все равно что жить повседневной жизнью на земле и в то же время через волшебное зеркало видеть все, что происходит на Луне.

В ответ Мудрец нарисовал несколько картинок, изображающих морскую свинку в клетке. Вот она стоит на задних лапках и спорит о чем-то с врачами в белых халатах. А вот она забилась в уголок, пересчитывает мелочь в кошельке и жалуется, что скоро на еду не хватит. Рисунки были очень остроумные, а свинка вызывала симпатию. Итак, Мудрец, как и остальные Операторы, считает меня забавной. Учитывая обстоятельства, и это неплохо, вряд ли стоит надеяться на большее. Моя личная судьба вызвала у Мудреца довольно отстраненную реакцию.

— Клетка не только ограничивает, она же и защищает. Мирясь с Операторами, ты избавлена от малоприятного общения с Вещами. Ты недооцениваешь выигрышность своего положения. Жаль, что в тебе нет философской жилки, ты вся занята насущными проблемами. Тебе не хватает перспективного видения. Одного не могу понять: кто додумался выбрать для эксперимента Вещь с самым неподходящим для этого характером?

— Но ведь она — самая типичная американская Вещь, — возразил Ники. — Именно поэтому Гадли остановил на ней свой выбор. А потом эта Вещь умеет держать язык за зубами, и мы были спокойны насчет того, что она не растрезвонит обо всем другим Вещам.

— Может, ее личность и типична для Америки в том смысле, что в сложных ситуациях она проявляет волю и желание

действовать, все же не пытайтесь меня убедить, что Гадли интересовала лишь реакция американских Вещей на то, что ими управляют Операторы.

— Именно это и было одной из его целей, — вставил Проныра. — У него вызвали беспокойство исследования, которые ведутся в одном из университетов. Ему показалось, что они настолько продвинулись, что могли подойти вплотную к истине. Хотя, честно говоря, зная характер американцев, можно допустить, что, даже наткнувшись на истину, они просто в нее не поверят.

— Ну, и как же Гадли собирался завершить эксперимент? — поинтересовался Мудрец.

— Он не успел проработать детали, — ответил Ники. — Предполагалось, что когда сознание будет полностью перестроено в должном направлении, Вещь будет помещена в соответствующее медицинское учреждение, откуда ей пришлось бы выбираться самостоятельно. Ее рассказ обо всем, что она знает, мог вызвать самые разнообразные последствия. Бред душевнобольного человека, зафиксированный прежде чем университет выступит с публикациями на эту тему, подорвет доверие к этим «открытиям». Правда, были некоторые опасения. В общении с психиатрами эта Вещь могла и не разговориться, понимая, что все ее слова будут приняты за бред сумасшедшей.

Когда все ушли, я задумалась над планом Гадли и над тем, продолжит ли его Громила. Из раздумий меня вывел шелестящий голосок Бабули:

— Послушай, детка. Одно дело рассказать все это в психбольнице, и совсем другое — посоветоваться с частным психиатром, к которому ты придешь на прием и которому заплатишь. Пойми наконец, что твое молчание — золото для Громилы. Эксперимент прекратят, как только ты заговоришь. Полистай телефонный справочник, найди доктора, договорись о приеме и отправляйся к нему.

Полистав страницы, где указывались адреса, я наугад выбрала имя.

— Вот еще что. Быстренько где-нибудь запиши следующее: "Если я потеряю память, следует запомнить одно: никогда, ни при каких обстоятельствах я не вернусь в фирму, где я работала".

— А почему я должна потерять память? — спросила я.

— Это один из немногих способов оставить тебя в живых. Даже если Лесорубам удастся отстоять тебя на слушании, боюсь, что судья вынесет приговор об амнезии.

Когда Бабуля оставила меня, я подумала, почему она так отговаривает меня от возвращения на прежнюю работу. Причина,

наверное, в Берте. Они его никогда не любили. Все это не обещало мне ничего хорошего. Хотя у меня и появились некоторые надежды вырваться из клетки, знакомый мне мир был уже разрушен в силу неподвластных мне обстоятельств. Если мне суждено вернуться в мир Вещей, придется строить свою жизнь заново.

Как-то днем ко мне заскочил Ники, чтобы сообщить, что ко мне прикрепили на постоянную работу Простака.

— Я его попросил особо позаботиться о твоем быте. Ты что-то становишься беспамятной. Сегодня утром забыла почистить зубы, а на ночь забыла накрутить бигуди. Следи за собой. А то будешь ходить распустехой.

Пришлось с огорчением признаться, что Ники прав. Я и вправду стала подзабывать даже об элементарной личной гигиене. В голову пришла страшная мысль.

— Именно так, — вздохнул Ники. — Тебя уже частично оболванили. На этом настоял Громила, а Паук как-то ночью выполнил его приказ, когда ты спала. Ты уже утратила кое-что из своих навыков. Да ты не расстраивайся. Как только вырастет новая решетка, появятся новые навыки. А Простак позаботится, чтобы выросло все что надо.

Оболванили. Меня словно громом ударило. А вдруг Паук перестарается и превратит меня в законченного болвана? Большими буквами я записала на бумажке номер телефона доктора и прикрепила на стенку у аппарата. Если память все больше станет отказывать мне, пойду к доктору и обо всем ему расскажу.

Простаку было не больше девятнадцати. Умом он не блистал, зато нрава был доброго и кроткого. В первый же день своей работы он уговорил меня выйти на прогулку и повел в направлении кинотеатра.

— Давай отвлечемся, — предложил он.

Не доходя до театра, Простак попросил подождать его.

— Мне надо вернуться обратно, навестить кое-кого, в двух кварталах отсюда. А ты иди до угла, зайдешь там в кафетерий и выпьешь содовой.

В кафетерии я заказала солодовый напиток.

— Что ты делаешь? — раздался незнакомый голос у меня в голове.

— Пью солодовый напиток, — подумала я.

— Кто это сказал? — переспросил голос.

— Эта Вещь сказала, — ответил второй голос. — А если тебя интересует, что делаю я, то я смотрю на ее решетку. Не решетка, а черт знает что, в первый раз такое вижу. Догадываешься, кто

это? Эта Самая, что принадлежит Громиле.

— Дай взглянуть, — произнес первый голос.

— Ни доски, ни перекрытия, ни крышки, — изумился второй голос. — На одной петле держится.

— Похоже, череп у нее почти все время открыт, — заметил первый. — Смотри-ка, когда ее спрашиваешь, она разговаривает.

— А ну, пошли отсюда ко всем чертям, — прогремел голос Простака.

— Ба, да это Простак, — воскликнул первый. — Сейчас мы его заблокируем и как следует разглядим эту Вещицу.

— Черт! — раздался негодующий голос Простака и исчез.

Не зная, то ли мне бежать к дому, то ли остаться на месте, после некоторого колебания я выбрала последнее, надеясь побольше разузнать о Громиле, о котором Западные Парни в основном помалкивали.

— Ой, меня пришибли, — неожиданно застонал первый. — Выдыхаюсь. Сам пришибить не могу, у меня заряд кончился.

— Зато я могу, — откликнулся второй. — Я совсем недавно зарядился на полную катушку. А ну, тронь меня, узнаешь почем фунт пороху.

Прошло несколько мгновений, и у меня в ушах раздались его отчаянные вопли.

— Наконец-то отделались, — произнес Простак. — Мать честная! Об Этой Самой уже столько народу знает, что с ней по городу спокойно не пройдешь. Обязательно кто-нибудь привяжется.

— Кому еще башку пришибить? Желающие есть? — раздался чей-то пронзительный голос.

— Это мой дружок Фриско, — усмехнулся Простак. — Это я к нему забегал. Он один из лучших пришибал в городе, а у самого черепок такой крепкий, что и целой ораве Операторов с ним не справиться.

— Эти два хмыря из банды Конроя, — произнес Фриско. — Могут вернуться с подмогой. А куда ты с этой Вещью направляешься?

— Мы привыкли называть ее Эта Самая, — поправил Простак. — Увалень считает, что так покрасивее звучит, не хочет ее обижать. Он велел мне сводить ее в кино, вот мы туда и идем. Только боюсь, эти битые горшки вернутся и мне не сдобровать.

— Я иду с вами, — благородно предложил Фриско. — Все равно делать нечего.

В кино меня ожидал приятный сюрприз: показывали диснеевскую "Исчезающую прерию".

— Ладно, вы любуйтесь на зверюшек, а я буду держать ухо

востро, — произнес Фриско.

Не успели промелькнуть первые кадры, как возвратились исполненные жаждой мщения Операторы Конроя. Первым свидетельством их успеха был отчаянный крик Простака:

— Они меня достали. Выхожу из строя. Послушай, Эта Самая… Его голос внезапно оборвался.

— Эта Самая, оставайся на месте, — крикнул Фриско. — Сейчас я разнесу этих типов по кочкам.

В ушах у меня поднялся невообразимый гвалт. Я окаменела в своем кресле и ждала, что будет дальше. Пронзительный голос Фриско перекрывал весь этот бедлам. Я решила, что, пока я его слышу, дела обстоят не так уж плохо. Голоса стали понемногу стихать. Вскоре только один орущий голос Фриско звучал у меня в ушах, да и тот начал постепенно успокаиваться.

— Хорошо, что я зарядился под завязку, — сообщил он мне, весьма довольный собой. — Ну и задал я жару этой шайке. Не одна голова будет болеть этой ночью в команде Конроя. Ты сиди тут, а я пойду позвоню Простаку. Он сейчас у Громилы.

Фильм подходил к концу, когда я заметила, что уже более часа не слышала голоса Фриско. Я так обрадовалась тишине, что осталась на следующий сеанс. Отлично отдохнув, я вернулась домой. У самого порога квартиры голос Фриско произнес:

— Вот и доставил тебя в целости и сохранности. Да и к тому же отлично выспался. До встречи.

Охрипший, но знакомый голос Простака произнес:

— Спасибо, Фриско. Заходи, Эта Самая. Ночью с тобой побудет Каток. Я совсем не в форме.

Каток с интересом выслушал мой рассказ о битве Фриско с подручными Конроя.

— А что Фриско имел в виду, когда сказал, что зарядился под завязку? — спросила я.

— Наверное, он только что принял дозу препарата. С его помощью Операторы пришибают друг друга. В каждой аптеке продаются такие маленькие таблеточки. Чтобы зарядиться энергией, Оператор принимает сразу несколько штук.

Я вспомнила разговор конроевых Операторов.

— Они сказали, что у меня череп на одной петле держится.

— Верно, — подтвердил Каток.

Перед моими глазами появился рисунок головы.

— Чтобы было понятно, смотри на картинку. Когда мозг у Вещи открывается на петле, его наружные клетки плотно закрыты, за исключением небольшого участка на самой макушке.

На картинке из головы словно невидимым ножом вынули тонкий ломтик, как будто это был пирог.

— Если мозг открывают широко, то открываются и остальные клетки.

Дырка от ломтика на рисунке постепенно превратилась в зияющую дыру на три четверти головы.

— Когда мозг так распахнут, в него могут легко пробраться десятки Операторов. У Вещи, которую используют в качестве приманки, мозг всегда нараспашку. На такую вещь Операторы слетаются, как мухи на мед. Тут уж их ничем не остановить.

— Люди Конроя сказали, что у меня голова не прикрыта ни дощечкой, ни какой-нибудь покрышкой.

— Конечно, нет, — подтвердил Каток. — Все эти доски и перекрытия означают процессы, с помощью которых клетки запечатывают, чтобы они стали недоступными для Операторов. Само собой, необходимость в перекрытии отпадает, если мозг можно запереть, то есть его закрывают и запирают с помощью особого мыслительного кода, который известен только работающему с Вещью Оператору. Большинство Операторов оберегают свои Вещи, держа их головы на запоре.

— А что, моя голова так сильно повреждена, что ее уже нельзя закрыть?

— Если начистоту, то думаю, что сильно. Да ты не отчаивайся. Не так, так эдак, а любую голову починить можно.

— Каток, а ты не можешь показать мне рисунок решетки?

Внутри изображающего голову крута Каток нарисовал кружок поменьше, зазор составлял сантиметра два-три.

— Вот это и есть решетка. Иногда она бывает и пошире, в зависимости от необходимых Вещи навыков. У тебя они соскоблили часть решетки по бокам. Как правило, с помощью навыков большинство Вещей вполне справляются с повседневными делами, если Оператору нужно отлучиться. Знала бы ты, как на удивление мало думают Вещи. Большинство из них просто слепо выполняют программы, тщательно разработанные для них Операторами. Когда соскабливают решетку, Вещь замечает, что ей становится труднее думать. На самом деле мыслительные способности ни в коей мере не страдают. Просто Вещь привыкла больше полагаться на свои навыки, чем на разум.

— Насколько нужно соскоблить решетку, чтобы получился полный болван?

Перед глазами возник еще один рисунок головы. На этот раз внутренняя линия находилась в самом верху черепной коробки и расстояние до стенок черепа было около полусантиметра.

— Это болван с макушечным узлом, — пояснил Каток. — Стоит Оператору глянуть на такого, как ему ясно, что эта Вещь абсолютно не отвечает за свои поступки. Вещью управляют ее

навыки. А когда у нее остается только мыслительная способность, из нее может вить веревки даже самый слабенький Оператор. Самостоятельное мышление у Вещи весьма ограничено.

— Насколько ограничено?

— Скажу прямо, — решительно заключил Каток, — если бы не Операторы, Вещи до сих пор сидели бы по своим пещерам.

Нежданно-негаданно заявились Лесорубы и сообщили, что слушание возобновится в ближайшую неделю.

— И вот еще что, — добавил Плющ. — Нам удалось на время откупить тебя. Мы наняли местного Оператора, женщину по имени Кареглазая. По нашему поручению она будет управлять тобой.

Еще до ухода Лесорубов прибыла Кареглазая, боевая, грубоватая особа с зычным голосом. Она мне сразу пришлась по душе. Громиле не так-то просто будет ее запугать. Люди такого сорта без лишних слов сами переходят в наступление. Мне было хорошо в ее обществе, и я с радостью встречала ее каждый полдень. Простак ее недолюбливал и старался улизнуть, как только она появлялась. После ее ухода он возвращался и какое-то время дулся на меня.

При каждой возможности Кареглазая отпускала шпильки в адрес Громилы и его ребят и рассказывала множество историй о творимых ими гнусностях. После одной из таких бесед Простак вернулся домой, весь кипя от негодования.

— Послушал я, что она тут плела. Поверить ей, так мы просто стая одичавших собак. А почему она не объяснит, что это нормальная работа крючколова? Что в ней плохого?

Я попросила его высказаться яснее.

— Понимаешь, крючколовством занимаются все Операторы. Это самый лучший способ оттачивать свое хитроумие. Один из двух Операторов старается загнать другого в угол, и тогда проигравшему приходится откупаться, чтобы противник его отпустил. Возьмем к примеру Герба Кларксона, Оператора, что живет в доме напротив. На днях совершенно случайно погибла одна Вещь: упала с лестницы и сломала шею. Герб поспорил со своим другом Фредом, что устроит все так, словно Вещь убил Фред. Ударили по рукам. Герб хитроумно заставил Фреда обронить одно-два словечка, из которых следовало, что он и в самом деле замешан в этой смерти. Тут за него взялся Вышибала, Щит из нашего участка. Фреду ничего не оставалось, как уплатить Гербу двадцать очков, чтобы тот его вызволил. Если бы у Фреда было время, он попытался бы столкнуть вину на кого-нибудь еще и сорваться с крючка. Это вполне допустимый прием в крючколовстве. А если бы Гербу не удалось подцепить Фреда, он

сам заплатил бы ему двадцать очков. Кареглазая рассказывает тебе всякие байки, а не объясняет, что все это абсолютно законная практика.

Мрачновато все это выглядит. Неужели все Операторы балуются крючколовством?

— Само собой, если ума хватает. А потом, занятие-то прибыльное. У Громилы дело поставлено на широкую ногу. Его крючколовы — самые мозговитые в штате. А потом у него своя система.

Какая еще система?

— У Громилы заведено досье почти на каждого Оператора в городе. Допустим, Громиле становится известно, что некий Оператор, назовем его Ф., заработал тысячу очков за один присест. Громила начинает продумывать способ, как бы наложить лапу на эти очки. Если его ребята начнут подъезжать к Ф., тот сразу сообразит, что им нужны его очки, и откажется от игры. Стало быть, надо исхитриться и подцепить Ф. на крючок так, чтобы у него и мысли не появилось, что это дело рук громиловых подручных.

— Подручные выясняют, с кем дружит Ф. Пусть его другом будет Оператор А., его быстренько насаживают на крючок и ждут. А. выкручивается и цепляет на крючок своего друга Б. Тот проделывает то же самое с Оператором В., а тот в свою очередь передает эстафету, то бишь крючок, другу Г. За всем этим внимательно следят подручные Громилы, пока крючок не добирается до Ф. К этому времени крючок превращается в здоровенный крюк, с которого бедолагу Ф. может снять один лишь Громила, но за это он заламывает бешеную цену.

Значит, Операторы просто охотятся друг на друга.

— Это тебе так кажется, потому что ты всего лишь Вещь и не умеешь думать иначе. Образование мешает. Операторы работают чисто, никакой законник не придерется. Уж эта мне Кареглазая! Если кто и ведет себя непорядочно, так это она. Пытается внушить тебе, что крючколовство — незаконное дело.

В наступившем молчании хрипловатый насмешливый голос Мудреца прозвучал резко, как дверной звонок.

— Простак, да ты у нас просто оратор. Вот уж не думал. У меня новость. Непобедимый Громила попался на крючок.

— Шутишь, — не поверил Простак.

— Хотелось бы, чтобы это было шуткой, или по крайней мере, чтобы крючок был мой. К несчастью, я и сам в любой момент могу угодить на крючок. У меня уже уложены чемоданы. Отбываю в другие края.

— Бежишь! — потрясенно возопил Простак. — Что

случилось?

— Давай-ка, оставь на время Эту Самую и отправляйся в штаб-квартиру. Громила уже смылся, а с ним и Камерон. Дело в том, что двое… смертных, с которыми они работали, прошлой ночью покончили жизнь самоубийством. Есть подозрения, что в этом вина организации Громилы. Совет просто вне себя от гнева. — Мудрец понизил голос до шепота. — Один из… смертных был весьма ценным работником, из инженеров. Сами знаете, какое за это следует наказание. Auf wiedersehen, мой любезный Простак, и ты тоже, моя дорогая Эта Самая. Желаю тебе светлого будущего и душевного счастья. Простак исчез.

— Послушай, что произошло? — подключился любопытный голос Смуглянки.

Я молчала. Насколько я успела узнать, Операторы часто мстили друг другу, причиняя вред их Вещам. В таком случае мне может не поздоровиться от Оператора, чья Вещь совершила самоубийство. Что же мне делать, ломала я голову. А сама стала быстренько собирать сумки.

Не успела я упаковаться, как пришла Кареглазая.

— Не принимай все близко к сердцу. У нас еще остались кое-какие дела, а я не смогу гоняться за тобой по стране, если ты сбежишь из города.

Я призналась ей в своих опасениях.

— Да если ты помрешь, кому от этого прок, черт побери! Разбирай свои сумки, а потом сядем и попьем кофейку.

— А если за мной придет кто-нибудь из Операторов тех двоих, что покончили с собой?

— Это моя забота. Хочу тебе сказать, что в ближайшие дни в организации Громилы будет ряд отстранений, головы будут лететь направо и налево. Вот тут-то надо не прозевать свою выгоду. Будь в гуще, когда начинается бой.

Вернулся Простак.

— Они все трясутся, как осенние листы, — сообщил он. — Пожалуй, надо держаться возле Этой Самой, она мое алиби. Это мое постоянное задание, а все остальное меня не касается. Веришь, первый раз в жизни рад, что все это время был приставлен к одной из этих чокнутых.

Мне приходилось слышать, что людей иногда охватывает непреодолимое импульсивное побуждение совершать какие-то действия. Но когда это произошло со мной, до меня не дошло, что это работа Операторов. Ники как-то сказал мне:

— Когда не удается убедить Вещь что-то сделать, приходится применять такое средство, как компульс, и таким образом вынуждать ее действовать, как требуется.

Я проснулась глубокой ночью. Страх комком подкатил к горлу.

— Быстро собирай вещи, — приказал Простак. — Скорее. У нас совсем не остается времени.

Но не его слова вызвали у меня страх, он поднимался изнутри сам по себе, готовый прорваться наружу, как кипящий гейзер. Трясущимися руками я побросала вещи в сумку, вызвала такси и направилась на автобусную станцию.

Не успела я сесть в автобус, как ко мне присоединилась Кареглазая.

— Надо додуматься — ехать в такое место, как Пасадена! — изумилась она. — Я с тобой. Простак, кто тебе велел применить компульс?

— Велели и все, — угрюмо буркнул Простак. — Ты на машине? Если нет, садись в мою.

— Годится, — согласилась Кареглазая. — Ага, значит запахло паленым? А вдруг Эта Самая приедет в Пасадену, развернется и прямиком двинет обратно?

— Если она попытается это сделать, я снова применю компульс. У меня приказ. Все эти чертовы Вещи, что принадлежат нашей Западной организации, должны разъехаться кто куда.

Поездка не внушала мне особого беспокойства, но только я вошла в автобус, как у меня сразу заболела голова.

— Это все Медяк, — сказала Кареглазая. — Когда-то он работал у Гадли, но тот его выгнал. После этого он в отместку нападает на всякую Западную Вещь, что ему повстречается. Он здесь, в автобусе. Мы попробуем подъехать поближе и пришибем его.

Но Медяк пришиб Простака.

— Ах ты, чертов шакал, — заорала Кареглазая. — Ты у меня за решетку сядешь, если не отвяжешься от этой Вещи.

Я вспомнила, что у Гончих водитель одновременно является и полицейским, который должен обеспечивать безопасность Операторов.

— Почему ты водителю не пожалуешься? — спросила я у Кареглазой.

— Да потому что водитель — Вещь, и к тому же сволочь. Такое случается один раз на тысячу поездок, и надо же, чтобы нам достался этот самый раз.

Голова болела все сильнее, внутри все горело и пульсировало. Голос Кареглазой вдруг смолк. Но голоса Медяка я тоже не слышала. Видно, он все свои усилия направил на мою голову. Когда мы прибыли в Пасадену, снова раздался голос Кареглазой, к которому присоединился хриплый шепот Простака.

— Он ей все синапсы в голове переломал, — произнесла Кареглазая. — Я натравлю на этого Медяка Щит. Это ему просто так с рук не сойдет, не будь я Кареглазая.

Было такое ощущение, что у меня на плечах не голова, а муравейник.

— А что будет, если переломать синапсы?

— Их можно отремонтировать, за его счет, конечно. Вот подонок, он ведь запросто мог тебя убить.

— Ужас! — потрясенно прошептал Простак, видимо, тоже заглянув мне в голову. — Страшное дело, лучше не смотреть.

После минутного молчания Кареглазая промолвила, растягивая слова:

— Да, потребуется много времени. Что тут говорить, времени надо много.

— Времени для чего? — спросила я с нарастающим страхом. Это уже был мой собственный страх, без всякого побуждения.

— Он соскоблил всю решетку до самой кости, — произнес Простак. — Остался только макушечный узел.

Болван. Я чувствовала, что этим кончится.

Следующим рейсом я возвратилась обратно, спокойная, полумертвая. Случилось худшее и больше не о чем беспокоиться.

Смуглянка и другие соседки тут же пришли ко мне и, заглянув в голову, стали сокрушаться, проклинать Медяка и утешать меня.

— Да ты не убивайся, — успокаивала меня Смуглянка. — Правда, не один месяц понадобится, чтобы выросла новая решетка, но зато потом все будет в порядке.

Я попыталась вспомнить, на какой день было назначено слушание моего дела, и не могла. Попробовала припомнить имена Операторов Громилы — не вышло. Наверное, у меня амнезия. Я нашла документы, которые приготовила для такого случая, и стала их перечитывать.

— Это не амнезия, — пояснил Простак. — Ведь ты теперь — болван. Почитай-ка лучше книжку или журнал.

Читать я не могла. Смысл слов не доходил до меня. Я пошла в кино, но не понимала, что происходит на экране. Сон тоже нарушился. Наконец я сходила к врачу, и он прописал мне сильное снотворное.

Как-то утром, проснувшись, я обнаружила рядом одного лишь Хинтона.

— Они ушли, — лаконично сообщил он. — Лавочка Громилы накрылась.

Хорошая новость, но все чувства во мне словно вымерли. Я ничего не могла произнести в ответ. Да и чему радоваться? Если

не Громила, так Хинтон, выбор невелик.

Вошла Кареглазая.

— Быстренько запиши вот этот адрес. В случае опасности обратись туда, они могут провести чрезвычайное слушание, если потребуется.

Я записала адрес на листочке и сунула в сумку.

— Что собираешься делать? — спросила Кареглазая у Хинтона.

— Да уж не буду сидеть сложа руки и дожидаться, пока городской совет вынесет свое решение. Надо подстегнуть события.

— А как ты их подстегнешь?

— Есть у меня один знакомый. — Хинтон на мгновение замолчал.

— Возьми-ка телефонный справочник, — обратился он ко мне. По его подсказке, я нашла раздел, где были перечислены все церкви. Хинтон указал на один из адресов.

— Пойдешь туда и найдешь священника. Предварительно напиши на бумаге терминологию Операторов и определение к каждому термину. Я тебе продиктую. Когда встретишься со священником, отдашь ему этот список и скажешь, что термины тебе объяснили голоса Операторов.

Под диктовку Хинтона я составила список. В голове было пусто, на сердце тоска. Болван, вот я кто — лишь эта мысль постоянно кружилась в голове. Даже если Хинтону и удастся как-то помочь мне, нужны месяцы и месяцы, прежде чем вырастет новая решетка и я смогу пуститься в самостоятельное плавание.

Найдя нужный адрес, я вошла в храм и спросила, где можно найти священника. Меня проводили в его кабинет, и я увидела приятного, улыбчивого человека. Он прочитал мой список и внимательно выслушал меня. Улыбка мгновенно слетела у него с лица и на нем появилось выражение такой жуткой озабоченности, что мне стало его жаль даже больше, чем себя.

Он не сразу пришел в себя. Наконец спросил:

— Почему вы пришли именно ко мне?

Я объяснила, что меня послал к нему Хинтон. Мы немного поговорили на эту тему. Наконец священник мало-помалу собрался с мыслями.

— Я позвоню своему другу, у которого есть знакомый психиатр в окружной больнице. Пусть он попросит его принять вас.

Священник тут же связался с кем-то по телефону, еще немного побеседовал со мной и убедительно попросил не пропустить встречу с психиатром, о которой он договорился на

завтра.

— Не забудь прихватить словарик, — напомнил Хинтон, когда я собралась на прием. — Это ускорит слушание твоего дела.

Я явилась точно в назначенное время, с бумажками в руках и с пугающей мыслью: "Может, это и есть последнее слушание? Кто знает, выйду ли я отсюда живой".

Психиатр внимательно прочитал мой терминологический словарь.

— Посмотри в окно, видишь здание? — спросил голос Хинтона. Я глянула и увидела крыло здания, в котором находилась.

— Тебя могут туда поместить. Не бойся этого. Тебе там закроют голову и выпишут через две недели. А пока ты будешь там, к тебе не сможет подступиться ни один Оператор. Это "островок спасения" для тебя.

Я еще раз с надеждой взглянула на крыло здания.

— Вы давно живете в Калифорнии? — спросил доктор. Я ответила.

— А до этого в каком штате жили? Я ответила.

— Часто слышите голоса?

— Постоянно.

— У вас есть близкие родственники?

— Немного, но они живут в штате, откуда я родом. — Да и что от них толку, подумала я. Ведь они — Вещи.

— Вы недостаточно долго проживаете в нашем округе, чтобы мы могли положить вас в нашу больницу. — произнес доктор.

— Скажи ему, что у тебя есть деньги, шепнул Хинтон.

— Я могу оплатить лечение в больнице, — ответила я.

— Неделя пребывания у нас стоит 125 долларов. Не думаю, что вы долго продержитесь. А вам нужно длительное лечение.

— Скажи ему, что хватит и двух недель, чтобы голова закрылась, — подсказал Хинтон.

Я повторила.

— У нас есть бесплатные медицинские учреждения, но вас и туда не примут, — со вздохом сказал доктор. — Требуется не меньше года прожить в штате. Самое большое, что они могут сделать, это подержать вас у себя, пока за вами не приедут родственники.

Уставившись в мою бумажку, доктор совсем пригорюнился.

— Давайте вот как поступим, — произнес он наконец. — Вы вернетесь в свой родной город. Для этого вы вполне дееспособны. Я дам вам адрес одного врача. Вы не мешкая встретитесь с ним и расскажете ему все, что говорили мне.

Секретарша принесла ему справочник, он быстро нашел нужный адрес и выписал его на листок бумаги. Я взяла листок, заплатила доктору десять долларов (гонорар он назвал сам) и вышла на улицу. В глазах у меня стояли слезы. Я была так близка к спасению, но шанс ускользнул.

— Пойди в аптеку напротив, — сдавленно произнес Хинтон. Следуя его указаниям, в специальном справочнике о психологической службе я выбрала номер телефона и договорилась о встрече. На следующий день, вооружившись своим словарем операторских терминов, я отправилась на прием.

— На безрыбье и рак рыба, — утешил меня Хинтон. — Может, он сможет организовать слушание. Хотя будет ли какой прок, кто его знает.

Хинтон проводил меня до самого входа в здание, и я поднялась по лестнице в кабинет. Как выяснилось, я попала не к психиатру, а к психоаналитику. Мне было все равно. Я вручила ему свой словарик, он внимательно его прочитал, выслушал меня и, дав мне целый список телефонов, по которым его можно найти в любое время суток, предложил прийти к нему на следующий день в то же время.

Час, проведенный у врача, был для меня истинным блаженством. За это время я ни разу не видела и не слышала Хинтона. Зато он ждал меня внизу у лестницы. Открыв кошелек, чтобы заплатить таксисту, я увидела бумажку с адресом, который мне дала Кареглазая. Решив, что мне нечего больше терять, попросила таксиста отвезти меня туда. Название улицы было мне совершенно не знакомо, но таксиста оно не смутило. Он завез меня в какую-то незнакомую часть города и высадил по указанному адресу. Я было задумалась, под каким предлогом мне заявиться в дом, как увидела дощечку с надписью "Мануальный терапевт".

— Войди и расскажи ему о своих головных болях. В общем, найдешь о чем поговорить, — подбодрил меня Хинтон. Я пожаловалась врачу на головные боли. Он так ретиво взялся за дело, что, казалось, вот-вот сломает мне позвоночник.

— Вы слишком напряжены. У вас мышцы как автомобильная резина, — комментировал он жизнерадостно, разминая мне спину. Я вернулась домой и рухнула в постель. Меня охватила страшная усталость.

На следующий день я снова отправилась к психоаналитику. После третьего визита Операторы исчезли.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
Иссохший берег и волны

Голова как иссохший берег. И так в течение десяти дней. Казалось, что кожа на голове натянулась до такой степени, что того и гляди лопнет какой-нибудь нерв. В голове пустота и сушь, словно безжалостная рука выковыряла мозг и заполнила голову прокаленным на солнце прибрежным песком. Ах, да, ведь ее выскоблил Паук. Тут я вспомнила, что Операторы — это плод бреда. Жуткий мир Операторов и Вещей не существует. Все это — не что иное, как безумие. Безумие. Слово повисло над берегом, а тот с легким удивлением взирал на него. Безумие. Словно я принялась окапывать дерево у себя на заднем дворике и вместо корней обнаружила залежи урана, как я слышала, весьма занятного вещества. Открытие не вызвало никакого страха, а лишь легкое удивление. Иссохший берег спокойно взирал на уран, испытывая даже некоторое облегчение от того, что это уран, а не Операторы.

Настороженная внимательность, не покидавшая меня в безумии, куда-то испарилась. После нескольких случаев, когда я чуть не попала под колеса автомобилей, мне все меньше хотелось выходить из дома. С чтением тоже ничего не получилось: знакомые слова смотрели на меня, как лица друзей, чьи имена я не могла вспомнить. Я по десять раз перечитывала один и тот же абзац, не понимая смысла, и закрывала книгу. Радио я тоже не могла слушать, его звуки вгрызались мне в голову, как дисковая пила. Осторожно перейдя улицу, я отправилась в кино и высидела до конца фильма. Все, что я увидела, — большое количество бродивших на экране и бесконечно говоривших людей. Я решила, что отныне все свое время буду проводить в парке, наблюдая за плавающими по озеру птицами.

Аналитика особенно раздражал иссохший берег. Он попросил меня лечь на кушетку и говорить все, что придет в голову. Ничего не приходило. Поскольку аналитик не отставал, я стала описывать потолок. Тогда он указал на стул, куда я послушно переместилась с кушетки, и стал задавать вопросы. Я понимала их смысл, но ничего не могла придумать в ответ.

— Не уверяйте меня, что у вас в голове ничего не происходит, — кипятился аналитик.

Но там действительно ровным счетом ничего не происходило. Он рвал и метал в полной убежденности, что под раскаленным песком идет бурная деятельность, и если как

следует поднажать, она выплеснется наружу. Но иссохший берег молча внимал в неясной надежде, что если в нижних слоях что-то и скрыто, то пусть сделает милость и не вылезает, потому что нет ничего приятнее покоя.

Без сомнения, мое лицо было таким же бессмысленным, как и голова. Вскоре аналитик перестал на меня смотреть и вел беседы, уставившись в окно. Я внимательно слушала и тут же все забывала. Он часто напоминал, чтобы я не думала об Операторах. Следовать этому совету было легко, потому что мысли вообще редко забредали на пустынный берег.

Как-то, уходя после очередного сеанса, я сообщила аналитику, что не запоминаю ничего из сказанного им. Это неважно, ответил он. Все запомнит и использует подсознание. Я спала по пятнадцать часов в сутки.

— Нельзя так много спать, — неодобрительно повторял аналитик. — Это способ ухода от действительности.

Подсознание не вняло укорам аналитика. Я продолжала спать по пятнадцать часов кряду, словно расположенный под сухим песком нижний слой, не считая нужным препираться с аналитиком, сам знал, что ему делать, и не нуждался ни в чьих советах. (Кстати, каждый раз, когда я говорила о "нижнем слое", аналитик раздраженно поправлял меня: "Это ваше подсознание, не надо ничего придумывать").

Нижний слой отсек от берега не только все отделы, вырабатывающие мысли, но и механизм, отвечающий за эмоции. "У Этой Самой есть якорь", — говаривал Ники. Якорь был на месте и удерживал меня еще надежнее. Я безмятежно разгуливала по парку, не испытывая ни малейших переживаний по поводу того, что в течение шести месяцев была ненормальной, что ни о чем не могу думать, что нахожусь в тысячах миль от собственного дома. С пониманием я смотрела на одинокого лебедя, тихо плавающего по озеру.

На одиннадцатый день, когда я стояла на перекрестке, тупо глядя на огни светофора, смутно сознавая, что в них кроется какой-то смысл, о котором я позабыла, на мой берег накатила волна. Я физически почувствовала, как она зародилась где-то в затылке и ласково заплескалась, набегая на берег и неся легкую пену. Затем она осела, ушла в песок и на берегу осталась мысль. Я неожиданно вспомнила, что означают огни светофора. В витрине газетного киоска я прочитала заголовок, сообщавший, что звезда выпала из окна! Как же такая большая вещь, как звезда, попала в окно? На берег мягко набежала новая волна, и я вдруг осознала, что речь идет о голливудской звезде. "Смерть торговца", — прочитала я на рекламном щите у входа в

кинотеатр. Иссушенный берег смотрел на щит, смутно гадая, из какой же страны этот торговец: наверное, уроженец страны Торго, где-нибудь в Азии. Набежала новая волна, и я вспомнила когда-то прочитанную пьесу и из какой страны этот коммивояжер. Спасибо волнам. Они вспоминали, сопоставляли и делали интуитивные умозаключения, чего не умел иссохший берег.

Подпольный умелец

Волны сопровождали меня по улицам, часто приходили на помощь в парке, но не желали появляться в кабинете у аналитика. Бесплодные попытки получить от меня хоть какой-нибудь ответ на бесконечные вопросы доводили его до крайней степени раздражения. Уставившись на него, иссохший берег пытался хоть что-нибудь выдавить из себя, но тщетно, волны предавали его. И вдруг, в один прекрасный день, аналитик задал мне очередной вопрос, и на берег нахлынула волна. Я впитала ее и передала смысл аналитику. В юности, сообщила я, у меня была мечта написать роман, но я убрала ее в одну коробку со своими детскими игрушками. Аналитик чуть не подпрыгнул, услышав связную речь, и тут же предложил написать что-нибудь.

— Что написать?

— Роман. Все что угодно.

Купив запас бумаги, я вынула портативную машинку, которую таскала с собой по всей стране, и уселась перед ней. Я не надеялась, что у меня что-нибудь получится. В голове не было никаких мыслей, и сиди я хоть целый день, вряд ли удастся сочинить и абзац. Так я сидела, тупо глядя на клавиатуру, и вдруг, к моему изумлению, на берег накатила волна и оставила на нем мысль. Совершенно потрясенная, я стала печатать и обнаружила, что сочиняю с той же скоростью, что печатаю, а печатаю я со скоростью шестьдесят слов в минуту. Так я проработала два часа, затем остановилась, чтобы прочитать свое сочинение. Смысл с трудом доходил до меня, но я уловила, что речь идет о мужчине и женщине, о каких-то ее знакомых, которые собираются что-то сделать с мужчиной. Я отнесла рукопись аналитику, и тот пришел в восторг.

— Весьма вразумительно изложено, — одобрил он, — и не лишено выдумки. А как же разрешится ситуация, в которой оказались герои?

Поскольку у меня было очень смутное представление о том, что произошло с моими героями, то с таким же успехом меня можно было спросить, как разрешится полет межконтинентальной ракеты.

— Пока не знаю, — уклончиво ответила я.

Аналитик еще поулыбался, перечитав листки, и сунул их в ящик стола. Негодующая волна обрушилась на берег. Я потребовала вернуть первую главу романа и получила ее обратно.

Воодушевившись, я каждый день посвящала два часа своему роману. Ощущение было странным. Волны не помогали мне, да и вряд ли бы смогли с их медлительностью. Слова приходили из ниоткуда, словно соскакивая на бумагу с кончиков пальцев. Мне не требовалось остановок для обдумывания, иссохшему берегу это было не под силу, он не смог даже запомнить, что каждый день в два часа я должна садиться за машинку. Об этом мне напоминала волна, и когда бы я затем ни взглянула на часы, чтобы удостовериться, что пришло мое время, часы показывали ровно два, ни минутой раньше, ни минутой позже. Где-то в глубине песчаного берега были установлены часы и работали синхронно с комнатными.

Вот я уже за машинкой, пальцы на клавишах, и пошла работа. Я почти не понимала, о чем пишу, и не помнила уже написанного, стоило мне закрыть машинку. Пальцы как будто сами знали, по каким буквам ударять, а я была ни при чем. Видимо, пальцами управлял нижний слой, он же посылал волны, следил за часами и писал роман без всякой поддержки со стороны иссохшего берега.

В тот день, когда должна была начаться одиннадцатая глава, я решила предварительно прочитать предыдущие десять. Видно, волны освежили мой берег, и сюжетная линия стала ему более понятной, вызвав у меня чисто читательский интерес и желание узнать, чем же все закончится. Продолжая думать об этом, я напечатала очередную главу и стала ее читать. К моему удивлению, обнаружилось, что я сочинила не одиннадцатую, а заключительную главу романа. Многие из героев уже поседели и постарели, а один из персонажей, только что родившийся в десятой главе, достиг вполне зрелого возраста в заключительной.

С некоторым сомнением я сообщила о случившемся аналитику, словно речь шла о колдовстве. Но он ничуть не удивился.

— Ваше подсознание, без сомнения, уже продумало книгу до конца и знает все, что произойдет. Такое случается и с профессиональными писателями.

Роман объемом около шестидесяти тысяч слов был создан за тридцать часов. Неплохо для дилетанта. Вряд ли бы у меня получилось лучше в нормальном состоянии, если также учесть, что мне потребовалось бы пятьсот часов. Когда роман был закончен, последняя глава ловко встала на свое место, логически завершив ход событий.

Нечто

Спустя месяц вместо волн появилось Нечто, приводившее меня в замешательство. Когда я вышла на улицу и направилась в магазин самообслуживания, Нечто велело мне вернуться домой. Я послушалась, хотя и удивилась. Дома я обнаружила, что оставила кошелек на кухонном столе. Когда я выбрала необходимые продукты и подошла к кассе, Нечто подсказало вернуться вглубь магазина и словно подтянуло меня к одной из полок, где я обнаружила вещь, которую изо дня в день забывала купить. Нечто уговорило меня свернуть в переулок, что было мне совсем не по пути. Я свернула и через квартал обнаружила мастерскую по ремонту пишущих машин, что было как раз кстати. Как-то Нечто настойчиво убедило меня немедленно повернуться и пойти в обратном направлении, откуда я только что шла. Не успела я пройти и квартала, как увидела под ногами долларовую бумажку.

Я регулярно ходила к мануальному терапевту, ставя ему в заслугу избавление от головных болей. Нечто стало настаивать на прекращении визитов. Призадумавшись, я поняла, что мой бюджет не выдержит дальнейшего лечения. Однако, опасаясь возврата болей, я решила продолжать сеансы. На следующий день я вышла на знакомой автобусной остановке и вдруг обнаружила, что не могу вспомнить адрес мануального терапевта. Я блуждала по окрестностям в надежде увидеть знакомый дом, но не могла припомнить, как он выглядит. Я решила справиться в телефонной книге, но стоило мне подойти к будке, как имя терапевта выскочило из головы. Взвинченная и расстроенная, я вернулась домой, в страхе, что Операторы вот-вот снова появятся в моей жизни. Только я переступила порог, как тут же вспомнила имя и адрес врача и внешний вид здания, где находился кабинет, и сообразила, что несколько раз проходила мимо него. Не раздеваясь, я снова отправилась к терапевту. Стоило мне выйти на улицу, как из головы тут же вылетели имя, адрес и даже номер автобуса. Наконец до меня дошло. Я вернулась домой, тут же все вспомнила, позвонила терапевту и отказалась от его услуг. Да, Нечто умело настоять на своем.

Как-то я записала на бумажке адрес обувного магазина, где предстояла распродажа. Где я только ни искала эту бумажку, все напрасно. Нечто убедило меня открыть дверцу стенного шкафа. Я с любопытством открыла. Нечто подсказало надеть плащ. Я никуда не собиралась, да и дождя не было. Закрыв дверцу, я продолжила поиски. Но Нечто не отставало от меня. Я распахнула шкаф и напялила плащ, понимая нелепость своего поступка и от того еще больше раздражаясь. Вконец разозлившись, я сунула руки в карманы. В одном из них лежала

злосчастная бумажка.

Нечто убеждало меня написать письмо подруге, о которой я не вспоминала вот уже несколько лет. Я не придала этому значения. Но Нечто продолжало долбить свое, пока я не села за стол и не набросала коротенькое письмецо, направив его по рабочему адресу подруги. Ответ не заставил себя ждать. "Только я распечатала твое письмо, как в комнату входит наш общий знакомый N (он заглядывает к моему начальнику каждую неделю) и спрашивает, нет ли у меня вестей от тебя. Он пытался разыскать тебя и написать о каком-то финансовом деле. Это было так удивительно, ведь я как раз держала в руках твое письмо. Я дала ему твой адрес. Ты так мало написала о себе, что кроме адреса, я, собственно, ничего и не узнала о твоих делах…»

Деньги были на исходе, и я решила поискать какую-нибудь не слишком обременительную для моего состояния работу. Только я направилась на поиски, как Нечто убедило меня пойти в противоположном направлении, в сторону многоэтажного здания в нескольких кварталах от моего дома. Нечто прямо-таки втолкнуло меня в подъезд здания. Я нашла отдел кадров, и заведующая приняла меня без всякого удивления. Только утром она позвонила в агентство по трудоустройству и попросила прислать человека для работы в регистратуре. Меня взяли на работу.

Нечто набирает силу

Буквально в одночасье у моего Нечто появился еще один талант, словно к станку привинтили дополнительное устройство. Выйдя из лифта на своем этаже, я только повернула в холл, как Нечто, словно наслав на меня некое озарение, предупредило, что за углом опасность. Действительно, за углом меня поджидал внимательный глаз дежурной по этажу. И снова словно в озарении, я точно знала, что она сейчас произнесет, а также что я ей отвечу, чтобы разрешить проблему, о которой она собирается мне сообщить. Я пересекла холл и услышала именно те слова, которых ждала, и ответила так, как подсказало Нечто.

На следующий день, когда я шла из кухни в спальню, Нечто опять наслало на меня озарение, и я почувствовала, что сейчас в дверь постучит горничная и попросит разрешения войти. В изумлении я приросла к полу. Прошло минуты две, и в холле послышались шаги, затем раздался стук в дверь, и горничная попросила разрешения войти.

С нарастающим беспокойством я все больше убеждалась в том, что заранее знаю, когда появится из-за угла знакомый человек и что произнесет. Это смущало меня, раскачивало якорь

моего спокойствия. Когда Нечто стало подбивать меня на поездку в Лас-Вегас, я поддалась неохотно. С опаской, но в какой-то надежде избавиться от этого назойливого Нечто, через неделю я все же прибыла в Лас-Вегас. Зажав в кулаке пять долларов, я бродила по игорным заведениям, опасаясь проиграть их. Внезапно Нечто остановило меня у одного стола с рулеткой и стало настойчиво называть номер. Я поставила доллар и выиграла. Не в силах оторвать ноги от пола, я ждала, пока не подоспела новая подсказка. Снова выигрыш. Шесть раз я делала ставку и шесть раз выиграла. Когда Нечто перестало подсказывать номера, я прекратила игру и вернулась домой с полной сумкой денег.

У этого Нечто необыкновенные таланты. Деньги были как нельзя кстати, я была благодарна моему Нечто, но мой якорь едва держался. Также неожиданно Нечто отвинтило свое удивительное приспособление и прекратило чудеса.

Мой подсознательный друг

Ласковые волны успокаивали меня, сочинительство занимало, но Нечто вызывало у меня страх. В нем было что-то от колдовства. Эта повелительная рука, что постоянно подталкивала меня в заранее задуманном направлении — чья она?

Нет повода для беспокойства, заверил меня аналитик. Нечто, как и волны, исходит из подсознания. Во время обострения шизофрении мой мозг был… (доктор поискал слово) поврежден, а сейчас он приводит себя в рабочее состояние. На время ремонтных работ подсознание помогает мне разными способами, которые кажутся мне странными, но на самом деле в них нет ничего необычного. Это чрезвычайные меры. Со временем исчезнут и Нечто, и волны, и я снова стану самой собой. То, что мое подсознание помогает мне, хотя и таким необычным образом, уже само по себе является добрым признаком выздоровления.

Аналитик напомнил, что даже во время безумия подсознание весьма добросовестно заботилось обо мне. Этот факт произвел на него гораздо большее впечатление, чем необыкновенные проявления моего подсознания. Представляю ли я, сколько людей избавились от шизофрении даже после длительного лечения и госпитализации? Меньше половины. Знаю ли я, сколько людей самоизлечились внезапно, без всякой медицинской помощи? Единицы. Понимаю ли я всю неординарность ситуации, когда больной человек полгода мечется по стране из конца в конец, без посторонней помощи, лечения, нормального отдыха и вдруг, как по волшебству, вырывается из тисков шизофрении? Самый удивительный случай, прямо ненормальность какая-то. Когда-то

ненормальной меня называли Операторы, и слово неприятно задело меня. Чтобы отвлечь аналитика от этой темы, я вернулась к своему Нечто, которому, на мой взгляд, слово «ненормальный» подходило больше.

Но аналитик стоял на своем: в Нечто нет ничего ненормального, это просто крайне выраженная и достаточно распространенная форма предчувствия, и мне встречалось подобное явление, но в более слабой форме. Подсознание всегда отвечало за мыслительный процесс, только до болезни оно делало это в скрытой форме, а сейчас открыто. Нечто обдумывает вставшую передо мной проблему, принимает решение и вместо того, чтобы послать в мозг мысль, посылает настойчивые импульсы предпринять необходимое действие. Если бы я полностью выздоровела, то назвала бы Нечто наитием.

Написанное по наитию письмо подруге, о которой не вспоминала годами, было результатом взаимодействия определенных событий, вычисленных подсознанием. Моя подруга часто встречает одного из моих друзей (о чем на сознательном уровне я забыла). Тот много путешествует и должен мне некоторую сумму (что помнит подсознание). Письмо дает желаемый результат. Друг возвращает долг. Мое подсознание также запомнило место, где лежала бумажка с адресом, и заставило меня надеть плащ. Оно же подтолкнуло меня к зданию, где я нашла работу. А как же объяснить то, что я заранее знала, о чем будет говорить человек? Ах, это! Телепатия вообще мало изучена, но все признают, что она существует. А как же шесть выигрышей подряд в Лас-Вегасе? Это объяснить труднее, согласился аналитик, хотя встречаются и более странные явления. Мой случай не такой уж исключительный. Возможности подсознания ошеломляют, к сожалению, человек мало о них знает.

Иссохший берег с изумлением воззрился на аналитика. Что он говорит? Разве подсознание может думать? Оно же бессознательное. Аналитик насмешливо парировал: а кто же озвучивал голоса, выпустил на сцену Операторов, создал сложный мир Операторов и Вещей? Кто подсказал мне слова, с помощью которых я улизнула из психиатрической больницы? Кто спас меня от кугуара, а затем убедил покинуть мое жилище в горах?

Аналитику все было ясно, как белый день. Когда я заболела, подсознание все взяло на себя. Оно управляло мной, когда мой разум развалился, оно же ведет ремонтные работы. Оно почувствовало приближающееся выздоровление и направило меня к доктору. Там голоса оставили меня в покое, и я узнала,

что мною владело безумие, а не Операторы. Я должна помнить только одно: подсознание — мой истинный друг.

Но что же вызывает шизофрению? Сложность заключается в том, что этого не знает никто. На сегодняшний день это величайшая загадка медицины и психологии. И все же, все же — аналитик направил на меня вопросительно-раздраженный взор. Операторы каким-либо образом выражали свою озабоченность сексом?

Нет, они занимались бизнесом. Их бизнес — управление Вещами. Они отдавались этому делу так же истово, как монахи своим молитвам или брокеры игре на бирже.

Аналитик вздохнул. И все же, все же — он взглянул на часы и назначил время следующего приема, когда он поподробнее остановится на причинах шизофрении. Правда, их не знает никто, но все же, все же…

Фрейдопоклонник

На следующий день я поспешила на прием с большим, чем обычно, подъемом. Ведь в этот день аналитик попытается определить, что же вызвало мою шизофрению. И хотя этого не знает никто, по его загадочно мерцающим глазам поняла, что у аналитика есть парочка секретов в запасе.

Обычно спокойные в кабинете аналитика, волны стали одна за другой обрушиваться на берег, как только я переступила через порог. Я сходу напомнила, что доктор хотел рассказать о причинах моего срыва. Тот кивнул головой и сразу ухватил быка за рога.

Все очень просто. По его мнению, причиной психозов, особенно в Америке, вляется неполноценная половая жизнь. Сам аналитик был француз. Я поинтересовалась, что же вызывает шизофрению во Франции. Аналитик глянул на меня нехорошим глазом, что происходило всякий раз, когда волна подбрасывала мне вопрос, а я его задавала. Возмущенный аналитик не мог понять одного: как это получилось, что, имея в своем распоряжении полных шесть месяцев, мое подсознание ни разу не задумалось о сексе, а ведь у него была для этого уйма возможностей.

Если у Нечто и имелось что сказать по этому вопросу, оно предпочло промолчать. Волны тоже не торопились мне на выручку. Иссохший берег тоже задумался над проблемой и изумился не меньше аналитика. Надо признать, что мое подсознание оставалось равнодушным и к массе других вопросов. Оно никогда не обсуждало моих друзей или семью, деньги, замужество, политику, родителей, смерть или налоги. Оно было

занято изучением мира Операторов.

— У него, наверное, одноколейный ум, — заключила я.

В ответ на вопросительный взгляд аналитика я пояснила, что говорю о своем подсознании. Замечание почему-то вызвало у него раздражение. Да уж, ничего не скажешь, прямо в точку. Все бессознательные умы — одноколейные. Просто диву даешься, до чего же они одноколейные. Это и по их отношению к сексу видно. Уму непостижимо, почему мое подсознание битых полгода болтало об Операторах и Вещах, когда с таким же успехом могло все шесть месяцев говорить о сексе.

Мало того, что аналитик был французом, он к тому же был поклонником Фрейда. Позднее я пришла к выводу, что классические сторонники Фрейда очень напоминают немногочисленную религиозную секту, одержимую своим набором идей. Занятые сооружением спичечных святынь на безбрежных просторах истины, они полагают, что все вокруг тоже принадлежит им. По мнению аналитика, любое нервное или психическое расстройство объясняется единственной причиной: недостаточно полноценной сексуальной жизнью.

Мы обсудили мою сексуальную жизнь. У меня она оказалась недостаточно полноценной. Я поинтересовалась, что можно считать полноценной жизнью.

— В вашем возрасте у вас уже должно было быть не меньше сотни мужчин, а то и сотня с четвертью.

Цифра меня потрясла, я пыталась подсчитать, сколько же это будет в год, но такая арифметика оказалась не под силу моему иссохшему берегу.

— И даже в этом случае не исключены эмоциональные проблемы. Американцы — скверные любовники.

При ста двадцати пяти любовниках в прошлом, даже если не обсуждать их качество, проблем не избежать, подумалось мне.

Вовсе нет. У меня неправильный подход к проблеме. Множество связей — единственный выход для деловой женщины. Карьера и замужество редко совместимы. Разнообразная и полная сексуальная жизнь — вот единственный выход.

На берег накатилась волна, и я робко спросила:

— Вам не кажется, что такое огромное количество увлечений само по себе может расстроить нервную систему?

Я была довольна своим вопросом. Я, как марсианин, обсуждала марсианские проблемы с марсианином и чувствовала себя на равных. Но тут выяснилось, что акцент у меня остался земным.

— А кто сказал, что надо увлекаться? — раздраженно спросил аналитик. — То, что вы называете увлечением, не имеет

ни малейшего отношения к подсознанию. В отличие от женщин, у мужчин более реалистичное отношение к сексу.

Новая волна пришла на подмогу и кое о чем напомнила.

— В Европе живет мой приемный ребенок.

Мы немного поговорили на эту тему. Похвально, когда человек берет на себя заботу о ребенке, отметил аналитик, но обстоятельство не вызвало у него особого интереса. Не стоит отвлекаться на побочные предметы, следует придерживаться основной линии.

Очередная волна была в сомнении. Разве секс для меня — основная линия?

— Мне кажется, что у женщины материнский инстинкт сильнее всех остальных. По-моему, природа поступила разумно, наделив женщину инстинктивным стремлением вить свое гнездо, а мужчин не менее сильной сексуальной инициативой.

Аналитик смотрел на меня холодным взглядом морской чайки. А волны вылетали на берег, накрывая одна другую.

— Мне кажется, что секс как удовлетворение полового желания помогает мужчине внутренне самоутвердиться, придает ему уверенность. Но я думаю, что большинство женщин понимают секс по-другому. Похоже, об этом позаботилась сама природа.

Аналитик раздраженно хлопнул ладонью по столу.

— Типично женские рассуждения! Все это чепуха, слышите, чепуха! Женщины сами себя не понимают.

Уходя от аналитика, я все пыталась разделить сто двадцать пять мужчин на годы, прошедшие со времени моего полового созревания. Наконец, иссохший берег справился с задачей. Цифра просто изумила меня. Подсознание сочло необходимым прокомментировать полученный результат. Берег омыла новая волна.

У моего сознания было либо слишком ограниченное логическое мышление, либо весьма развитое чувство юмора. Как сообщила волна, чем бы ни была вызвана шизофрения, с таким количеством любовников у меня просто не хватило бы времени заболеть.

Тренировочные бои

В кабинете аналитика волнообразование усиливалось все больше. Стоило мне переступить порог, как волны набрасывались на берег и не стихали, пока я не покидала кабинет. Все это было большой нагрузкой для меня, да судя по всему, и для аналитика. Чтобы там ни вещали волны, но одно бросалось в глаза, как красная мулета матадора: волны в корне расходились с

утверждениями аналитика.

Мне иногда казалось, что я присутствую на сеансах в качестве третьего лица, своего рода передатчика поставляемых подсознанием волн, и бесстрастно гадаю, кто же победит в этом поединке, ибо наши беседы можно было смело назвать тренировочными схватками боксеров. Внешне соблюдая все правила приличия, партнеры исподтишка нащупывали друг у друга слабые места и били наверняка и ниже пояса. Не обращать внимания на волны было так же невозможно, как, например, игнорировать знаменитый гейзер в Йеллоустонском парке. Волны яростно кипели в голове, требуя перевода. Аналитик бился с еще большей яростью. Я выходила после сеанса, ощущая себя боксерским рингом, где двое противников нещадно молотили друг друга в течение дюжины раундов. Моим спасением был парк, где я приходила в себя, наблюдая за птицами.

Чайки отвечали мне строгим, как у церковного старосты, взглядом. Казалось, они не одобряли полноценную сексуальную жизнь. Утки, напротив, были на редкость общительны и то и дело парочками ныряли в кусты, что наводило на определенные мысли. Одинокий лебедь безмятежно скользил по глади озера, по всей видимости, ничуть не обеспокоенный отсутствием пары.

Аналитик уже не раз убеждал меня принести записи содержания моих снов. Когда он предложил это в первый раз, я объяснила, что вообще не вижу снов, а если и вижу, то ничего не помню, стоит мне открыть глаза. При моем ответе на лице аналитика явно читалось нескрываемое подозрение, что я утаиваю от него свои сны из опасения, что они выдадут интерес к полноценной сексуальной жизни. Мне запомнилась ночь накануне моего последнего визита к аналитику. Впервые в жизни я увидела сон. Я тут же встала, зажгла свет, быстро записала содержание и снова погрузилась в свой обычный сон без сновидений. На следующий день я принесла свой отчет аналитику.

— Я сижу в ресторане, — написала я, — и разговариваю с пригласившим меня мужчиной, и вдруг узнаю, что он рэкетир. Но мое негодование вызвано не столько тем, что он рэкетир, сколько тем, что он третьеразрядный рэкетир.

Невзирая на его невыразительность, мой сон вызвал у меня такое воодушевление, что я не чаяла услышать его толкование. Никакого толкования не последовало. Аналитик вдруг набычился, поджав губы, а затем заговорил совсем на другую тему.

Когда-то в молодости я читала Фрейда, да все перезабыла, по крайней мере на сознательном уровне. Спустя несколько месяцев, когда я уже рассталась с аналитиком, я снова взялась за Фрейда и

поняла смысл своего сна. Толкование оказалось сногсшибательным: подсознательно я считала всех сторонников Фрейда рэкетирами, а своего аналитика — третьеразрядным рэкетиром. Меня поразило то, что мой единственный сон приснился как раз накануне последнего визита к аналитику, словно мое Нечто изловчилось и на прощание как следует двинуло аналитика под дых.

Картинки

Когда картинки появились впервые, я приняла их за очередную выходку моего Нечто. Покрепче ухватившись за свой якорь, я твердила, что Нечто — мой друг и что в Лас-Вегасе оно сослужило добрую службу, набив мне карманы деньгами, хотя для нервов это было порядочной встряской.

Это случилось однажды утром, когда я уже проснулась и лежала, ожидая звонка будильника. Я все так же спала по пятнадцать часов кряду и поэтому, когда у меня были назначены встречи с аналитиком, на всякий случай ставила будильник. Совершенно излишняя предосторожность, поскольку в эти дни я просыпалась сама за минуту до звонка. Итак, я проснулась и увидела, как над иссохшим берегом повисла картинка. Она была отчетливо видна примерно с полминуты. Странная картинка, что-то вроде графика, изображенного белыми чернилами на сером фоне: три круга были расположены один в другом, от внутреннего круга, пересекая два других, исходили прямые линии. Два дня спустя, когда я снова на минуту опередила будильник, я опять увидела картинку. На этот раз из точки в центре рисунка к внутреннему кругу шли десять прямых линий, деля его на десять частей. Еще через два дня я заметила, что на втором круге появилось по десять делений, соответствующих одному делению внутреннего круга. В очередной раз на третьем, наружном круге появилось по десять делений, соответствующих каждому делению второго круга. В дальнейшем никаких добавлений не появлялось, и мне оставалось только хлопать глазами, пока картинка не исчезала.

В последующий за этими событиями месяц картинки стали появляться самым необычным образом. В отличие от графика, надежно висевшего, как музейная картина, эти возникали и исчезали с молниеносной быстротой.

Взять хотя бы тот раз, когда я отправилась за покупками, а волна напомнила, что мне нужно приобрести купальный костюм. Зайдя в магазин, я достала кошелек и, не обнаружив в нем денег, вышла на улицу. Тут над моим берегом повисло четкое и яркое изображение продолговатого прямоугольника зеленого цвета с

белым изображением в центре знака доллара и нуля. Пока берег недоумевал, на смену прямоугольнику появилось и исчезло изображение незаполненного чека. Пока я ломала над всем этим голову, на берег мягко накатила волна, напоминая, что когда нет наличных, можно воспользоваться чековой книжкой. И то верно, согласилась я, вернулась в магазин и купила купальный костюм.

Картинки мелькали с головокружительной быстротой в течение месяца, и вдруг все прекратилось. Я даже была несколько разочарована. У меня было такое ощущение, что где-то за картинками спрятан клад с деньгами, вроде того, что достался мне в Лас-Вегасе. Надо только как следует поискать.

Однако впоследствии я пришла к выводу, что Нечто, скорее всего, не имеет отношения к картинкам. И волны, и Нечто действовали неспешно, и понимать их было легко. Но картинки, за исключением графика, мелькали с быстротой, возможно, и устраивавшей отправителей и получателей, но совсем непостижимой для иссохшего берега. Находящийся под ним сложный механизм, решила я, состоит из множества самостоятельных отделов со своими функциями. Один сверяет внутренние часы с моим будильником, другой помнит о назначенных встречах, третий пишет роман, кто-то еще составляет список необходимых продуктов и вещей. И все эти отделы имеют свою особую систему связи.

Идея мне понравилась. Я так и представила, как Отдел В (время) посылает картинку Отделу П (подъем и передвижения) с изображением нужного времени. Странные часы, а картинка смахивает на секундомер, подумалось мне. А вот Отдел С (списки покупок) посылает изображение купального костюма Отделу П:

— Послушай, П, мы в магазине. Как насчет купального костюма? Пора бы вычеркнуть его из списка.

П посылает эту же картинку Отделу В (волны):

— В, будь другом, подкинь волну насчет купальника, пока мы в магазине.

В посылает волну и изображение зеленого прямоугольника со знаком доллара и нулем. В переводе это означает:

— Посылал. Нет денег.

Я передает эту же картинку С:

— Виноват, дружище, ничего не вышло.

С показывает Я изображение чековой книжки:

— В кошельке должна быть чековая книжка. Придумай что-нибудь. Мне надоело видеть в списке этот купальник.

Я передает ту же картинку В:

— С настаивает. Попробуй.

В гонит волну к иссохшему берегу:

— Душенька, у тебя ведь есть чековая книжка. Магазины принимают чеки, а тебе так нужен купальник.

Возможно, иссохший берег увидел эти картинки по чистому недосмотру: в каком-то из отделов забыли вовремя закрыть дверь или открыли не вовремя. Во всяком случае, объяснение показалось мне интересным.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
Мыслительный аппарат

Возвращение в норму проходило неспешно. Сначала было десять дней пустынного иссохшего берега. Затем появились волны. Тут же приступило к работе Нечто с его предвидением и настойчивыми подсказками. В течение последующих четырех-пяти дней Нечто демонстрировало свои полезные, но пугающие приспособления. Но, пожалуй, самым странным был последовавший затем период сочинительства, когда, обходя иссохший берег, неизвестно откуда появлялись слова и слетали на бумагу с кончиков пальцев. Три месяца необычных явлений были столь же загадочными, как голоса Операторов. Но якорь держался крепко, за исключением нескольких дней, когда Нечто выказывало свои возможности в области телепатии и предвидения. Я спокойно переходила от одного состояния к другому, не испытывая по этому поводу особых треволнений и не беспокоясь о том, что меня ожидает на следующем повороте.

И вдруг, как всегда в одночасье, все это нестандартное оборудование словно убрали в чулан, а на иссохшем берегу установили и включили нормальный аппарат. Ко мне вернулся разум, в том смысле, как я его понимала. Все работало как раньше, но в замедленном режиме. Как только аппарат заработал, якорь тоже подняли и убрали. Вместе с разумом возвратились и эмоции. Однажды, встав поутру и приготовив завтрак, я ощутила, что могу думать и чувствовать. Не допив и первой чашки кофе, я впервые осознала, что со мной произошло и как это отразилось на моей судьбе.

Я была ненормальной. Не какая-нибудь ветрянка, или перелом ноги, или сотрясение мозга — на меня нашло безумие. Не говоря о том, что болезнь была страшна сама по себе, она словно оставляла на жертве несмываемое клеймо. Мыслительный аппарат получил первое задание: выяснить, насколько окружающие осведомлены о факте моей болезни.

К моему изумлению, в этом отношении я, кажется, была в безопасности. Судя по письмам из дома (а я регулярно переписывалась с семнадцатью корреспондентами), у них не возникло ни малейшего сомнения в том, что мое путешествие по стране вызвано желанием вырваться из привычной обстановки и обосноваться где-нибудь на новом месте. Во время моих метаний из города в город я, к счастью, не оставила никаких следов, которые могли бы свидетельствовать о моем безумии.

Единственным сомнительным пятном было мое однодневное пребывание в психиатрической больнице, из которой я так удачно выбралась благодаря гибкости языка. В Калифорнии, где я прожила несколько месяцев, о моем безумии знали лишь три человека: лечивший меня аналитик, отказавший мне в госпитализации психиатр и направивший меня к нему священник. Не думаю, чтобы психиатр и священник стали кому-нибудь рассказывать обо мне, тем более этого не станет делать аналитик, поскольку он уже в силу своей профессии должен хранить в тайне сведения о своих пациентах. Мне чудом посчастливилось избежать главной сложности, которая ожидает психиатрического больного после излечения: возвращение в мир, где все знают, что человек был безумен.

Однако я недолго думала о своей удаче, поскольку другие проблемы требовали моего внимания. Я находилась в тысячах миль от города, где прожила всю жизнь и где жили все близкие мне люди; я оставила прекрасную работу и с трудом справлялась с весьма незатейливыми обязанностями в регистратуре; я все еще нуждалась в лечении, которого так долго не могла себе позволить; у меня кончились деньги, и почти все мое жалование уходило на оплату жилья. Моими постоянными спутниками стали страх и тревога.

В целях экономии мне пришлось переехать в более дешевую квартиру, ограничить свои покупки только едой, причем в минимальных количествах, и отказаться от покупки корма для птиц в парке. Я не могла придумать ничего более радикального, кроме этих простых мер, чтобы выбраться из своего беличьего колеса. День проходил за днем и, несмотря на бездействие, я стала меньше тревожиться и больше думать. Через месяц я смогла здраво оценить обстановку и обдумать в общем плане решение наиболее насущных проблем.

Первым делом надо решить, стоит ли мне возвращаться в родной город. В этом вопросе скрывался подвопрос: что вызвало шизофрению, что за разнобой возник между иссохшим берегом и Нечто, и почему он был разрешен с такими разрушительными последствиями для мыслительного аппарата? Какова вероятность того, что я могу принять еще одно неразумное решение, которое вызовет такие же разрушительные последствия?

Ответить на основной вопрос было невозможно. Причина болезни все еще была неизвестна мне. Теория аналитика вызывала сильное сомнение. Уж очень все просто решается у этих фрейдистов. Не долго думая, прыгай себе из постели в постель. Надо лишь позаботиться, чтобы партнеры не были американцами, ведь они такие скверные любовники. Если согласиться на

подобное лечение, то придется переезжать в Европу. Весьма подозрительная теория, и не только по вышеупомянутой причине. Сам аналитик признавал, что шизофрения собирает богатый урожай среди детей. Итак, теорию Фрейда я отбросила, но заменить ее было нечем. Придется отложить решение основного вопроса на неопределенное время. Теперь надо по очереди разобраться с частными проблемами и найти лучшие способы решения.

Возвращаться домой или оставаться в Калифорнии? Мне очень хотелось домой. Хотелось оказаться среди друзей, в знакомых местах, в спокойствии и безопасности. Мне вдруг захотелось улететь домой ближайшим рейсом. Я даже взялась было за телефонную трубку, чтобы справиться о времени отлета, как меня остановила внезапная мысль: а что я буду делать по возвращении в родной город?

Совершенно очевидно, потребуется время, чтобы я могла справиться с серьезной работой, которой занималась до болезни. Сейчас это было не по силам моему разуму. Кроме того, хотя явных признаков недавней болезни вроде бы не наблюдалось, все же те, кто хорошо меня знал, могли заметить кое-какие намеки на болезнь, к тому же я и сама их видела, например, неспособность выполнять сложную работу. Первое, о чем позаботилось мое Нечто с самого начала болезни, была изоляция от тех, кто хорошо меня знал. Весьма проницательный ход, с какой стороны ни посмотри, тем более примечательный, если его целью было подсознательное стремление скрыть постигшее меня безумие. Мне необыкновенно повезло в том смысле, что удалось скрыть болезнь от семьи и друзей. Теперь я опасалась только одного: как бы они не узнали обо всем сейчас. С семьей тогда случится истерика, а друзья, даже самые доброжелательные, не смогут скрыть той опасливой жалости, которую вызывают душевнобольные. А менее доброжелательные могут выказать жестокость, граничащую с первобытной. Ни та, ни другая перспектива меня не радовала. Я была уверена, что это лишь затянет болезнь, а возможно, и помешает полному выздоровлению. Кроме того, о какой работе и личной жизни можно говорить, если за тобой, как ядро за колодником, постоянно следует зловещий шепоток: "Вы знаете, а ведь у нее было психическое расстройство? " Если все это взвесить, то получается, что нет никакого резона возвращаться домой, во всяком случае в ближайшее время. Разумнее подождать, пока мой разум окрепнет, и работа мыслительного аппарата наладится.

Я уже было собралась лечь спать, как мне пришло в голову, что именно мой славный друг подсознание, так умело

проявивший себя в безумии, надоумил меня подать заявление об уходе с работы и написать записочку самой себе с напоминанием никогда не возвращаться в эту фирму.

Помнится, Ники что-то говорил по этому поводу. Слова вертелись на кончике языка, пока я наконец не вспомнила. Ники сказал в самом начале эксперимента:

— Чтобы добиться своего, Оператор все время должен воздействовать на Вещь, и чем больше Вещь упирается, тем изобретательнее становится Оператор.

— Наверное, трудно работать Оператором, — заметила я.

— Как сказать, — задумался Ники. — Если изучить характер Вещи, то влиять на нее не так уж трудно. Надо изучить ее пристрастия и наиболее сильные побудительные мотивы.

Это уж черт знает что такое! — вконец разозлилась я, залезая в постель. Много о себе воображает это Нечто! Всюду сует свой нос, все хочет сделать по-своему, мотивы ему выкладывай! Просто оно хочет лишить меня моего привычного окружения, вот чего добивается Нечто. Для этого и аппарат наладило. Не успела оглянуться, как оно опять обвело меня вокруг пальца.

Выкурив две сигареты, я вспомнила, что шизофрения была все-таки не у кого-то, а у меня. А это полный психический разлад, и пока я не узнаю, чем он был вызван, есть смысл ладить с Нечто на его условиях.

Учебники

Но что же раскололо мой разум? Не выяснив этого, я не смогу планировать свою будущую жизнь. Ибо чем бы я ни занималась, какой бы духовный мир ни выстроила для себя, я буду часто задумываться: хорошо ли это для меня, то ли я делаю, или остается вероятность, что, проснувшись поутру, я снова увижу у своей кровати Операторов? Они явились без предупреждения, и накануне их прихода я была не менее разумна, чем сейчас.

Какую ошибку я допустила в прошлом? Какое чудовище я пыталась запереть в подсознании? Почему оно выжидало, пока не выбрало момент для нападения? Почему оно предпочло до поры до времени смириться с клеткой, вместо того, чтобы разгуливать на свободе, скрыв под маской свою сущность (аналитик называл подобное замаскированное чудовище сублимацией, имея в виду мое сочинение, представлявшее собой, по его мнению, не что иное, как сублимированное половое влечение). Мое чудовище предпочло оставаться в запертой клетке, пока не достигло таких гигантских размеров, что разнесло клетку и вломилось в мой разум.

Мои мысли постоянно возвращались к одному любопытному

моменту. Крючколовство. Без сомнения, можно было провести четкую параллель между уловками Мак-Дермота, Гордона и Босвела и профессиональной сноровкой Западных Парней. Ясно, откуда Нечто черпало материал для своего сюжета о крючколовах. Все эти размышления натолкнули меня на мысль, что неплохо бы написать об Операторах и их деятельности, поскольку, возможно, ключ к тому, что тревожит мое подсознание, отыщется в их разговорах, которые вляются символическим языком подсознания.

Я припасла бумаги и погрузилась в работу. В отличие от шизофреников, прошедших шоковую терапию, у которых галлюцинации стерты из памяти, мои воспоминания об Операторах были предельно четкими. Помимо того, что Нечто определенно настояло на дальнейшем пребывании в Калифорнии, оно также выказало заметную склонность к бумагомаранию, а поэтому оказалось расторопным соавтором, и повествование об Операторах ложилось на бумагу без всякого усилия.

Работу за машинкой я чередовала с походами в библиотеку за литературой о шизофрении. Не понадобилось много времени, чтобы выяснить, что исследователи в области психиатрии все еще бродят в тумане, окутывающем причины болезни, а практики отважно ныряют в озеро догадок относительно тех же причин.

Такое смятение умов легко объяснимо. В отличие от других психических заболеваний, когда у пациентов наблюдаются почти идентичные эмоциональные комплексы, у шизофреников они не имеют ни малейшего сходства. Что особенно загадочно, шизофрения с одинаковой частотой поражает как людей уравновешенных, так и людей с неустойчивой психикой. Болезнь не выбирает между экстравертом и интровертом; между мужчинами и женщинами; между расами и национальностями; между религиозными конфессиями; между людьми разного социального положения и благосостояния. Она бесстрастно метит свои жертвы, к какой бы из многочисленных придуманных теоретиками групп населения они ни принадлежали. Пожалуй, только в одной области болезнь в какой-то мере проявляет свое пристрастие: большинство жертв находятся в возрастной группе от двадцати двух до тридцати двух лет. С другой стороны, шизофренников с избытком хватает среди сорока-, пятидесяти-, шестидесяти- и семидесятилетних, да и среди детей и подростков показатели тоже неплохие.

Почему-то каждый ученый начинал свой трактат о шизофрении в негодующем тоне, бичуя болезнь как самую мучительную, самую необъяснимую и самую загадочную среди остальных нарушений психики. Мне неясно, почему подобного

рода вступление стало почти ритуальным, тем более, что каждый охотно подбрасывает собственную идею в огромный котел догадок и предположений. Одни уверены, что болезнь — следствие неразрешенных эмоциональных конфликтов, даже если невозможно определить суть конкретного конфликта. Однако большинство ученых, повергнутые в смятение молниеносной скоростью и неразборчивостью, с которой шизофрения одинаково проглатывает и уравновешенных, и неуравновешенных, с неменьшей уверенностью утверждают, что причины болезни имеют не эмоциональное, а органическое происхождение. Шизофрения, по их предположениям, вызывается попаданием в кровь ядовитых веществ, образующихся в результате нарушения эндокринной системы. "Это дисфункция гипофиза", — утверждают одни. "Все дело в дисфункции щитовидной железы", — возражают другие. "Вовсе нет, — настаивают третьи. — Здесь замешана дисфункция надпочечников".

Такой же разнобой наблюдается и в методах лечения. Одни уверены, что только шоковая терапия, с первых дней болезни и до выздоровления, может спасти больного. Нет, возражают другие, шоковая терапия не излечивает, и если она не принесла облегчения на начальных этапах, ее дальнейшее применение является издевательством над больным и, возможно, наносит вред его здоровью. А третьи считают, что никто не верит в целительную силу шоковой терапии, а ее длительное применение лишь помогает сделать пациента покорным, чтобы он не доставлял хлопот персоналу больниц. (Тем более, что администрация, как правило, испытывает трудности при наборе людей на эту тяжелую и низкооплачиваемую работу).

Есть свои поклонники и у транквилизаторов. Бывали случаи, когда успокоительные лекарства творили чудеса, излечивая больных в течение нескольких недель. Но тут же возникали возражения: эти средства хороши для тревожных состояний, но не годятся для прочих больных, а их длительное применение опасно. Широкое использование психотропных средств в больницах играет ту же роль, что и шоковая терапия: сделать из шумного, буйного, неуправляемого сумасшедшего тихое, покорное существо, удобное в обращении, но ничуть не просветлевшее разумом.

Обнаружилось много интересного материала относительно лечения словом. Большинство шизофреников не воспринимают этот метод терапии. Больной, как правило, упорно смотрит сквозь психиатра отсутствующим взглядом. Однако, как отмечают многие психиатры, у склонных к беседе больных наблюдается необычная способность читать чужие мысли, что приводит

собеседника в полное замешательство. В переводе на язык психиатрии это звучит как "сверхъестественная способность шизофреника чувствовать не оформленные в словах и лишь частично осознаваемые психиатром ощущения". С ликованием я читала многочисленные описания этого же явления, поражающие разнообразием ученого глубокомыслия. Пальму первенства я отдала следующему пассажу: "Реактивность шизофреника в отношении эмоциональных стимулов, являющихся подпороговыми для перцептивного аппарата нешизофреника". (Эк, завернули! Что до меня, то это не что иное, как приспособление Нечто. Привинтил к аппарату — и считывай чужие мысли. Лично мне все ясно, как Божий день). Тем не менее, приятно было узнать, что подобный талант демонстрировали и другие шизофреники. Таким образом, явление обретало характер нормы, хотя бы для нас, шизофреников. По крайней мере, никакого колдовства.

Один из авторов посвятил явлению несколько объемистых параграфов, наглядно демонстрирующих его собственное тупоумие: "Шизофреник, понимаемый как своего рода эксперт по вопросам ирреального и неадекватного поведения, быстро улавливает признаки подобного поведения в других, особенно в психиатрах. Это свойство объясняется той легкостью и простотой, с которой шизофреник расшифровывает собственные подсознательные импульсы и вступает в контакт с первичными процессами, управляющими его id, и т. д.". Но меня абсолютно покорил заключительный абзац, где автор делится ценным, по его мнению, наблюдением со своими коллегами-психиатрами. "Шизофреник, — предупреждает автор, — обладает сверхъестественным свойством проверять на прочность свои отношения с аналитиком, прощупывая слабину последнего, что в известной степени ограничивает возможности терапевтического воздействия".

Это звучало так, словно значительное число шизофреников, полностью управляя своим подсознанием, отложили на время собственные мозговые вывихи и занялись подсознанием своих лекарей, чтобы выявить там непорядок и смутить последних своей проницательностью. Мне не удалось найти ни одного примера, когда шизофренику удалось бы сорвать банк в Монте-Карло. Да и не удивительно, вряд ли у находившихся под наблюдением больных был шанс подобраться к рулетке.

Прочитанная мною специальная литература содержала очень скудные сведения о случаях внезапного выздоровления. Такие весьма редкие случаи отмечены во всех четырех классических типах шизофрении. Причем по характеру болезни эти пациенты

ничем не отличались от тех, кому не удалось избавиться от недуга. Точно так же они страдали бредом и галлюцинациями. И вдруг, по какой-то неизвестной причине, они словно выныривали из безумия. Видимо, редкие случаи спонтанного выздоровления тоже не смогли пролить свет на причину болезни. Похоже, к уже существующей загадке: "Почему человек заболел шизофренией?" — добавился не менее загадочный вопрос: "Почему пациент выздоровел?"

В одном из номеров «Тайм» я наткнулась на любопытную заметку. "Отдав более полстолетия ярким исследованиям в области эмоциональных причин шизофрении, знаменитый цюрихский психиатр Карл Густав Юнг на прошлой неделе поразил научный мир и общественность своим сообщением, что, возможно, причины болезни следует искать в биохимическом отравлении".

Было что-то утешительное в том, что даже доктор Юнг более не считает причиной шизофрении нервные срывы (чего все почему-то стыдятся), а напротив, убежден, что болезнь является результатом дисфункции желез внутренней секреции, биохимического отравления (что сравнимо с заражением крови и не бросает на вас никакой тени). Утешительно, но не в моем случае. Само содержание моих галлюцинаций указывало на то, что в основе моей болезни лежит эмоциональный сдвиг. Обретя язык во время болезни, мое подсознание заставило меня в течение полугода слушать его росказни о крючколовах. А за несколько месяцев до срыва этим же предметом было занято мое сознание.

Я несколько раз перечитала статью о докторе Юнге, и одно его замечание задело какую-то струну в глубине подсознания. "Поскольку нам не удалось выявить какой-либо психологически объяснимый процесс, отвечающий за появление шизофренического комплекса, напрашивается вывод о возможной токсической причине. То есть возможно появление физиологических изменений, если клетки мозга подвергаются непосильному эмоциональному стрессу. Я полагаю, что в этом направлении находится непочатый край работы для ученых-первооткрывателей".

Эти строки пробудили что-то в моей памяти, я достала записи бесед Операторов и перечитала их. Символические термины обрели ясное и безошибочное значение: «решетка» (устоявшееся отношение к окружающему миру), «Оператор» (подсознание), «Вещь» (сознание), «якорь» (эмоциональное оцепенение, характерное для неподвижно сидящих в углу или уставившихся в стену шизофреников). А каково значение

терминов «лошадь» и «мустанг»? Может, это и есть отравляющие вещества в крови? Меня очень заинтересовали психиатры, подозревающие о взаимосвязи между шизофренией и нарушением работы надпочечников.

Мустанг

Мои знания о надпочечниках не простирались дальше смутных сведений о том, что выделяемый ими адреналин имеет какое-то отношение к дракам, к агрессивным инстинктам в человеке. Покопавшись в соответствующей литературе, я выяснила, что адреналин жизненно необходим организму, что он снабжает человека и других представителей животного мира мощными энергетическими импульсами, которые, например, помогают медведю защитить себя при неожиданной встрече с кугуаром или помогают человеку подавить страх при виде врага с помощью ярости, вызванной выбросом адреналина в кровь.

Упоминание о лошади и мустанге не давало мне покоя. Я еще раз просмотрела свои записи. Операторы как-то заметили, что я — прирожденный брыкливый мустанг. Но Оператор по имени Берт, мягкий, спокойный, консервативный, рассудительный Берт превратил меня в лошадь, покорное животное, безропотно тянущее свой воз. Как заметил один из Операторов, затеянный ими эксперимент, хотя и не преследовал моих интересов, все же был мне на руку: по его завершении я должна была снова стать мустангом.

Судя по тому, как складывались теперь мои взаимоотношения с окружающими, можно было заключить, что я стала значительно отличаться от той женщины, какой была до болезни. Во мне теперешней мне особенно не нравилась чрезмерная прямота высказываемых мнений и возросшая агрессивность в конфликтных ситуациях. Например, я как-то ввязалась в спор с разносчиком молока. Год назад я бы постаралась уйти от подобной стычки. Это была ядовитая на язык личность, тихо ненавидимая всеми жильцами. Однако никто не хотел с ним связываться по одной простой причине: сколько ни спорь, этого языкастого не переплюнешь. Кто-то утром он подковырнул меня в своей неподражаемой манере, на что я спокойно и даже с каким-то удовольствием вышла в прихожую, облокотилась на лестничные перила и выдала все, что о нем думаю. Не успела я как следует развернуться, как из всех дверей повысовывались головы соседей по этажу, а разносчик, с багровой физиономией, стал пятиться к выходу. Казалось, он охотно запустил бы в меня парой банок со сметаной, однако исчез молча и без ответных актов агрессии. Тут же высыпали соседи и с

сияющими лицами стали выражать свою признательность, а одна соседка пригласила меня на чашечку кофе. Жаль было только, что разносчик ретировался прежде, чем я закончила свой разнос. Правда, впоследствии мне было стыдно за свое поведение, хоть и одобренное соседями. Возможно, эта не свойственная мне вспышка была вызвана каким-то побочным воздействием перенесенной шизофрении. Я решила извиниться перед разносчиком.

Прошло два дня, а случая извиниться все как-то не представлялось. На третий день, отправляясь на работу, я открыла свою дверь и увидела, как поганец отчитывает пожилую соседку, не давая ей вымолвить и слова. С тем же спокойствием, облокотясь на те же перила, я начала с того места, где остановилась в первый раз, и почти успела бы разделать наглеца под орех, если бы он чуть-чуть подождал. На этот раз он не озверел и не побагровел, а просто смылся. Опять я принимала поздравления, а в глубине души чувствовала себя базарной торговкой. Однако я заметила, что с тех пор разносчик старался появляться в доме до моего пробуждения.

Другой случай произошел на работе. Моя начальница, симпатизировавшая одному местному политику, с вызовом спросила, собираюсь ли я за него голосовать. На что я не замедлила открыть рот и изящно отделать упомянутого политика. После этого я все ждала, когда же меня выгонят с работы, а молочник подольет мне в молоко какую-нибудь гадость.

Мустанг вернулся. Когда-то, во время оно, я была такой же откровенной и смелой в своих высказываниях и почти такой же неразумно бестактной. Но я ничего не добилась прямолинейностью и бестактностью, а потому научилась держать рот на замке, скрывать лицо под маской равнодушия и обуздывать свое негодование.

Лошадь и мустанг. Надо признать, что в последнее время мустанг не проиграл, показав свой норов. Начальница после упомянутого случая хотя и поглядывала на меня весьма нелюбезно, тем не менее воздерживалась от обсуждений своего политического фаворита в моем присутствии. А впоследствии даже старалась угодить мне по мелочам, причем голос у нее делался такой же мурлыкающий, как у моих соседей, которые зауважали меня после расправы с молочником. Свои симпатии выказывали мне и коллеги по работе, которым до смерти надоела политическая болтовня начальницы. Словом, все ворковали со мной, оставался неукрощенным один молочник. Может, мне удастся заставить и его ворковать? Вопрос остался без ответа, к сожалению, потому что молочник неожиданно сменил адреса, по

которым развозил продукты.

Надпочечники. Что же происходит, когда ваша здоровая, активная надпочечная железа автоматически срабатывает в стрессовых ситуациях? (Вспомним медведя, неожиданно встретившего кугуара. Об этом я читала в библиотеке. Медвежья железа начинает непроизвольно выбрасывать в кровь огромное количество адреналина, от чего медведь приходит в ярость. Кугуару и одного взгляда довольно, чтобы убедиться, что противник прямо-таки клокочет от ярости. Кугуар так же непроизвольно разворачивается, и давай Бог ноги).

Но что происходит, когда вы произвольно, сознательно управляете железой и не даете свободно излиться адреналину, чтобы привести в действие ваш зык или кулаки? Разве адреналин прекращает выделяться? Куда же поступает адреналин, если у него нет возможности дать выход своей энергии с помощью слов, кулаков или приступа истерии? Возможно, в моем случае, не найдя прямого применения, адреналин вызвал то самое отравление, о котором догадывался Юнг?

Операторы не раз затевали разговор о лошадях и мустангах. Мустанг был превращен в лошадь в результате "операторского промаха", а потом был снова возвращен в свое "мустанговое естество". Как заметил Ники, "эксперимент, проводится не совсем в твоих интересах, но твоя выгода заключается в том, что ты снова превратишься в мустанга".

Если отвечающее за все процессы Нечто творчески проанализировало раскол в сознании и наметило ход ремонтных работ (вполне приемлемая теория для психоаналитиков, не занимающихся лечением шизофреников, и неприемлемая для психиатров, занимающихся лечением), то оно искусно восстановило те каналы, по которым должен «течь» адреналин.

Перемещаясь от одного слушания к другому, я сражалась с Операторами на их собственном поле. Меня убеждали в необходимости бороться, и когда я не проявила необходимой напористости, меня подбодрили и воодушевили неожиданно появившиеся на сцене Лесорубы. Вынужденная сражаться почти что против собственной воли, я вдруг обнаружила, что игра стоит свеч. Анализируя свою шизофрению, я воочию увидела постепенное возвращение мустанга. После счастливой встречи с Лесорубами я одолела Громилу и продолжала отважно сражаться с другими зловредными Операторами, пока Паук неожиданно не выскоблил мне всю решетку, после чего меня спешно представили на последнее слушание и выпустили на свободу.

Здесь понятно даже символическое значение решетки. Построенная на иссохшем берегу консервативным,

рассудительным Бертом, она означала: помалкивай, не кипятись. Ее разрушили и заменили другой: выпускай пары, не засоряй систему. Выходит, на подсознательном уровне я всегда осознавала опасность превращения в покорную лошадь, которой предписано не брыкаться. Поэтому, когда представился случай, я устранила нарушение на подсознательном уровне, совершив самое существенное, что на языке физиологии означало расчистку прежнего русла для адреналина, который, двигаясь "в обход", как бы попадал в клетки мозга и отравлял их.

В этой теории было больше смысла, чем во всех вычитанных мною из книг. Я была рада, что нашла хоть какой-то ответ. Меня он вполне удовлетворял. Открытие, однако, вызвало у меня некоторое разочарование. Я почти смирилась с мыслью, что мне придется до конца дней ладить с Нечто, играя по его правилам — не слишком сложным, хотя и не всегда устраивающим меня на сознательном уровне. А теперь мне, видимо, надо научиться ладить с активно действующими надпочечниками путем бесконечных компромиссов.

Психиатры и шизофреники

Жалуясь на трудности лечения шизофреников, психиатры в один голос отмечали их нежелание сотрудничать с лечащими врачами. Как выразился один из них, "шизофреники ужасно необщительны".

Представляю, как психиатр уютно устраивается для задушевной беседы с шизофреником, а тот на увещевания не таиться и выложить все, что наболело, почему-то невозмутимо молчит и не желает общаться. А ведь при желании может так разоткровенничаться, что и у самого психиатра обнаружит неполадки в подсознании. Так нет же, знай себе упираются: один сидит и приветливо хихикает; другой смотрит на врача как на пустое место; третий, видно, доведенный до ручки общительным психиатром, сидит, словно в столбняке, иногда загородив глаза руками, как будто пытаясь избавиться от его присутствия. Как ни крути, а братия и впрямь непокладистая.

Однако, если взглянуть на все это по-особому, то все шизофреники с безмятежным спокойствием держатся за свои якоря, непостижимые, крепко сидящие, не видимые постороннему глазу.

Согласно учебникам, существуют четыре вида шизофрении, удивительно разных и странно схожих. Сходство занимало меня больше, чем различие, потому что похожесть вызывала какой-то неясный отклик в подсознании.

Шизофреник кататонического типа являет собой воплощение

ухода в себя. Неведомым образом повинуясь разуму, тело приобретает такую мышечную ригидность, что кажется изваянием и может часами оставаться в таком положении. Десятки иллюстраций изображают оцепеневших посреди палаты кататоников, абсолютно не замечающих более активных собратьев. Позы — самые неожиданные: с вытянутой вперед рукой, или с поднятой над головой рукой, или закрывающей глаза рукой. Они могут стоять не шелохнувшись часами. Кажется, кататоник предпочел превратиться в статую, чтобы только не иметь больше дел с миром живых. Воплощение застывшего вызова.

Обыкновенный, или «простой» шизофреник ведет себя не столь вызывающе. Уйти в себя безопаснее, вот он и сидит в глубочайшей апатии, недоступной для нормального разума. Молчание, устремленный в пустоту взгляд говорят о такой же, как у кататоника, отрешенности, а возможно, и о более развитой способности отключаться от реальности. Зачем стоять столбом, ополчившись на весь белый свет, да еще и отгораживаться от него рукой, зачем все время бояться, что стоит расслабить мышцы, и тебя снова засосет мир живых? У «простого» шизофреника якорь лежит глубже. Он замыкается в себе так же крепко, как кататоник сокращает свои мышцы. Можно включить у него над ухом сирену, психиатр может сколько угодно обращаться к нему, санитары будут суетиться вокруг него, но им не добраться до его замурованной сердцевины, хотя тело будет безвольным и податливым, как увядший салат. Равновесие наконец достигнуто, больше никаких внутренних землетрясений и ураганов. Вход закрыт. Покой и тишина до конца дней. Сижу на вечном якоре.

Что касается гебефреников, то они позволяют себе кое-какие движения и слова. Правда, движения в основном связаны с выражением лица, как правило, единственным: шутовским. Гебефреник хихикает и хохочет, ухмыляется и улыбается. А иногда и говорит. Как правило, это невнятное, бессмысленное бормотание. Да и на лице у него не стоит искать смысла. Со своей жуткой клоунской улыбкой он одинаково хихикает, уставившись на стену, на медсестру, на психиатра, на других пациентов. А уж если задать ему вопрос, то веселью нет конца. На первый взгляд, гебефреник озадачивает. Может, такова судьба выведенных из равновесия комиков? Нет, в эту группу входят в основном люди, прожившие убогие, безрадостные, трудные жизни, в которых не было ничего, что могло вызвать хотя бы подобие улыбки. И вдруг я поняла, какой якорь их держит. Хихиканье. Гебефреник укрылся от жизни в незатейливом приятном мире, расхристанном и несобранном, где не надо ни за что отвечать, тревожиться и

бороться, потому что заниматься этим сложно и страшно.

Но кататоники, гебефреники и обыкновенные шизофреники — это все, так сказать, двоюродная родня, а мне хотелось узнать о параноидных шизофрениках, в чью группу входила и я. Психиатры считают эту категорию больных наиболее загадочной и непонятной, хотя и гораздо более общительной, чем их двоюродные товарищи по несчастью. Параноики в принципе не отличаются болтливостью, разве только в сравнении с остальными группами шизофреников. Но иногда параноик не выдерживает и раскалывается, и тогда доктора узнают о марсианине, который пытается его извести, или о соседе за стенкой, который хочет уничтожить его смертельным излучением. С негодованием он будет рассказывать о своих преследователях, возмущаясь несправедливостью сложившейся ситуации. Случается, что в своей исповеди параноик идет еще дальше и признается докторам, что задумал разделаться с марсианином, обчихав его простудными микробами, когда тот зазевается; а что касается соседа-излучателя, то для него готовится кое-что похлеще, и он помрет прежде, чем прикончит самого параноика.

На фоне остальных категорий шизофрении, представители которых превращались в изваяния, погружались в глубочайшую апатию или жизнерадостно хихикали, параноидная шизофрения выглядит неразрешимой загадкой. Пожалуй, единственной общей для всех параноиков чертой является постоянная умственная занятость. Душевный мир такого пациента полон бурной активности, населен десятками деятельных, хоть и вымышленных персонажей. Правда, некоторые из них не совсем вписываются в реальность, вроде марсианина или умельца по смертоносным излучениям. Но параноик, по крайней мере, все время активно взаимодействует со своим причудливым окружением, пытается укрыться от своих преследователей, придумывает способы их перехитрить. В то время как его двоюродная родня, отвернувшись от противника, тупо созерцает стенку, параноик словно смотрит на противника сквозь увеличительное стекло, чтобы получше его разглядеть. Судя по прочитанному, параноик ведет про себя постоянный разговор с населяющими его душевный мир людьми, сражается с ними, спорит, бросает им вызов. Да, да, все это так, подумала я. А через мгновение поняла, в чем дело.

Жизнь параноика в его вымышленном мире, если в него проникнуть, развивается по абсолютно четкому сюжету, а сам мир наполнен неожиданными красками и поворотами событий. Словно смотришь широкоэкранный фильм с понятным сюжетом и выразительными характерами. Это может быть намеревающийся стереть параноика в порошок марсианин, или угрожающий

невидимыми лучами сосед, или сам дьявол вызывает его на поединок. Но здесь всегда присутствует бросающий вызов противник, и как бы он ни был страшен, его намерения легко просчитываются. Иссохший берег окунается в понятный, однопроблемный мир, который приходит на смену бесконечному множеству невыносимо сложных и не всегда ясно очерченных проблем, справляться с которыми у иссохшего берега больше нет сил. Его интерес привлекает драматическая яркость нового противника. А поскольку драма и сочность изображения, видимо, всегда нравились иссохшему берегу, то его легко поймать на эту привлекательную приманку. Параноик оживает в этом новом мире, таком выразительном, что от него просто так не отмахнешься. А коль скоро появился интерес к этой новой жизни, то обнаруживается что, помимо выразительности, в ней есть нечто большее — проблема. Обычно несложная: выжить, перехитрив противника. Как ни странно, хотя противник обладает безмерной властью и сверхчеловеческими возможностями, параноика это не так уж смущает или потрясает. Будь этот враг хоть семи пядей во лбу, параноик тут как тут, и рвется в бой.

Что же такое параноидная шизофрения? — вновь и вновь спрашивала я в своих раздумьях. Неужели не больше, чем якорь в виде однопроблемного мира, наполненного действием и красками и захватывающего разум параноика? Якорь, за который он рад ухватиться и заняться тем, что нравится: мыслить, строить планы, уметь перехитрить противника — все это так просто, даже интересно, когда четко знаешь, кто противник и как с ним справиться. Или понятие параноидной шизофрении гораздо шире? Может, это что-то вроде тренировки, которую Нечто устраивает для иссохшего берега? Видишь, как легко смотреть противнику в глаза, а то и плюнуть в них, если на то пошло. И пока ты смотришь и учишься плевать, ты разрушаешь свою прежнюю решетку отчаяния, безнадежности, нежелания действовать и принимать решения, учишься направлять поток адреналина в правильное русло. Я пыталась отыскать подтверждение тому, что параноики выздоравливают чаще, чем их двоюродная родня, но не нашла его. По всей видимости, параноидальная шизофрения вовсе не была обратной дорогой, задуманной Нечто, а если и была, то очень немногим удалось ее отыскать. Наверное, это вовсе не дорога, а еще один якорь.

Это верно, что шизофреники — плохие помощники психиатрам. Вот и сидят они себе в определенных медицинских учреждениях, стены которых едва выдерживают ежегодно нарастающий наплыв нового пополнения. Они сидят, а психиатры из кожи вон лезут, чтобы убедить их, что надо попытаться

справиться с проблемами, от которых они укрылись в болезни, что могущество врага преувеличено, что нечего его бояться, что это вовсе никакой не враг. А все шизофреники, непроницаемые, необщительные, не идущие навстречу, знай себе сидят, молчаливые и отчужденные. Кому как не им знать, как непросто встретиться с врагом лицом к лицу, что враг ничуть не уменьшится в размере, если вернуться в реальную жизнь и посмотреть ему в глаза. А в этих же кабинетах сидят Нечто шизофреников, которые взяли на себя ответственность за их иссохшие берега, и точно так же, как последние, знают, как нелегко отдельному берегу справиться со своим вовсе не слабым противником, врагом неимоверной силы, который только и ждет возвращения берега, чтобы снова на него напасть. Так что пока враг поджидает, а иссохший берег не может похвастать силой, нет смысла уговаривать его вернуться и побороться. Лучше дать ему для надежности еще один якорь, чтобы ухватиться и отдохнуть. Хотя, конечно, время от времени появляется непреодолимое искушение выглянуть на мгновение из своего мира и напомнить докторам, что вряд ли они вправе строго судить о своих подопечных, если у самих с головой не все в порядке.

В бессильном гневе я думала обо всех переполняющих больницы шизофрениках. Хоть бы кто-нибудь вынул чековую книжку и купил каждому билет на автобус компании Гончих Псов, чтобы они могли уехать далеко-далеко от своих врагов. Что говорить! Не бывать этому. А все-таки интересно, сколько Нечто, уверившись, что враг далеко и никогда не возникнет вновь, воспрянут духом и повыдергивают свои якоря, чтобы иссохший берег снова занял свое президентское кресло?

Руководство и план

Хотя на поиски причин шизофрении я потратила достаточно много времени, картина была мне вполне ясна на подсознательном уровне. Свидетельством своего рода было мое внезапное выздоровление после полугода постоянных галлюцинаций и бреда, а также то, что мой разум нашел дорогу из безумия, что само по себе отнюдь не случайно. Если сохранившиеся в памяти указательные знаки часто смахивали на таинственные заклинания, то это просто потому, что мне был неведом их язык.

Как утверждал лечивший меня психоаналитик, спонтанное излечение — явление редкое и странное, особенно на развитой стадии заболевания, поражающее таинственностью, с которой разум выходит из четвертого измерения, куда его столь же загадочно занесло. Здесь нет никакой заслуги иссохшего берега,

он не искал дорогу, а лишь сидел и наблюдал за поисками с обочины. Видимо, какая-то часть мыслительного аппарата знала, где находится заветная дверца, и терпеливо торила к ней путь.

Сколько бы я ни перечитывала повесть об Операторах и ни убеждала себя, что это лишь хорошо выстроенная игра воображения без целенаправленного руководства и плана, последние явно бросались в глаза.

Руководство было даже более заметным, чем план. Когда подсознательно я заподозрила у себя воспаление легких, все устроилось так, что я оказалась в больнице; когда я устала от автобусных скитаний по стране, что-то непонятное подсказало мне укрыться в горах, надоумило обзавестись электрическим фонариком, чтобы я не оступилась в темноте, спасло от кугуара, а после этого происшествия намекнуло, что надо уезжать из горной деревушки. Что-то пунктуально напоминало мне о еде, о необходимости питаться, чистить зубы и вообще следить за собой (особенно в последний месяц). Из какого бы уровня мышления ни исходили эти указания, их целью было поддержание организма в хорошей форме, на что иссохший берег был не способен.

План прослеживался почти так же ясно. Уже в самый первый день голоса обрисовали предстоящие события. Как объяснили Операторы, проводится эксперимент. Они будут управлять моим разумом, и ради собственного блага я должна им помогать, не забывая и об их интересах. А Ники добавил, что у меня лишь один шанс из трехсот избавиться от Операторов и от эксперимента, да и то если повезет. Меня увлекли подальше от дома, где огласка болезни сильно осложнила бы мою судьбу после выздоровления и где находилась фирма, из которой я не хотела уходить, не желая менять устоявшийся порядок вещей. Что-то толкало меня из автобуса в автобус, где я могла сидеть с шизофренической апатией на лице, погрузившись в свой внутренний мир, и внешне ничем не выделяться среди остальных занятых своими проблемами пассажиров, которые равнодушно следят за мелькающими в окнах пейзажами. Что-то подбивало меня писать радужные письма родным, отправиться в Калифорнию по наущению Лесорубов, словно специально изобретенных для этой цели, и остаться там до окончания драмы. И перед тем, как опуститься занавесу, что-то привело меня к священнику, психиатру и, наконец, к психоаналитику.

Меня вела добрая, заботливая и, безусловно, знающая рука. Судя по задуманному плану, контролирующая часть моего разума знала, что делает, и приняла все меры предосторожности, чтобы никто, включая иссохший берег, не помешал ей добраться до цели.

Что же это за цель? Операторы назвали ее воскрешением. Без всякого сомнения, лошадь превратилась в мустанга. Но предстояло еще более полное и значительное воскрешение, которое я увидела яснее и отчетливее, перечитав беседы Операторов.

Крючколовство

Меня заинтересовало то, о чем больше всего говорили голоса: о методах работы Операторов. Они объясняли, как строятся отношения между Операторами и Вещами, какими способами подсознание использует сознание и побуждает его к действиям, а больше всего разговор шел о методах, с помощью которых Операторы используют друг друга. Одним из таких методов было крючколовство, непонятное и непривлекательное занятие Западных Парней.

В основе описания этого метода лежало то, что я уже видела среди людей, от которых бежала. Как заметил Буравчик, нечего возмущаться, обыкновенное дело. Операторам нечего стыдиться. Крючколовство — вполне законный бизнес, им все Операторы балуются, ну, а для Западных Парней — это средство существования. Надо признать, что и у меня дома, где я жила до болезни, некоторые Операторы предпочитали зарабатывать себе на хлеб таким же крючколовством, вместо того, чтобы добросовестно выполнять порученную работу. Будучи в здравом уме, я с брезгливостью и страхом видела, как люди изощренно разрывали друг друга в клочья, и вот в безумии мне представилась возможность увидеть ту же картину и оценить ее более объективно. Крючколовство — всего лишь бизнес, один из способов заработать на жизнь. Как-то Проныра заметил: "Точно так же, как деньги дают Вещи ощущение надежности и самоуважения, то же самое дают Операторам набранные ими очки. Если копнуть, то выяснится, что и Операторы, и Вещи действуют из одних и тех же побуждений. Все мы в одном котле варимся".

И если крючколовство вызывало у меня брезгливость, объяснил Буравчик, то только потому, что меня так воспитали и приучили так думать. "Уж эта мне Кареглазая! Если кто и ведет себя непорядочно, так это она. Пытается внушить тебе, что крючколовство — незаконное дело", — заключил он возмущенно.

Я часто слышала, как Операторы употребляли выражение "обработка мозгов". И вот шаг за шагом Операторы терпеливо обрабатывали мой разум в необходимом для них направлении. Меня постепенно вели от спокойного восприятия взаимоотношений между Операторами и Вещами к осознанию

правомерности использования крючколовства на любом уровне: Оператором по отношению к Вещи; Оператором к Оператору; Вещью к Вещи. Нечто не имело ничего против крючколовства. Коль основой жизни является конкуренция, крючколовство — лишь способ выживания. Иссохший берег усвоил смолоду, что это занятие — ужасное и бесчеловечное, и не смог вовремя переучиться. Зато Нечто видело всю картину в более мудром и реальном свете. Операторы внушали, что для меня жизненно важно научиться принимать крючколовство таким, каково оно есть, без ужаса и страха.

Доктора

Выяснилось, что когда я корпела над учебниками, мое Нечто вело свой приватный список прочитанного. Какие-то отдельные фразы всплывали в памяти в последующие дни. Одна из них приходила на память так часто, что я ее напечатала на машинке и время от времени заглядывала в листок. Она встретилась в статье одного психиатра, который не спешил нырять в озеро догадок, а встал посередине качающейся доски и внимательно наблюдал за обоими концами, представлявшими тайны шизофрении. Вот одно из его наблюдений: "Остается открытым вопрос: создает ли шизофреник свой мир грез сознательно и целенаправленно или оказывается в нем помимо своей воли?»

Поначалу это осторожное суждение не остановило моего внимания. Ясное дело, иссохший берег оказывается в ирреальном мире, а его создателем является Нечто. Но поразмыслив, я поняла, почему психиатр задал этот вопрос. У психоаналитика, вроде доктора Доннера, могущество подсознания вызывает благоговейный трепет. Не имея навыков лечения шизофрении и не зная медицинского арсенала психиатров, он стал заниматься мной с тем же уважением к подсознанию, как инструменту мышления. Мои голоса подсказали ему, что выздоровление не за горами. Он слушал меня и верил тому, во что привык верить: в неисповедимый язык подсознания. В то время как для психиатра подсознание безумного человека — всего лишь вышедший из строя механизм. Но автор статьи, хоть и психиатр, видимо, столкнулся со свидетельством того, что в психике шизофреника присутствует целенаправленное начало. В отличие от традиционной психиатрии, считающей, что больной не по своей воле оказывается в неуправляемом, причудливом, ненормальном мире, он позволил себе предположить, что, возможно, этот мир целенаправленно создан на подсознательном уровне.

Интересно сравнить реакции психиатра и психоаналитика, к которым я обратилась за помощью. Обоим я пересказала, что

голоса сообщили мне о выздоровлении в ближайшие две недели. Стоит подчеркнуть то обстоятельство, что психоаналитик смог понять и принять факт приближающегося внезапного выздоровления, в то время как психиатру это оказалось недоступным. Непосредственно перед тем, как замолкли голоса, подсознание явно знало, что это произойдет. Понимая, что на какое-то время иссохший берег будет находиться в вакууме, а организму нужна поддержка со стороны, подсознание позаботилось обо всем, сначала направив меня к священнику, а через него — к ведущему психиатру крупнейшей городской больницы.

Психиатр тоже узнал о том, что сообщили мне голоса, но не обратил внимания на мои слова, полагая, что это продолжение бреда, а лишь посоветовал вернуться домой для длительного лечения. На его совет Хинтон отреагировал тем, что мрачно приказал мне взять телефонный справочник и отыскать другой адрес. Так по его подсказке состоялась встреча с психоаналитиком, и в этом есть глубокий смысл. Я снова повторила ему свой рассказ. Аналитик, более тонко чувствовавший целенаправленность подсознания, с глубоким пониманием воспринял мои слова и терпеливо маялся со мной четыре дня в ожидании выздоровления, в которое поверил. На четвертый день, испытывая нарастающее беспокойство по поводу того, что душевнобольной человек вольно бродит по городу (что, как ни странно, ничуть не встревожило психиатра), аналитик уже было собрался отправить меня в частную клинику, как произошло внезапное выздоровление. Если бы не это событие, аналитик, конечно же, сдал бы меня с рук на руки психиатру, потому что аналитики не лечат шизофреников. Эта категория больных находится в абсолютном ведении психиатрии. Возможно, так оно и должно быть. Но похоже, что психиатрам не хватает как раз того инструмента, который аналитики так высоко ставят, что часто вызывают этим упреки в свой адрес.

Особой веры в лечившего меня аналитика я не испытывала, но мое подсознательное мнение о нем как о третьеразрядном рэкетире было явно несправедливым. Однако его роль в моем выздоровлении была ограниченной. И все же я ценю все, что он для меня сделал. Он смог понять, что вот-вот наступит выздоровление и смог дать мне то, в чем отказал психиатр — возможность бросить якорь, чтобы мой разум мог закрепиться и завершить растянувшуюся на три месяца работу по приведению мыслительного аппарата в нормальное рабочее состояние.

Это Нечто

Что же такое Нечто? В учебниках я наткнулась на предположение, что шизофрению надо понимать как крушение в физическом смысле, когда осколки разрушенного сознания попадают в подсознание. Может, это и есть то, что я назвала Нечто — осмысленная, целеустремленная цепочка, отлетевшая от расколовшегося разума и застрявшая в бушующем водовороте подсознания, сохранившая при этом способность указывать путь и наделять человека исключительными, недоступными разуму талантами?

Припоминаю случаи небывалой находчивости Нечто (например, приключение с кугуаром) и тогда представляю его крохотным осколком сознания, храбро наводящим порядок в водовороте и берущем на себя ответственность за весь организм. Когда же я вспоминаю поезд в Новый Орлеан, где Мухи несколько часов кряду вели свою Игру, мне кажется, что Нечто — это вырвавшееся на волю и загулявшее подсознание. А иногда я представляю его уютным домовым или даже духом святого Антония. (В течение всех шести месяцев со мной был образок, как мне казалось, святого Христофора. Каково же было мое изумление, когда после выздоровления я увидела, что это образок святого Антония. Как я узнала позже, церковь почитала его как целителя).

Здесь стоит отметить, что еще до появления научной фантастики шизофреники уже заселили свои миры марсианами, чертями, специалистами по смертоносным излучениям и другими столь же замысловатыми фигурами. И хотя в специальной литературе все это списывается на помрачение рассудка — "состояние, не отделимое от пациента", мне все же хочется обратить внимание на некоторые присущие этим видениям закономерности.

У них есть общие черты: эти образы представляют власть и имеют основание полагать, что иссохший берег будет им повиноваться; они обладают сверхъестественными способностями и поэтому не боятся вмешательства полицейских и докторов. С их появлением иссохший берег сразу улавливает общую установку: либо ты повинуешься, либо тебе будет худо, ибо ни одно живое существо не в силах тебе помочь. (Помню, как-то вечером я заговорила о том, что Операторам противостоит Бог. Те на время исчезли и явились с Мудрецом, который взялся все объяснить. Не напрасно его так назвали, он заморочил мне голову, и вскоре я забыла, с чего начался разговор. Тем не менее, Мудрец достаточно долго толковал на эту тему, объяснив, что еще на заре цивилизации Операторы окружили землю полем из лучей такой мощности, что через него не может проникнуть даже Бог).

Чем бы ни было это Нечто, осколком сознания или ядром подсознания, интересно представить, как Нечто принимает решения в критический момент неминуемого распада разума.

Телеграфирует своим девяносто девяти помощникам: приготовьтесь, ребята. Того и гляди на руках у нас будет этакое месиво. Рассчитывать не на кого, приводить все в порядок будем сами. Думаю, всем понятно, что делать. Надо эту лошадь снова превратить в мустанга. Затем выскабливаем решетку. Каюсь, ребята, в обоих случаях мы дали маху. Что делать, если напортачили, сами поправим. Президенту с этим делом не справиться. Вот еще что: если она останется в этой фирме, дело на лад не пойдет. Слишком уж она приросла к этой конторе. Даже если ее кое-куда заберут и прожарят шоком, через месяц-другой она снова сюда вернется. Надо действовать наверняка и давать отсюда деру. У меня всегда была заветная мечта — побывать в Калифорнии. Может, туда и двинем. Короче говоря, чем дальше, тем лучше, лишь бы виза не требовалась.

Будем действовать по наезженной колее, кстати, самой надежной. Вынудим ее подчиниться какой-нибудь сверхъестественной силе, чтобы она не понеслась за помощью в полицию или к своему двоюродному братцу Луи. Пусть эту силу будет воплощать не очень привлекательная личность, тогда появится желание ей сопротивляться. Вот это и нужно. Она ведь прирожденный мустанг, да только разучилась стоять за себя. А если наш сверхчеловек будет слегка мерзавцем, думаю, нам удастся заставить ее надпочечники как следует качать адреналин. Только все должно быть в меру, а то, пожалуй, пойдет палить из револьвера направо и налево или всем подряд сыпать яд в кофе. Тогда опять придется выскабливать начисто всю решетку. Ей предстоит защищаться в суде, по закону, все как положено. Посмотрим, где у нас все эти судебные атрибуты? Тут где-то должны быть. Ага, вот они — суды, законы, судьи, адвокаты и все прочее.

Теперь за работу берется сценарист, его дело — диалоги, типажи. Сэм! Ты, кажется, давно жаловался, что руки чешутся написать что-нибудь эдакое. Пользуйся случаем. Уловил идею, Сэм? Стало быть, так: сверхгерой должен делать ей пакости, а она должна научиться воевать с ним. Не забудь и о положительных характерах, что будут являться на выручку, когда придется особенно туго. Это главная сюжетная линия.

Теперь второй план. У негодяев не должно быть рогов и копыт. Обычные людишки, зарабатывающие свои баксы не очень приглядным, но допустимым способом. Так уж устроен мир. Ей надо усвоить это раз и навсегда и научиться глядеть на жизнь

реально, а не входить каждый раз в смертельный штопор. В диалогах на этом следует сделать особое ударение, не бойся повторов, маслом каши не испортишь. Вот с судами будь поосторожнее. Все должно быть неопределенно до последнего разбирательства, где она наконец выигрывает. Следует убедить ее в том, что не все потеряно, пока ты на свободе и пока ты сражаешься. Когда мы наладим дело с адреналином, работать станет полегче. Ясно, куда плыть, Сэм? Тогда за работу. Через два часа чтобы у меня на столе лежал первый акт. Главное, Сэм, налегай на диалоги.

Где у нас технический персонал? Позаботьтесь о звуке, ребята, аппаратура должна работать так, чтобы и комариный писк был слышен. Фотографам тоже приготовиться, сделаем снимки персонажей, чтобы она поверила в их реальность. Подключайте технику, да смотрите, чтобы кабели…

Думаю, у постановщика не раз голова шла кругом, когда в пьесе возникали непредвиденные трудности. Ребята, надо как-то выбираться из психушки. Признаться, я уже думал присоединиться к вам, чтобы мы остались там вместе, но уж больно обстановка не вдохновляет. Ну, вылечат они ее, а она опять вернется домой, в свою чертову контору, и вся наша работа насмарку. Опять же, могут и не вылечить. Если начистоту, проще было бы нам самим выскоблить решетку. Почему проще? Читай статистику, вот почему. Помните ту статью, что Джерри видел в папке с вырезками? У шестидесяти процентов шизофреников наблюдается излечение или улучшение после шоковой терапии. Излечение или улучшение. А помните, что они имеют в виду под улучшением? Все что угодно, начиная с того, что тебе позволяют пользоваться вилкой и ножом, и до того, что с тебя снимают смирительную рубашку. Какая же на поверку получается статистика? Что же мы тогда теряем, а? Как я себе представляю, в первый день они только проводят предварительное обследование. Когда она будет на беседе у психиатра, я посмотрю, что он за человек, и постараюсь, чтобы он обнаружил у нее что-нибудь не по своей линии. Для этого мне понадобится эта штуковина, как ее? А, "способность чувствовать не оформленные в словах и лишь частично осознаваемые ощущения". Куда она подевалась, черт бы ее побрал? Считают, что она чудо как хороша, особенно когда работаешь с психиатрами, а это, ребята, о многом говорит.

И вдруг на сцене самым неожиданным образом появляется кугуар.

Без паники, ребята. Не совсем уверен, что это кугуар, но судя по повадкам, очень похож на здоровую кошку. Спокойно, не суетитесь. Где фонарик? Сюда его. Покупали, думали как бы не

споткнуться, а тут вон как кстати пришелся. Жаль, больше ничего под рукой нет. К счастью, мы недалеко от дома, где полно голосистых собак. Думаю, когда кугуар услышит их лай, то испугается, что их спустят с цепи, и удерет в лес. Начали! Покажите изображение Ники, наша девушка ему доверяет и сделает все, о чем он попросит. Ники, ты готов? Свети на собак. Так, хорошо. Ну как, разорались? Теперь быстро свети назад. Хочу взглянуть, может, это что-то безобидное из лесу вышло. Кугуар! Да какой здоровенный! Решил не связываться с этой визгливой сворой. Смотри, повернул в лес! Пронесло. Ну как она, здорово перепугалась? Закрепите получше якорь. Пусть Ники покажет ей любимые цветочки, поговорит о чем-нибудь успокаивающем…

Кто бы мог подумать, что тут могут произойти такие любопытные встречи? Если бы она была предоставлена сама себе, оцепенела бы со страху. Так увязла в своей колее, лишь бы ее не трогали. Совсем разучилась действовать в непредвиденных обстоятельствах. Я буду не я, ребята, если мы не поломаем все это к концу нашей операции.

Неповторимый компьютер

Как-то утешительнее было представлять Нечто в образе сознательно мыслящего осколка, чем как согласованно действующее подсознание. Но чем больше я углублялась в специальную литературу и размышляла над проблемой, тем больше соглашалась с аналитиком, назвавшим подсознание удивительным, внушающим благоговейный трепет инструментом.

Подсознание легко демонстрировало весьма примечательные и достойные свойства. То, что могла делать память введенных в гипноз людей, выглядело просто чудом. Человек без запинки называл имена всех своих соучеников, начиная с первого класса, и даже мог воспроизвести свой почерк в пятилетнем возрасте. Казалось, подсознание годами постоянно накапливает информацию, аккуратно сортируя ее и раскладывая по полочкам.

Подсознание напоминает мощный компьютер, работа которого, собственно, и основана на наиболее заметных способностях подсознания. В электронный мозг закладываются подробная закодированная информация и механизм для ее обработки. Вопрос поступает в электронный мозг; тот, получив его, приступает к расшифровке, затем находит нужную полочку или делает соответствующие математические вычисления. Щелк — и ответ готов.

Подсознание работает тем эффективнее, чем спокойнее состояние, в котором оно находится. С необыкновенной легкостью оно творит чудеса в состоянии гипнотического

расслабления. Для меня это было довольно неожиданным открытием. Подсознание всегда представлялось мне бурным водоворотом подавляемых эмоций. А вместо этого оно оказалось чем-то вроде сделанного в единственном экземпляре компьютера с непостижимым объемом памяти. У гения свой компьютер, у слабоумного — свой. Кто может постичь механизм работы мозга эйнштейновского масштаба? Но точно так же никто не знает, как работает мозг слабоумного человека. К тому же, даже самый замечательный компьютер может воспроизвести лишь ничтожно малую долю того, на что способен человеческий мыслительный аппарат.

Может ли подсознание мыслить? В свое время мой вопрос показался аналитику забавным. Когда я думаю об этом сейчас, то вижу, что, как и многие другие, я недооценила это тонкое, хитроумное устройство. Представьте, например, бизнесмена, встретившегося со сложной проблемой, от решения которой зависит дальнейшее существование его предприятия. (Это пример из жизни. Подобная проблема в течение десяти дней держала в страшном напряжении одного из моих друзей). Он прикидывает так и эдак, от мыслей голова идет кругом, но не видит никакого достойного выхода. Наконец, махнув на все рукой, он смиряется с неизбежным банкротством, и вдруг в голову приходит удачное решение. ("Да ведь лучшего способа уладить дело и не придумать! — воскликнул мой друг, когда после десяти мучительных дней его вдруг осенило. — Как же это я раньше не додумался? Где у меня только была голова?")

В отличие от компьютера, получив задание, подсознание не только молниеносно перебирает свои файлы в поисках ответа. Оно также думает, оценивает, взвешивает. Сначала надо понять суть проблемы во всех ее запутанных взаимосвязях. Прислушиваясь к горестным стенаниям сознания, подсознание улавливает суть дела. Прикидывает, что больше подойдет, и выдает ответ, но сознание его не принимает. Оно с тоской раздумывает, почему же это решение не годится. А подсознание знай себе слушает, вникает в проблему и выдает новое предложение. Опять не угодил? Почему? Сознание по-прежнему в унынии. Подсознание снова принимается за работу и не успокаивается, пока не находит приемлемого для сознания решения. Сознание веселеет и ликует, а подсознание отдыхает. Пока что весь организм вне опасности.

Поистине счастливчик тот, на кого нисходят наития. У такого человека Нечто даже не старается представить дело так, будто мысль "сварилась в котелке" сознания. Поразмыслив и найдя нужный ответ, подсознание вырывается, как гейзер, в виде

«интуиции» или «вдохновения». (Женщины почему-то склонны полагаться на «интуицию», а мужчины предпочитают "вдохновение"). «Осененное» сознание припоминает подобные случаи в прошлом и, если результат был положительный, действует "по вдохновению". Чем проницательнее подсознание, тем охотнее сознание следует его указаниям.

Вопрос наитий заинтересовал меня особенно. До болезни ничего такого я за собой не замечала, а вот в те три месяца, что последовали за спонтанным исцелением, наития сыграли важную роль в моей жизни. Если бы не они, я наверное, превратилась бы в душевную развалину. При моем осторожном характере, прежде чем действовать, я всегда должна осмыслить, чем мотивирован поступок, и всегда предпочитаю трезвый сознательный расчет неизвестно откуда взявшемуся наитию, которое еще неизвестно куда меня заведет. Таких людей, как я, много, и их никогда не озаряет. Зачем подсознанию "метать бисер перед свиньями"? Все равно не поймут. Всю свою жизнь я полагала, что мыслю. Возможно, потому, что работая с таким характером, моему подсознанию приходилось искать более хитроумные подходы, вот оно и посылало свои мысли и откровения в виде ласковых волн, пока убаюканное сознание не уловит их смысл, ни на йоту не сомневаясь в собственном авторстве. В те три месяца подсознание работало по обычной схеме, только это стало заметно потому, что мое состояние было необычным.

Неразрешимой загадкой для меня оставалась та скорость, с которой я написала свою повесть в период душевной пустоты, последовавший за исцелением. Я решила провести некоторые изыскания в области профессионального литературного творчества. У меня состоялся разговор с одним сочинителем популярного чтива, которого с успехом мог бы заменить электронный мозг. "Я никогда не сажусь за работу, пока не появится творческий зуд. Пробовал без него, ничего путного не получилось. Здесь главное, чтобы как следует упрело, тогда тащи кашу на стол, — крутую и с пылу с жару. А если вынуть до сроку, будет недоваренная размазня. Переписывай хоть до посинения, все равно ерунда получится". На мой вопрос, как они творят, все остальные, с кем мне довелось беседовать, в один голос отвечали: "Само пишется". Пытаясь объяснить свое состояние вдохновения, они говорили об очень интересных вещах. "Мне казалось, что я работаю как рация в режиме приема". "В голове как будто кран открылся". "Такое состояние, что я не смог бы заставить себя написать по-другому".

Те же мысли я обнаружила и в сборнике "Творческий процесс", написанном рядом талантливых творческих личностей.

Вот что рассказывает А. Э. Хаусман об одном из своих стихотворений:

"Две строфы, без всяких последующих переделок, возникли в уме, когда я стоял на перекрестке… Третья немного поупиралась, но я ее быстро заманил. Нужна была еще одна строфа, но она не шла. Пришлось сесть и сочинять самому, ну и трудное дело, признаюсь". Ами Лоуэлл поделилась своими наблюдениями: "Слова появляются внезапно, одно за другим, с такой настойчивостью, что противиться этому нет сил. Надо немедленно их записать, иначе испытываешь страдание почти физическое, которое не покидает тебя, пока ты не отдашься творчеству".

Мне припомнились слова Буравчика: "Все Операторы занимаются одним делом, но это не значит, что они делают его одинаково. Взять хотя бы Ники. Еще совсем малыш, а уже один из руководителей в Западной организации. А теперь посмотри на меня, многого ли я достиг? Управлять Вещами умеют все Операторы, да не всякому талант дан".

Загадочный, потрясающий инструмент — подсознание. Невольно вспомнишь замечание Катка: "Если бы не Операторы, Вещи до сих пор сидели бы по своим пещерам".

Но одна из самых больших загадок подсознания — это его "неординарные таланты", демонстрируемые нечасто и от этого еще более поражающие воображение. В некоторых из африканских племен есть люди, чувствующие наличие подземных источников воды. В древности от этой способности, развившейся именно в Африке, возможно, зависело выживание целой расы. В определенные моменты человеческого развития появление необыкновенных талантов вызывалось простой необходимостью. Вполне вероятно, что умением находить воду когда-то обладали все народы и расы. Как я узнала, в Америке и сейчас существуют белокожие носители этого дара. Их называют «лозоходцами» и нанимают для определения подземных источников воды, для чего они пользуются раздвоенным ивовым прутиком. Взяв его за оба конца, лозоходец медленно идет, пока прутик не вздрогнет у него в руках. Здесь и роют колодец, чтобы убедиться, что лозоходец не зря получил свои деньги. Всегда хочется найти какое-нибудь вразумительное объяснение на вопрос: "А почему прутик дрогнул? " Видимо, сознание и подсознание условились о некоем понятном обоим сигнале. У прутика с раздвоенной верхушкой центр равновесия расположен таким образом, что достаточно малейшего усилия, чтобы он заметно вздрогнул. Подсознание посылает в пальцы настолько слабый нервный импульс, что сознание его не чувствует, зато этого достаточно, чтобы прутик

дрогнул. Здесь уж и сознание видит, что ожидаемое свершилось, надо браться за лопату. А уж как подсознание определяет, где вода, оно об этом не говорит.

В Университете Дьюка вопросами экстрасенсорных способностей больше двадцати лет занимается доктор Дж. Б. Райн. Он провел тысячи экспериментов, в которых Нечто каждого из многочисленных участников проявляло себя самым удивительным образом, но Райну не удалось получить никакого разъяснения, как это происходит практически. В одной комнате перед чистым листом бумаги сидит человек и сосредоточенно настраивается на мысли другого человека, сидящего в соседней комнате с какой-то картинкой перед глазами. Неожиданно она появляется в уме первого, и он рисует ее на бумаге. Это пример телепатии. Один из помощников Райна тасует карты и кладет их одну за другой, не открывая, на стол. Испытуемый угадывает карты до двадцати пяти раз подряд. Но и после двадцати лет исследований доктор Райн пребывает все в том же неведении, как в этих случаях действует механизм подсознания. Видимо, человек сознательный так ничтожно мало знает об этих экстраординарных талантах, что подсознание пока не может найти с ним общего языка или хотя бы общего уровня понимания, чтобы просветить его относительно этих удивительных процессов.

Чем больше я узнавала о способностях подсознания, тем больше сомневалась в теории сознательных осколков. Похоже, Нечто вполне могло обходиться без посторонней помощи, тем более помощи иссохшего берега.

Человек в процессе мутации

Отчаявшись после многолетних попыток установить причину шизофрении, психиатры передали эстафету биологам. Те получили плазму из крови шизофреников и выкормили на ней мух. Мух скормили паукам. Пауки, вместо того, чтобы ткать свою симметричную паутину, сплели нечто висячее и бесформенное. Пауки, получившие с кормом плазму больных другими видами умственных расстройств, сохранили способность создавать свои ажурные шедевры.

Подобные эксперименты убедили биологов в том, что шизофрения, в отличие от других душевных заболеваний, связана с нарушением химического обмена. Какое-то чужеродное вещество, попадая в кровь, разрушает разум, а с ним и личность. Человек больше не в состоянии упорядоченно сплетать свои мысли, как тот несчастный зараженный паук — плести свою паутину.

Что это за вещество? Выделить и определить его не удалось.

Известно только его воздействие на пауков и на другие подопытные существа. Обозначим его буквой Х.

Как оно попадает в кровь шизофреника? Видимо, его вырабатывает сам организм. Одни биологи считают, что вещество Х появляется при нарушении работы надпочечников. Другие полагают, что нарушение может быть врожденным и обостряется при стрессе. Опыты, указывающие на физическое происхождение шизофрении, являются настоящим прорывом в науке, достаточно надежной платформой для дальнейших исследований в этом направлении. Но сама платформа вызывает массу вопросов. Что же вообще происходит с человечеством, если так быстро увеличивается число людей, в крови которых появляется неизвестное вещество и разрушает их разум? Соотношение шизофреников и нормальных людей с каждым годом вызывает все большую тревогу.

Давайте прислушаемся к самому смелому предположению одного из биологов: "Я почти уверен, что шизофрения свидетельствует о попытке природы создать новый вид человека путем мутации".

Процесс мутации — это длительный путь совершенствования, и на этом пути природа наделает немало ошибок. Занятая созданием новых видов, великая сила жизни бесстрастна там, где речь идет об отдельном живом организме. Прежде чем у птиц появились настоящие крылья, сколько странных существ отбросила природа как результат неудачных экспериментов. Теперь вот растет число человеческих существ, способных вырабатывать непонятные вещества в крови. Автор теории мутации может, по крайней мере, опереться на статистику.

Хотя я лично не слишком склонна принимать эту любопытную теорию всерьез, все же нельзя от нее отмахнуться просто так. Может, идет процесс адаптации человека к среде, которая стала слишком сложной и тесной для его физических и умственных возможностей? Или формируется новый вид человека, более приспособленного к новой среде, которая сама находится в начальной стадии развития? И все это предчувствует великая сила жизни?

Посмотрим на человеческий организм. Все ясно, полагает человек: вот тело, вот разум. Но человек — сложная вселенная, приводимая в движение солнечной системой желез внутренней секреции, это объединенная организация органов, необъятная электронная сеть нервных волокон, речная система кровообращения и уйма специализированных клеток, часть которых предназначена для мышления.

Взглянем на человеческий мозг. Из всего, чем располагает

человек, пожалуй, самым незавидным является сознание, с которым он себя отождествляет. Оторванное от подсознания шизофренией, оно предстает иссохшим, почти бесплодным островком с хилой и скудной кактусообразной порослью. Проведя на нем полгода, сознаешь, какой это жалкий пятачок. Когда рассудок в норме, сознание похоже на песчаное побережье, куда набегают океанские волны подсознания.

Подсознание — более мудрая часть человека, но отнюдь не его ядро. У него свои определенные и ограниченные функции. Подсознание не отвечает, например, за рост костной ткани или за цвет волос. А ритм его волн зависит от своей индивидуальной луны, оно не может само определять уровень интеллекта. Внутри каждого человека находится Главный Распорядитель. Это он своими чуткими пальцами равномерно распределяет гены, настраивает эндокринную систему, налаживает взаимодействие органов, наполняя все жизненной силой. Но и Распорядитель повинуется распоряжениям. Он занят не только отдельной человеческой песчинкой, но и участвует в создании новых видов живой природы. Все ведающие отдельными индивидуумами Распорядители участвуют в процессе мутации. Можно сформулировать эту теорию попроще, если вас так больше устраивает, но это не снимет вашей тревоги. Не в силах справиться с новыми факторами в среде человеческого обитания, часть Распорядителей терпит крушение.

Возьмем такую форму жизни, как муха. Борясь за выживание, муха вдруг сталкивается с ДДТ. Распорядители мух выводят породу, устойчивую к ДДТ. Появляется новый мутант. Мухе повезло. Проблема разрешилась сравнительно быстро. А вот Распорядители доисторических пернатых задумали создать крылья, чтобы птицам было легче добывать корм и спасаться от врагов. Это был смелый и сложный инженерный проект, и времени на него понадобилось больше. Что же говорить о человеке, разум и тело которого гораздо сложнее, а среда обитания катастрофически меняет свой характер? Видимо, возникает необходимость мутаций. Что для природы несколько миллионов шизофреников, когда нащупывается путь к созданию нового устойчивого вида?

Упорное наступление шизофрении ужасает. Если быть пессимистом, то кажется, что человек гибнет как вид. Хотя долгая история человечества свидетельствует о том, что не так-то просто истребить живое. Человек утверждает: "Среда, которую я создал, разрушает меня". "Ты козявка, — отвечает жизнь, — и не видишь дальше своего носа. Я сделаю тебя таким, что тебе будет нипочем любая созданная тобою среда".

Вот и все о мутационной теории шизофрении. Мысль кажется диковатой, так ведь и в спутник поначалу никто не верил. Остановившись на этой теории с несколько мрачным удовлетворением, я неожиданно вспомнила один из диалогов моих Операторов. Объясняя причину своего появления, они четко заявили, что проводят эксперимент и в связи с этим мне предстоит стать своего рода неудачным результатом опыта.

Мои знания биологии со временем повыветривались, но они сохранились на складах подсознания и невнятно дали о себе знать. Природа проводит эксперимент, а я — ее ошибка. Все мы участвуем в этом мутационном эксперименте, мы — рабочий материал природы. Она бросила нам вызов, и мы должны найти ответ, прежде чем за нами закроются двери желтого дома.

Я так много бахвалилась своим подсознанием, которое так успешно справилось с шизофренией, что мое следующее соображение покажется неким диссонансом. Просто мне повезло, что у меня оказался более сообразительный Распорядитель, который сумел найти управу на неизвестное вещество в крови. Пока я полгода пребывала в заблуждении, что осколок сознания и воля сражаются с безумием, мой Распорядитель тем временем корпел над созданием вещества Y, чтобы нейтрализовать вещество X.

Подопытная свинка. Ошибка природы. Как неприятно звучали эти слова, когда я слышала их от Операторов. Но теперь я нахожу некое утешение в том, что оказалась вовлеченной в процесс мутации человека. Может, я уже превратилась в мощную фабрику по выработке вещества Y. Если у вас есть знакомый бедолага паук, объевшийся шизофреничными мухами, посылайте его ко мне, не пожалею для него своей плазмы. Он вызывает у меня глубокое сострадание.

Хинтон: человек с дальней полки

Среди всех Операторов особо выделяется, вызывая некое неудобство и тревогу, фигура Хинтона. С остальными Операторами я чувствовала себя легко и просто, видно, потому, что подходила к ним со своими человеческими мерками. Если бы я была здорова, а они существовали на самом деле, моя реакция была бы точно такой же. Они все мне нравились, а многие даже очень. Некоторые были мне не по душе. Например, меня раздражали Громила и Паук, а злобный Доррейн даже пугал. Но мне было не по себе с Хинтоном. Надо сказать, вряд ли кому-нибудь удалось бы расслабиться в присутствии Хинтона. С запавшими глазами и щеками и почти прозрачным, вытянутым телом, он очень мало походил на человека. Его чересчур

длинные, прямые, темные волосы словно выражали протест общественным условностям, среди которых стрижка и бритье занимали одно из первых мест. На фоне постоянной суеты полудюжины белесых призраков и бесконечной говорильни невидимых голосов Хинтон всем своим неподвижным обликом и спокойно-печальным лицом, казалось, должен был привнести некое умиротворение. Но в нем этого не было.

Его молчаливое присутствие было постоянным. То он стоял в отдаленном углу комнаты, наблюдая за мной краешком глаза, то сидел в моем любимом кресле, раскинувшись в расслабленной позе. В то время как другие Операторы болтали со мной, Хинтон молча изучал меня с печальной задумчивостью. Поэтому я не слишком удивилась, что именно Хинтон остался со мной, когда все остальные Операторы исчезли. У него было упорство молчуна.

Когда Операторы впервые появились у моей кровати, разговор начал Берт: "Все мы заинтересованы, чтобы ты получше узнала Хинтона". Появление Берта, собственно, и понадобилось лишь для того, чтобы произнести эту фразу. Почти вслед за этим Хинтон объявил, что Берт отстраняется от дела. Ники явно огорчился, услышав эту новость, но тоже, очевидно, не мог этому воспрепятствовать. Значит, парадом командовал Хинтон.

Какую часть себя мы утрачиваем в процессе взросления, приспособления к обществу? Половину? Четверть? Или по частям?

Когда-то, как сказали Операторы, или, если хотите, мое подсознание, мною управляла та часть меня, которую символизировал диссидент Хинтон. Затем власть захватила та часть меня, что была представлена образом конформиста Берта. Берт набирал силу, а Хинтон уходил в тень; я же тем временем взрослела.

И вот происходит трагедия на мини-планете одного человеческого существа. Мыслительный аппарат сломался. Все его разрозненные узлы держат совет: что делать, как выжить? Но за видимой разрозненностью чувствуется некая целостность, управляющая сила, которая подбирает необходимые для устранения безумия узлы. На первое время ими оказываются Хинтон, Ники и Проныра.

Если предположить, что действительно кто-то отвечает за ремонт, почему выбрали именно их? Глядя на Хинтона, понимаешь, что это кот, который, гуляет сам по себе и делает все по-своему. Одного взгляда на Ники достаточно, чтобы увидеть, какой это приятный, обаятельный малыш и как он умеет ладить с людьми. Что касается Проныры, то сразу видно, что это шустрая, продувная бестия, которая вывернется из любой заварухи. И если

вас с самого начала снабжают такими провожатыми, можно догадаться, какой нелегкий предстоит путь.

В состоянии безумия я много месяцев колесила по стране. За это время мне повстречалось множество людей, произошло много событий, о которых я не рассказала, потому что моя книга не путевой дневник. Но никто даже не заподозрил, что я безумна. В этом свете ясно, почему выбор пал на обаятельного Ники и хитроумного Проныру. Без них мне пришлось бы туго.

Но почему ниспровергатель устоев Хинтон, этот независимый кот? Что он представляет в мире подсознательных символов? Ту часть разума, что была ведущей в детстве и частично утрачена во взрослом состоянии? Как все дети, я, конечно, не была конформистом. И как большинство людей, повзрослев, я стала примерным приспособленцем, думающим и поступающим, как принято в обществе. Но я отличалась от остальных тем, что, взрослея, я научилась жить как бы в разных измерениях. Я очень рано стала многомерным ребенком. Не буду подробно описывать свое детство, но все же постараюсь дать самый общий набросок. Ребенком я была обыкновенным, но с определенными странностями. Отличаясь общительным характером, умением ладить с окружающими и вызывать их симпатию, я научилась выказывать свои странности только там, где это было безопасно. А проявились они еще в школе.

У меня были лучшие оценки по математике и сочинению, но преподававшие эти предметы учителя считали меня девочкой со странностями. В старших классах я всегда находила необычный способ решения геометрических и тригонометрических задач и получала правильный ответ. Сейчас мало что сохранилось от этих знаний в моей памяти. Помню только, как я день за днем выхожу к доске и пишу странные числа, с помощью которых я решила обычную задачу. Сначала учителя поглядывали на меня с подозрительным любопытством. Наверное, я начала с того, что решила задачу обычным способом, а потом, поломав голову, нашла способ неординарный. Да нет, только этот способ и пришел мне сразу в голову. В конце концов учителя примирились с этой странностью и даже иногда стали демонстрировать меня как некое чудо. Учащиеся меня зауважали. Не всякому удается отыскать решение, до которого сами учителя не додумались. Здесь никто не порицал меня за мои странности. Отличаться в этой области было безопасно.

С сочинением дело обстояло несколько иначе. В том окружении, где я росла, было не принято выделяться, любое отклонение от устоявшегося образа мыслей и норм поведения считалось подозрительным. Среди школьников проводился

конкурс на лучшее сочинение. Моя победа на нем сразу привлекла ко мне внимание школьной администрации. Жюри конкурса состояло из людей со стороны, и их решение было единодушным. "Весьма необычная тема для подростка", — заключил председатель жюри. Школьные учителя тоже в этом не сомневались и стали донимать меня вопросами. Как мне пришла в голову такая странная тема?

Странная? А мне показалось, вполне обычная. В моем рассказе тринадцатилетняя девочка (мой возраст в то время) приходит к выводу, что Бога нет, а его образ — просто результат религиозного воспитания. Девочка решает выбросить из головы идею Бога и жить и думать так, словно Его вовсе нет. Но, начав изучать биологию, она испытывает настоящее потрясение, познакомившись с законами и правилами природы, в которой есть замысел и стройность. Замысел так велик, а стройность столь продумана, что они под силу только Богу. Идея Бога, хотя и в новой форме, возрождается.

Взрослые атаковали меня вопросами с явно нездоровым любопытством. Откуда такая тема? Просто написала, что пришло в голову, отвечала я. Сомневаюсь, что приз достался бы мне, если бы в жюри сидели учителя из моей школы. Детям из нашего окружения так думать не полагалось. Спас меня один из преподавателей, предложив участвовать в издании школьной газеты, где я и стала помещать свои необычные рассказы. Мои способности были в равной степени оценены преподавателем английского языка и литературы. Несмотря на некоторую заумность, идеи у меня были интересные и изложены внятным языком. Кроме того, я никогда не подводила класс на межшкольных конкурсах. Еще одно поле деятельности, где Хинтон мог развернуться без опасения.

Колледж, где я училась, отличался снобизмом и косностью. Поэтому мое положение мало чем изменилось по сравнению со школой. Выделяться можно, но только если это безопасно.

Моя взрослая жизнь протекала в такой же атмосфере, в какой я росла и воспитывалась. Несмотря на внешнюю яркость и разнообразие, мое окружение не поощряло свежесть и оригинальность мыслей. Все было неподвижно и затхло, как стоячая вода. В силу необходимости Берт все разрастался, помогая мне нивелироваться и приспосабливаться к окружению, а Хинтон становился все меньше, пока не уместился в кармане у Берта.

Начав работать, я рано поняла, что эффективные результаты можно получить, используя нетрадиционные методы. Но еще раньше я усвоила, что об этом надо помалкивать. К счастью,

людей, для которых я работала, не волновали методы, были бы результаты. Я позаботилась о том, чтобы они видели только конечный продукт, а уж как он получен — мое дело. Мой инстинкт верно мне служил, безошибочно подсказывая, когда и в какой мере я могу проявить свою истинную индивидуальность.

В общественной жизни я была воплощением Берта с его надежностью, устойчивостью, глубокими корнями, определенным и понятным характером, внушающим доверие именно в силу названных качеств. Хинтону в этой области отводилась самая дальняя полка.

Жизнь моего круга подчинялась своим, неписаным законам. Предполагалось, что поступив на работу в фирму, вы останетесь с ней навсегда, если только не выйдете замуж, забеременеете или умрете. Вы упорно будете одолевать ступеньку за ступенькой, пока не достигнете своего потолка. Порхать с места на место считалось признаком дурного тона. Процесс притирки продолжался и на работе, пока я не столкнулась с ситуацией, в которой Берт оказался беспомощным. С ней, возможно, справился бы Хинтон, но его давно отстранили от дел, затолкав в карман Берту и застегнув карман на пуговицу. Когда появились крючколовы в человеческом облике, Берт повел себя как и подобает Берту. Окаменев от страха, он не смог ни бежать, ни сражаться. Он не сдвинулся с места, пока не случилась трагедия.

Беда, как я предполагаю, произошла потому, что мне не хватило гибкости, я слишком закостенела в своих представлениях о жизни, навязанных мне обществом, к которому я так старательно приспосабливалась. Я всю себя разложила по полочкам. Но именно это обстоятельство помогло мне найти выход из болезни. В критический момент Хинтон слез с полки и взял управление в свои руки. Собственно, в возрождении Хинтона не было ничего нового с моей стороны. В свете создавшейся ситуации я просто по-новому переставила полки, чем, в принципе, занималась всю свою жизнь.

Почему же я не сделала перестановки дома, а понеслась по всей стране, пересаживаясь с автобуса на автобус? Я могла бы успешно это сделать и избежать шизофрении, если бы смогла убедить себя, будь то на сознательном или подсознательном уровне, что Хинтона примут в моем кругу. Но трудность заключалась в том, что по моим, сформированным обществом представлениям, Хинтон был бы даже менее желательным, чем крючколовы.

Мой бред в основном касался тонкостей работы последних и способов борьбы с ними. Безумие стало для меня своего рода психологической тренировкой, которая должна была подготовить

меня к встрече с такой же стрессовой ситуацией, но в реальной жизни. В Америке много мест, не скованных столь крепкими цепями строгих условностей, и, возможно, подсознательно я считала таковыми места, куда доставляли меня автобусы Гончих Псов. Там я обосновалась, заново приспособилась к новым условиям и стала другим человеком. Берт съежился и ушел на задний план, а Хинтон снова вырос. Ни одно медицинское учреждение не могло бы сделать со мной ничего подобного. Скорее всего, там меня попробовали бы снова приладить к домашним условиям и вряд ли бы преуспели.

Интересно отметить, что когда я тем утром покидала свою квартиру, именно Хинтон настоял на том, чтобы я взяла с собой пишущую машинку. Интересно, зачем? Пользовалась я ею крайне редко, а таскать ее с собой было тяжело. Но я послушалась. Видно, Хинтон уже тогда знал, что ему пригодится этот инструмент, и знал даже, как он его использует. За время своих скитаний я ни разу не открыла машинку, пока аналитик не подкинул мне идею начать что-нибудь сочинять в лечебных целях. Это сыграло определенную роль в моем выздоровлении и еще более значительную — в моей дальнейшей литературной работе.

Возможно, кому-то покажется, что я виню общество в своей личной трагедии. Это не так. Мое окружение не хуже и не лучше других, и многое в нем было достойно уважения и подражания. Трагедия заключается в том, что я оказалась совершенно неподготовленной к тем законам джунглей, которые так быстро подчинили себе окружавший меня мир. Причина не в обществе, а в моем индивидуальном аппарате приспособления. Я расчленила свою личность, непростительно далеко запрятав отдельные свои качества, а в результате целостность личности была нарушена, только ради того, чтобы отдельная ее часть представляла всю личность. Если бы мне хватило мужества остаться самой собой, никому не пришло бы в голову считать меня невротиком. Самое худшее, меня могли бы назвать "не такой". В последнем определении чувствуется доля критицизма, а я стала очень болезненно на него реагировать.

Думаю, трагедия шизофреника в том и заключается, что он утрачивает целостность личности и позволяет лишь какой-то ее части представлять всего себя. Он перестает быть самим собой и заискивает перед окружающим миром, чтобы быть принятым в ложном обличье. Свои потайные миры он прячет так далеко, что не только общество, но и он сам уже не может их найти.

Выбирая такой путь, человек совершает самоубийство и обречен существовать бок о бок с живым мертвецом. Если у него

устойчивая психика, то ему удастся успешно скрывать своего мертвеца, изредка выпуская его на прогулку в подходящий момент. Такой человек — ярко выраженный приспособленец в силу собственной трусости. Но случается, мертвец восстает и незаметно уводит своего хозяина в мир грез, где для него (мертвеца) наступает раздолье. Если мертвец покладистый, то он позволяет хозяину расчленить себя, разложить по полочкам. В последнем случае временное равновесие резко нарушается, опрокидывается устоявшийся порядок вещей.

У психиатров принято считать: шизофрения — это раз и навсегда. Это надо понимать не в том смысле, что больному никогда не вырваться из больницы, а в том, что в структуре его личности навсегда останется «слабина». Шизофреника нельзя воспринимать как человека, который "не вписывается". Вписывается и даже слишком хорошо. Но это снаружи, а внутри он так никогда и не научился приспосабливаться к жизни как цельное «Я». Он научился только работать как агрегат, состоящий из множества отдельных узлов.

Прошло три года с тех пор, как Операторы покинули меня. Приспосабливаясь, я включила другие рычаги и другие узлы. Они лучше подходят для новых условий, но по-прежнему не составляют единого целого. Голову я себе починила, но это работа на скорую руку, временная заплата. Некоторое утешение я черпаю в том, что моя жизнь сейчас стала как никогда устойчивой, но заплата есть заплата, и не стоит выдавать ее за что-то другое. Призрак взыскующего общественного глаза все еще страшит меня, и я только тогда обрету целостность, когда наберусь мужества и смело встречу этот глаз.

Там, где никто не знает ответа, любой может сделать предположение. Мое предположение: шизофрения угрожает тому, у кого не хватает мужества и поэтому он расчленяет свою личность ради того, чтобы принять себя и быть принятым обществом. Думаю, что неизвестное вещество появляется в крови не как причина, а как следствие этого внутреннего раскола. Рано или поздно такой человек оказывается под воздействием невыносимого стресса и, чтобы его нейтрализовать, в кровь выбрасывается в больших количествах адреналин. Но у такого премудрого, вечно дрожащего от страха пескаря, скорее всего, и надпочечники будут не в порядке. Вместе с адреналином образуется некое вещество X, которое, в свою очередь, раскалывает разум. Подозреваю, что во время моих стычек с Операторами не вырабатывалось никакого вещества Y. Просто я переналадила свои железы, чтобы они нормально функционировали и вымывали из моего организма вещество X.

Памятка об учреждениях для душевнобольных

Как-то вечером, решив передохнуть от своих научных изысканий, я взяла почитать книгу, которая, судя по названию, показалась мне развлекательной. Но судьба, словно стараясь и здесь удержать меня в наезженой колее, подсунула мне книгу Джозефа Крамма «Птица-сорокопут». Вместо истории о доме с привидениями или чего-то в этом роде я прочитала удивительную историю человека, помещенного для обследования в психиатрическую палату городской больницы и с трудом вырвавшегося оттуда, невзирая на изрядное здравомыслие.

"Легко войти, трудно выйти" — вот вывод г-на Крамма относительно психиатрических заведений. Описанные автором ужасы должны были произвести глубочайшее впечатление на читательскую аудиторию.

Думаю, я тоже не разочаровала бы г-на Крамма, если бы прочитала книгу до всех моих приключений. Но книга попала ко мне слишком поздно. Она изрядно повеселила меня, когда я припомнила, с каким трудом пыталась в последний месяц болезни попасть на лечение в больницу. И это когда в моей голове было не больше разума, чем у кукушки на часах. Или взять тот первый месяц болезни, когда я нанесла весьма кратковременный визит в подобное заведение и почти беспрепятственно удалилась. Пожалуй, соглашусь с г-ном Краммом, который замечает в своем произведении, что психиатры не столько прощупывают больного своими вопросами, сколько подкалывают. Есть байка про одного водителя, у которого машина сломалась напротив психиатрической лечебницы. Трое глазевших через забор пациентов дали ему несколько дельных советов, как поправить дело. Водитель очень удивился, когда узнал, кто его консультанты. Прочитав его мысли, один из троих заметил с усмешкой: "Мы здесь, потому что чокнулись, а не потому что дураки". У психиатра такое смутное представление о подсознательном интеллекте и проницательности шизофреника, что своими типовыми вопросами он только вынуждает больного прикрыться маской безразличия и мобилизовать всю свою изворотливость на то, чтобы перехитрить врача.

Мне, конечно, трудно судить о том, что было на уме у психиатра той больницы, куда направил меня священник. Уж он-то знал, что я больна и совсем одна в чужом городе. Но я до сих пор слышу его холодный бесстрастный голос, когда он сообщил, что не может положить меня в свою больницу, так как я живу меньше года в этом городе, и что мне лучше вернуться домой.

Может, я несправедлива к нему, но мне кажется, он был больше всего озабочен тем, чтобы лечением у него в больнице я не истощила местную казну. Я как сейчас помню, с каким небрежным равнодушием он взял с меня десять долларов за прием, так же небрежно поднял полу халата и сунул деньги в левый карман брюк.

О психиатрических больницах написано много и, как я полагаю, еще больше можно написать. Я, к сожалению, могу сказать очень мало. Мне туда не удалось попасть.

Не на жизнь, а на смерть

Проработав в регистратуре недели три, я сообразила, что рынок прилично оплачиваемого труда в Калифорнии весьма богат и мне надо поискать что-нибудь получше. Прошло ровно четыре месяца с того момента, как исчезли голоса. В этот день я купила газету и обнаружила в ней объявление: "Требуются литераторы". Я вспомнила одобрительные комментарии своего аналитика по поводу моего сочинения и, настроившись весьма легкомысленно, позвонила и договорилась о встрече. Меня приняли на работу. Мой работодатель вскользь заметил, что опыт технической работы свидетельствует об упорядоченности моего ума. Хотя было не совсем ясно, насколько мне необходимо это качество для той работы, которую я получила. Дело было не совсем обычным, а тот отдел, куда я попала, еще более необычным. Работа в какой-то мере была связана с рекламой, и люди в отделе были весьма колоритные и неординарные, каких мне до сих пор не приходилось встречать.

К работе я приладилась быстро, хотя она оказалась гораздо сложнее, чем представлялось на первый взгляд. Через месяц я уже достаточно разобралась в своих обязанностях, чтобы позволить себе поднять голову от стола и присмотреться к тому, что творится вокруг. Через несколько дней, несмотря на новизну обстановки, я уловила в ней нечто до ужаса знакомое.

Б хотел занять место А. Б и Г рвались ухватить место Б, как только тот подсидит А, поэтому оба помогали Б в осуществлении его замыслов. Союз, конечно, прекратит свое существование, как только подойдет время уничтожать друг друга. Место В мечтал занять Д, как только В получит место Б. Поэтому Д был заинтересован в устранении А и Г. На место В также претендовал Е, и поэтому точил зуб на А, Г и Д. Цепочка тянулась почти что в бесконечность. (Помни, Барбара, все конторы в этом плане на один лад. Ты должна принять этот факт и уживаться с ним). Я не знала, насколько у меня хватит выдержки, но решила посмотреть, что будет. Неужели в бизнесе все такие? Среди моих друзей таких

людей не было, но в учреждениях они, как сорняки, казалось, заполонили все.

Иногда меня мутило от всего этого, я спасалась бегством в себя, но снова упрямо возвращалась в реальность. К счастью, в своем безумии я научилась преодолевать тернистые пути. Операторы позаботились о том, чтобы выскоблить решетку старых представлений, что привели меня к болезни, и дали вырасти новой, которая вооружила меня знанием основ и методов крючколовства.

Одно не вызывало сомнений. Защититься от нападения можно, только самой взявшись за оружие. Я полагала, довольно самоуверенно, что ничего подобного никогда не появится в моих руках. Но вскоре с потрясающей сностью осознала, что быстро усваиваю технологию взаимоуничтожения, проявляя завидную сообразительность. Я не только следила за интригами сослуживцев, но придумывала для каждого беспроигрышные ходы. Мне стало ясно, что еще немного — и на следующей ступени обучения я научусь логично убеждать себя в том, что так им всем и надо, а там уж недалеко и до непосредственного участия в битве не на жизнь, а на смерть.

На работе я была новичок, да и занимала самую нижнюю ступеньку лестницы, поэтому как цель не представляла пока особого интереса. Невелика добыча. Но все же в порядке самообороны я предприняла кое-какие меры. Во-первых, изменила свою манеру говорить так, чтобы никто толком не понял, что я вообще хочу сказать. В результате сложилось мнение, что я плохой собеседник, да и слушатель неважный, а это, естественно, затрудняло нащупывание моих слабых мест. Воспользовавшись случаем, я приврала насчет несуществующих у меня талантов и прибеднилась там, где на самом деле были кое-какие способности. Удар в слабое место не заставил себя ждать, но поскольку в этой области я чувствовала себя уверенно, то ловко увернулась.

Тем временем я продолжала изучать обстановку. Прошел год, предстояло повышение по работе, я приглядывалась еще внимательнее. Мое Нечто выработало к этому времени целый арсенал приемов и снабдило им мое сознание, но мне не хотелось пускать их в оборот. Я понимала, что без труда могу стать весьма удачливым крючколовом. Меня больше не тревожило чувство жалости к тем, кого я могла уничтожить. И я больше не боялась оказаться жертвой. Ведь в мире еще остались такие места, где реалии жизни заставляют поймать, зажарить и съесть соседа. Бесстрастная мысль шевелилась в мозгу: что станет с рукой, если она возьмется за нож? За ответом не надо ходить далеко,

достаточно оглянуться вокруг.

В мире Операторов, если ввязаться в борьбу, выбора остается очень мало. Можно стать (1) еще одним крючколовом; (2) вместилищем кучи неврозов и психосоматических болезней и (3) забившимся в угол психом. Вариантов не густо, но ясно одно. Решетка крючколова не по моей голове. И я нашла другое место работы, снова на самой нижней ступеньке, где можно спокойно продержаться год-другой, если постараться и не блистать способностями.

Мне было грустно, когда я подала заявление об уходе. Неужели я никогда не стану настоящим реалистом? И, возможно, с неоправданным оптимизмом решила, что никогда не стану, если буду держать себя в руках.